

настоящая любовь
не умирает

ПОЛУНОЧНЫЙ
Залентайн

ДЖЕЙ ТИ ДЖЕССИНЖЕР

VK.COM/BESTSELLER_BOOKS

Настоящая любовь не умирает. Возлюбленные с детства, Меган и Кэссиди думали, что будут вместе вечно. Но у судьбы другие планы. Вскоре после свадьбы, жизнь Кэсса трагически обрывается. Пять лет спустя, Меган все еще скорбит по своей второй половине, и, в надежде восстановить свою жизнь, переезжает в маленький городок Сисайд, штат Орегон. В первый же вечер она встречает городского отшельника Тео. Замкнутому, настороженному и таинственно молчаливому из-за аварии, которая оставила отпечаток на его жизнь, Тео понадобилось мгновение, чтобы показать необъяснимую неприязнь к Меган. Но когда их пути пересекаются снова и снова, Меган убеждается, что Тео — нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Когда она обнаруживает причину его молчания, кошмаров и особенно явной неприязни, Меган открывает что-то более удивительное. Есть ли второй шанс для любви на всю жизнь, или разбитое сердце-самый жестокий обманщик?

Полуночный Валентайн

Год: 2018

Автор: Джей Ти Джессинджер

Жанр: СЛР, мистика

Серия: без серии

Язык издания: английский

Главы: 30 + эпилог

Перевод: Наташа Паранина

Сверка: Елена Курак

Корректор: Светлана Андреева

Вычитка: Наташа Паранина

ГЛАВА 1

— Вы верите в реинкарнацию?

— Меган, мы уже это уже проходили.

— И Вы никогда не давали мне прямого ответа. Ничего не произойдет, если Вы просто скажете.

— Важно, лишь во что ты веришь и почему.

Я сижу на неудобном кожаном диване, на котором лежала каждый четверг по пятьдесят минут в течение последних двух лет, и смотрю на доктора Сингера. Он достаточно красив и похож на инженера пятидесятых в классической белой рубашке на пуговицах, очках с роговой оправой и своими короткими серебряными волосами. Через десять минут после нашего знакомства я поняла, что доктору можно доверять, но что буду лгать ему, как и любому другому психотерапевту, которого посещала ранее.

Правда слишком болезненна, чтобы произносить ее вслух. Некоторых демонов стоит навечно оставить гнить в темноте.

— Это наш последний сеанс, доктор Сингер. Значит, Ваш последний шанс помочь мне.

Хотя он обучен сохранять нейтральное выражение лица, он заметно вздрагивает.

— Ты чувствуешь, что я не помог тебе, Меган?

Конечно, нет. Но это не его вина, что мои осколки невозможно собрать и склеить, поэтому я улыбаюсь и решаю сказать что-то приятное.

— Вы лучший терапевт, который у меня был.

Доктор изучает меня. Сквозь очки видно его глаза цвета старой джинсовой ткани, потускневшей от стирки с кислотой печальных историй. Слишком много ядовитых секретов выбелили ее основу.

— По прибытии в штат Орегон ты позвонишь доктору Андерсу?

— Да, — лгу. — Как только устроюсь.

— Очень на это надеюсь. Он действительно хороший человек и психиатр с высокой квалификацией.

— Вы тоже высококвалифицированный специалист. Посмотрите, к чему это нас привело.

Мы смотрим друг на друга, пока часы тихо тикают на стене. Где-то снаружи лает собака. Все это звуки невыносимого одиночества.

— Ты умная женщина, Меган и знаешь, что психотерапия не будет работать, если ты этого не хочешь.

— Последние два года я посещаю Вас регулярно. Так что я хочу этого.

— Здесь было твое тело, но разум где-то витал. Ты никогда не была полностью открытой и честной. Скажешь, что я не прав?

Я поднимаю сумочку с пола, перекидываю ее через плечо и встаю, готовая покончить со всем этим. Меня ждет фургон, новая жизнь и тысяча мечтаний, похороненных посреди пустыни.

— Давайте заключим сделку. Скажите, верите ли Вы в реинкарнацию, а я честно отвечу. На любой вопрос, только правду.

Доктор Сингер поднимается, напрягая все свои неуклюжие конечности, и выходит из-за стола. Он останавливается передо мной и упирает руки в бедра.

— Отлично. Думаю, лучше поздно, чем никогда, — он задумывается на мгновение, затем говорит: — Нет, я не верю в перерождение душ. Или загробную жизнь. И думаю, что в этом есть свои плюсы, поэтому важно жить полной жизнью. Противостоять нашим проблемам. Работать над ними, чтобы, в конечном счете, стать свободными и наслаждаться отведенным нам временем.

Не удивившись его ответом, я киваю.

— Окей. Спасибо.

В нетипичном для него жесте Доктор Сингер кладет руки мне на плечи, демонстрируя свою симпатию. Заглядывает в лицо и мягко добавляет:

— Теперь вот мой вопрос: почему ты не позволяешь себе помочь?

Он выглядит серьезным. Я тронута его очевидной искренностью, тем, как сильно доктор хотел вырвать меня из ямы отчаяния. По доброте душевной этот мужчина думает, что все проблемы могут быть решены, если просто поболтать о них.

— Потому что, как бы Вы ни хотели, доктор Сингер, Вы не сможете помочь тому, кто уже мертв.

Я похлопываю его по руке, сожалея о том ужасе, который вызвала, затем поворачиваюсь и выхожу за дверь.

Если ехать прямо, то дорога от Феникса до Сисайда занимает двадцать два часа. Но я принимаю решение остановиться на ночь в городке с одним светофором. В арендованной комнате в дешевом мотеле заваливаюсь на кровать поверх покрывала прямо в одежде. Смотрю в потолок, пока не светлеет. В небольшой закускойной при мотеле выпиваю три чашки отвратительного кофе и снова отправляюсь в путь.

Трасса I-5 в Калифорнии — сплошной длинный, скучный участок шоссе, переполненный фурами. Я слушаю блюз-станцию, пока разрастающийся город сменяется полями миндальных деревьев и коровьими пастбищами. Холмы центральных долин усеяны стройными силуэтами дубов, а высокие травы сожжены палящим летним солнцем. Поворачиваю налево, чтобы проехать через Портленд. К этому моменту остается полтора часа до места назначения. Я устала и проголодалась, добираясь до Сисайда, но как не странно, испытываю облегчение.

Еще один день в Фениксе, возможно, довел бы меня до грани, около которой я так долго ходила.

Агент по недвижимости уже прислал мне ключ от дома, но решаю остановиться и что-нибудь поесть, прежде чем идти туда. Захожу в еще одну забегаловку, забитую парочками седых стариков и одиноким мужчиной, который смотрит в окно на покрывающий вечерний дождь.

С легкостью можно определить насколько он внушительный, даже не смотря на то, что он сидит. Широкие плечи натягивают швы черного плаща. Руки оборачивают кружку, которая кажется карликовой. Похоже, ему пришлось постараться, чтобы усесться в кабинке.

Однако мужчина выделяется не только своими габаритами. От него исходят угрожающие вибрации: то, как он горбится, то, как капюшон плаща отбрасывает темные тени на его лицо. Будто он не хочет, чтобы кто-то на него смотрел.

Как будто скрывается.

— Что я могу тебе предложить, дорогая?

Официантка, стоящая за стойкой, держит графин кофе. Ей чуть больше шестидесяти, она пухлая и краснощекая, и улыбается, как будто мы старые друзья. Я сажусь на один из стульев, положив сумку на деревянную панель.

— Мне немного кофе, пожалуйста. И денверский омлет с беконом. Бекон отдельно.

Если женщина и посчитала странным, что я хочу яйца на ужин, то не подала виду. Просто кивает и наливает мне кружку кофе, и, бросив, что скоро вернется, уходит.

Когда она направляется на кухню, я поворачиваюсь к окну и попиваю свой напиток. У меня не было возможности рассмотреть город во время поездки из-за темноты, но я долго изучала информацию.

Сисайд, штат Орегон — небольшой курортный городок с пляжем, известным своими местами для серфинга, а также набережной двадцатых годов с аркадой и старинной каруселью. Население немногим больше шести тысяч человек, что далеко от полутора миллионов, которые толпились в Фениксе. Воздух здесь тоже другой, более свежий и бодрящий, наполненный ароматом соли и сосны вместо смога и камня, испеченного безжалостным солнцем пустыни.

Надеюсь, здесь все будет по-другому. Надеюсь, у меня получится оставить свои кошмары позади.

Погрузившись в мысли о предстоящей работе в доме, я наслаждаюсь кофе и

подслушиваю разговоры, стараясь не задаваться вопросом, что Касс сказал бы об этом месте. Как бы он ерзал на стуле от возбуждения.

Прошло несколько минут, прежде чем я поняла, что испытываю дискомфорт.

Удивившись интенсивности ощущений, я осматриваюсь. Никто из посетителей не смотрит в мою сторону. Музыка веселая, интерьер закусочной чистый и яркий, все кажется вполне нормальным. Даже скучным.

Тогда почему по затылку бегут мурашки?

Оглянувшись через плечо, я выясняю причину. Мужчина в дождевике смотрит на меня. Нет, не смотрит. Таращится. Враждебно и с полным отвращением, как будто я его чем-то глубоко оскорбила.

Холодные, жесткие и абсолютно черные глаза напоминают обсидиан.

Я поднимаю брови и пялюсь в ответ, потому что у меня нет времени для мудаков с проблемами.

— Вот, держи, дорогая, — милая официантка ставит тарелку передо мной. В ней, увенчанная горой хашбраунов, огромная порция омлета, которой можно накормить семью из четырех человек.

— Вот это да! Это очень много еды.

Она смеется, ее живот дрожит.

— Стоило предупредить тебя о размерах порций. Кэл, мой муж и повар, любит, когда посетители уходят с чувством, что не зря потратили свои деньги.

— Передайте Кэлу, что он может поднять цену этого омлета на десять долларов. Я все равно буду чувствовать, что не зря потратила деньги, — тыкаю вилкой в огромный воздушный холмик. — Сколько яиц в этом блюде?

Она хихикает.

— Кто знает... Я бросила попытки заставить его придерживаться технологической карты много лет назад. Надеюсь, тебе понравится, дорогая.

— Уверена в этом, спасибо.

Мы обмениваемся улыбками, она подходит к прилавку, чтобы налить кому-то кофе, а я вонзаю вилку. Я не делаю из еды культ, поэтому через несколько минут расправляюсь с большей частью омлета и начинаю уминать гигантскую стопку картофельных оладий. Как только подношу вилку ко рту, странное чувство снова меня охватывает. Все крошечные волоски на моих руках встают дыбом, уши горят, как будто я засунула палец в розетку.

Я опускаю вилку, сжимаю зубы и оборачиваюсь через плечо.

Угрюмый мужчина в плаще смотрит на меня с выражением, будто собирается выскочить из кабинки и открыть по мне огонь.

Но он не знает, что я не из тех девушек, которые робеют при столкновении с неловкими или потенциально опасными ситуациями. Я девушка, которая обнажает зубы и рычит.

Поэтому встречаю его горящий взгляд с непоколебимостью.

— Какие-то проблемы?

Он сильнее сжимает чашку, пока костяшки пальцев не белеют. Сглатывает, мускулы челюсти напрягаются, но ничего не говорит.

— Как тебе омлет, дорогая?

Я продолжаю удерживать взгляд Мистера Угрюмый Плащ, прежде чем повернуться к официантке.

— Потрясающе. Теперь я могу не есть как минимум два дня. Хотя, забудем об этом. У

Вас есть лимонный пирог?

Позади раздается шум от того крупного мужчины, который начинает эвакуацию из тесной кабинки. Слышится грохот и дребезжание, скрип резиновых подошв. Во всем этом чувствуется раздражение. Затем он пробирается мимо меня, протаскивая за собой дуновение ветерка и запах леса. Я слышу, как звенит колокольчик над входной дверью и громкое закрытие двери. Сила его удара отдается во всех окнах. Удивительно, что стекла не разбились.

Оглядываясь через плечо, официантка качает головой и вздыхает.

— Мужчина само очарование, — сухо замечаю я.

— Раньше он таким не был, — голос женщины звучит печально, что пробуждает мое любопытство.

— Вы знаете его?

Ее добрые зеленые глаза наполняются тоской.

— С самого его детства. Черт, все в этом городе с ним знакомы. Он прожил здесь всю свою жизнь. Капитан футбольной команды в старшей школе, король бала, обрученный с самой красивой девушкой в городе. Все его любили. Ходили даже разговоры о том, что он баллотируется на государственную должность, потому что в этих краях был безумно популярен. Но после аварии он изменился.

Холодная пелена страха окутывает меня при упоминании слова «авария». Мне приходится увлажнить губы, потому что во рту внезапно пересохло.

Официантка машет рукой перед лицом, словно рассеивает облако плохой энергии.

— Прости, Кэл запретил мне сплетничать. Сейчас принесу тебе пирог, — она быстро возвращается с ним и снова наполняет мою кружку кофе. — Приехала сюда в отпуск?

— Нет. Переезжаю.

— В самом деле? Это интересно! Такое случается редко. Большинство людей на побережье в это время года — туристы. Откуда ты родом?

— Феникс.

Она выглядит впечатленной.

— О, большой город. Я бы не смогла жить в таком, — она замечает обручальное кольцо на моем пальце и светлеет. — Приехала с мужем?

Это слово не так больно ранит, как прежде. Я отрастила защитный слой кожи на такие слова как «муж», «брак», «дети». «Любовь».

— Мой муж погиб несколько лет назад.

Официантка кладет руку на сердце.

— О, милая. Сочувствую.

Могу сказать, что она действительно растрогалась. Многие люди говорят такого рода слова рефлекторно, из вежливости, но ничего такого не имеют в виду, но эта дружелюбная официантка не одна из них.

— Спасибо.

— Так у тебя семья поблизости? Может, в Портленде?

— Нет.

— Значит, работа?

Ей интересно, почему я решила переехать сюда. Я говорю полуправду, приправленную веселой улыбкой.

— Можно сказать и так, хотя меня не ждет никакой работодатель. Скорее, я сама им

буду, — когда она в замешательстве хмурит брови, я добавляю: — Я приобрела «Баттеркуп Инн».

Она издает возбужденный возглас, от которого головы всех посетителей оборачиваются к нам, после чего кричит через плечо в сторону кухни:

— Кэл! Эта милая девочка купила «Баттеркуп»!

В тридцать два я едва ли девочка. К тому же, я никогда не была маленькой: ни в росте, ни в личностном плане. Но официантка поворачивается ко мне, сияя, так что, кто я такая, чтобы портить ей радость этими надоедливymi деталями?

— Ну, это фантастические новости, дорогая! Я даже не знала, что он продан! Это место висело на рынке, сколько уже... Лет восемь!

— Десять, по словам агента по недвижимости.

— Сюзи Мартин, — кивает официантка. — Прошу прощения, Сюзанна, — она закатывает глаза. — Трудно называть полным именем того, кого знали писающим в штаны. Она сдерет с меня кожу, если узнает.

Когда она предупредительно на меня смотрит, я делаю движение «застегиваю губы на молнию».

— Мой рот на замке.

— Кстати, меня зовут Джин. Джин Маккоркл. Добро пожаловать в Сисайд, — она протягивает руку.

— Меган Данн, — мыжимаем руки, будто заключаем сделку.

Затем по лицу с веснушками Джин растягивается ироничная улыбка.

— Не хочу показаться занудой, дорогая, но я надеюсь, что у тебя глубокие карманы и имеется опыт в строительстве. В «Баттеркупе» беспорядок.

«Беспорядок» — это преуменьшение. Дому нужна новая крыша, сантехника, окна, очистка от плесени, озеленение, покрытие штукатуркой и покраска, новые полы и электромонтажные работы. В принципе, все. Это бывшая гостиница в викторианском стиле построена в конце 1900-х годов. Она была полна разных символов и причуд, пока не случился пожар на кухне. У прежнего владельца не было достаточного количества денег, чтобы отреставрировать здание, поэтому он выставил его на продажу. Так особняк и стоял, рассыпаясь от морского воздуха, десять лет.

— Да, там предстоит много работы, но я с нетерпением этого жду. Сюзанна дала имя лучшего подрядчика в районе. Наберу ему завтра, как только осмотрю место и пойму, что необходимо сделать первым делом. Надеюсь, у него будет время, чтобы подойти и предоставить смету. Мне не терпится приступить к работе.

Джин моргает.

— О, я уверена, что у него будет время. Хотя не думаю, что ты захочешь нанять его.

— О чем Вы?

Гул двигателя и визг шин заставляют меня оглянуться через плечо. На обочине через дорогу, в дождь, Мистер Угрюмый Плащ сидит на мотоцикле. Мужчина агрессивно дергает руль, как будто ждет сигнала для старта, чтобы тронуться. Затем срывается с ревом, разбрызгивая колесами воду. Капюшон плаща откидывается на плечи от силы ветра.

— Дело в том, что ты уже встретила лучшего подрядчика в районе, милая, и, судя по всему, он тебе не понравился, — заявляет Джин.

Когда я бросаю на нее вопросительный взгляд, она показывает подбородком на окна, звук ревушего двигателя исчезает вдалеке, пока его не поглощает дробь дождя.

Мое сердце замирает.

— Он строитель?

Она приподнимает плечо, извиняясь.

— Есть другие ребята, которые могут приехать из Портленда. Берут они намного дороже, и, честно говоря, работают не так хорошо, как Тео. Соглашусь, что он отталкивает, но если ты сможешь не обращать внимание на его молчаливость, то он действительно лучший.

Думаю, что скорчить гримасу было не вежливо. Но мое лицо регулярно выдает меня, показывая все эмоции живой мимикой, как сейчас.

— «Молчаливость»? Хотите сказать, что он немой?

— Тео не говорит.

— Он глухой?

— Нет.

— Значит, может говорить, но не хочет?

Джин вздыхает так, будто не хочет это обсуждать.

— Честно говоря, дорогая, я действительно не знаю в чем проблема. До несчастного случая он прекрасно говорил, но после аварии не произнес ни слова. Может, это физическое, может, психическое, кто знает? Все, в чем я уверена наверняка, это то, что Тео может слышать. Он понимает, что говорят люди, просто никогда не отвечает. Поэтому не жди болтовни, если наймешь его.

Становится все лучше и лучше.

— Как я должна общаться с ним, если он не хочет разговаривать?

— Скажи ему, что хочешь, и он это сделает. Если у него возникнут вопросы, Тео напишет на блокноте, который носит с собой.

Она сообщает все это, будто это абсолютно нормальный способ ведения бизнеса. Я отодвигаю тарелку, вытираю рот салфеткой и делаю еще глоток кофе.

— Спасибо, но думаю, что обращусь к парням в Портленде. Попрошу контакты у Сюзанны.

— Хорошо, дорогая. Делай, как знаешь. Хочешь что-нибудь еще или рассчитать тебя?

— Счет, пожалуйста.

Она уходит, оставляя меня задумчиво пялиться в дождливую ночь, думая о Мистере Угрюмом Плаще, бывшем местным чудо-мальчике, который замолчал и теперь сверкает на гостей закусочной глазами, похожими на отражение безлунной ночи на дне колодца.

Интересно, его сердце тоже полно призраков?

ГЛАВА 2

Рано утром грузовая кампания привезла мои вещи, и я весь день разбирала коробки и раскладывала все по своим местам. Этой ночью я опять мало спала, ворочаясь на надувном матрасе, который привезла с собой. Шум волн, разбивающихся о берег, не успокаивал, а я так на это надеялась...

Отель «Багтеркуп Инн» расположен на массивном песчаном холме у кромки океана. Каким бы ни был прежний цвет здания, сейчас оно темно-серое. Окна облицованы слоем соли, все пахнет морем и песком.

В воздухе витает запах плесени. Комитет по строительству не выявил токсичную

черную плесень, которая могла спровоцировать болезнь. Большинство стен колонизированы пятнами пушистого зеленого паразита. А открыв дверь подвала, я сразу же ее захопываю из-за сильного резкого запаха.

Вероятно, мне стоило последовать совету Сюзанны и снять дом, пока будут идти строительные работы. Но я никогда не умела следовать рекомендациям. И, несмотря на состояние ветхости, эта старая разваливающаяся гостиница ощущается моим домом.

Мы обе в запустении. Я и особняк можем составить друг другу компанию, пока приводим себя в надлежащий вид.

В гостинице шесть номеров и хозяйская комната с собственным балконом, которая расположена на верхнем этаже. К счастью, она находится в лучшем состоянии. Ее требуется только отмыть и немного подчистить столешницы в туалете, чтобы сделать пригодной для жизни. В ванной комнате установлена огромная фарфоровая ванна на ножках. Когда я поворачиваю кран, из него хлынула ржаво-коричневая вода. Просто чудо, что вода стала прозрачной через несколько минут. Я очень люблю нежиться в ванне, поэтому мне необходима чистая вода, так же как и воздух.

Я решаю оставить уборку на потом и созвониться с риелтором насчет подрядчиков. Сюзанна отвечает после первого гудка.

— Алло?

— Привет, Сюзанна, Это Меган Данн.

— Привет, Меган! Благополучно добралась?

— Да. Приехала вчера вечером.

— Как дорога?

Я вспоминаю заправочные станции и отвратительный кофе там, бесконечные часы, когда смотрела на скопления фур.

— Долгая.

— Да, получился чертовски длинный путь, раз ты столько добиралась. Но я рада, что ты преодолела его. Если все в порядке, я зайду попозже. У меня есть кое-что для тебя.

Ох, уж эти риэлторы и их подарочки на новоселье. Лучше бы она купила мне что-нибудь нужное. Покупка гостиницы не была дешевой, учитывая все необходимые ремонтные работы. Хотя, я считаю, что сделка отличная, так как «Баттеркуп» с двумя акрами пляжа того стоят.

— Конечно, я буду здесь. Приходи в любое время. Я звоню, чтобы узнать номера других подрядчиков в Портленде, о которых ты упоминала. Дашь мне их по приходу?

Небольшая пауза.

— Тео занят?

— Не знаю. Я с ним не общалась.

— Почему?

— Я останавливалась перекусить в закусочной Кэла по дороге. Он был там, высасывая все счастье из Вселенной, словно черная дыра. Не зависимо от того, насколько этот парень хороший подрядчик, у меня аллергия на придурков.

Тон Сюзанны становится оборонительным.

— Он не придурок. Просто... Через многое прошел.

Почему, когда женщина проходит через многое, от нее ждут, что она будет справляться с навалившимся фальшиво улыбаясь и держа спину прямо, но когда беда сваливается на мужчину, то он получает лицензию на бурю эмоций, словно большой ребенок, бросающийся

в истерику?

— Все через многое прошли, — парирую Сюзанне бесцветным голосом. — Дожив до тридцати, у многих достаточно эмоциональных шрамов, чтобы поддерживать доход психотерапевта всю оставшуюся жизнь. Это не повод ходить и пялиться на незнакомцев, как будто хочешь отрубить им головы.

— Тео пялился на тебя? — ее голос звучит удивленно.

— Скажем так, если бы у него была бензопила, то нескольких частей тела я бы не досчиталась.

— Ты, должно быть, неправильно все поняла. У Тео сложный характер и он не всегда дружелюбен. Но я никогда не слышала, чтобы его характеризовали как вопиющего мудака. Тео очень надежен, когда берется за дело. Он всегда контролирует все от начала до конца, он заслуживает доверия. Я рекомендую его всем своим клиентам и никогда не получала жалоб.

— Отлично, значит, дело во мне. Еще одна причина не звонить ему. Увидимся позже, хорошо?

Я вешаю трубку, прежде чем Сюзанна ответит. Уверена, что она продолжит оправдывать Мистера Угрюмый Плащ, а выслушивая ее, я буду только сильнее раздражаться.

Я не из тех женщин, которые считают грубость очаровательной. Вся эта альфа-хрень из любовных романов дала дамочкам неправильное представление о плохих манерах, сделав их привлекательными. И еще я ненавижу трепаться по телефону, о чем забыла, пока не оказалась на середине разговора, задаваясь вопросом, почему просто не отправила сообщение.

Я возвращаюсь к уборке и наведению порядка, к опустошению ящиков и попытке уменьшить гору работы, которая ждет меня впереди. К моменту, когда я слышу голос Сюзанны, зовущий меня по имени, на часах шесть вечера и солнце уже опускается над океаном.

Захватывающее зрелище. Я стою посреди спальни и смотрю на море, практически ослепленная огромным оранжевым шаром и его сверкающим отражением на воде. Это стоит тех денег, которые я отдала за дом, даже если никогда ничего не переделаю. Родившаяся и выросшая в Фениксе, я никогда не видела заката над океаном. Это кажется таинственным.

Кассу это бы понравилось.

— Меган? Ты тут?

Я подхожу к стеклянным дверям, ведущим на балкон, открываю их и выглядываю во двор. Внизу, на кирпичной дорожке стоит Сюзанна, ее шея вытянута, а рука прикрывает глаза, ослепленные солнцем. Порывы ветра раздувают темные волосы по всему лицу.

— О, привет! — она машет. — Твой дверной звонок не работает!

— Сейчас спущусь.

Я иду вниз по лестнице и захожу во внутренний дворик. Он огромный, на всю ширину дома с прекрасным видом на пляж. С одной стороны есть место для костра, окруженное огромными камнями и полудужиной старых садовых стульев. Они выглядят ужасно трухлявыми, что волей-неволей задаешься вопросом, как они еще не рассыпались.

Открываю французские двери и приглашаю Сюзанну внутрь.

— Проходи.

Сюзанна пробирается через патио, стараясь не подвернуть лодыжку на неровных кирпичках. Почему она напялила высокие каблуки, короткую юбку и блузку, расстегнутую

почти до пупка, чтобы навестить меня, — вопрос, на который я не уверена, что хочу получить ответ.

Касс дразнил меня, что я магнит для лесбиянок. На меня часто западали женщины. Я отвечала, что это потому, что у них хороший вкус. Затем муж интересовался, могу ли я найти лесбиянку, которой он тоже бы пришелся по вкусу. После этого уже я интересовалась, как лучше избавиться от мертвого тела.

Позже жизнь показала, что лучший способ — кремация.

Список вещей, о которых я больше никогда не буду шутить, почти такой же длинный, как след слез, который я оставила позади.

— Становится ветрено! Ощущается конец лета! — Сюзанна врывается в комнату с порывом холодного воздуха, отбрасывая волосы с глаз и смеясь. Она примерно моего возраста и довольно-таки привлекательна. Одна из тех женщин, которые оставляют шлейф духов после себя. Я закрываю за ней дверь и жестом указываю на ее сумку с продуктами в руках.

— Помощь нужна?

— Она не тяжелая. Всего лишь бутылка вина, и кое-что специально для тебя, — девушка осматривает пустую гостиную. — Неужели грузчики еще не добрались?

— Они привезли все сегодня утром, но, как видишь, я приехала налегке. В основном собрала только одежду, книги и кое-какие вещи для спальни.

Я чувствую себя вынужденной объясниться из-за ее смущенного вида.

— Вещи из Феникса выглядели слишком по юго-западному, практически вся мебель сделана из кожи. Сюда это не подойдет. Я планирую нанять дизайнера интерьерера, чтобы создать современную викторианскую атмосферу. Хочу сохранить прохладность той эпохи, но обновив ее модерными штрихами.

Сюзанна впечатлена.

— Звучит потрясающе, Меган. Если нужны рекомендации, то у меня есть парочка знакомых дизайнеров.

— Да, это было бы здорово! Почему бы нам не пройти на кухню? Там хотя бы есть плоская поверхность.

Показываю дорогу Сюзанне под цокот ее каблучков по деревянному полу.

Дом построен вокруг центральной ротонды, которая возвышается на два этажа и подчеркивает сложную изогнутую лестницу. Мы проходим мимо пустой гостиной, музыкальной комнаты, зала и гостевых спален и добираемся до кухни. Как и остальная часть дома, она большая и просторная. Но здесь все окна заколочены и покрыты брезентом для защиты от повреждений. Следы пожара до сих пор заметны: сажа цепляется за потолок, отметины от огня портят черно-белый клетчатый пол.

— О Господи! — восклицает Сюзанна, исследуя повреждения. — Уборщики должны были прибыть до твоего приезда!

— Кто-то, должно быть, все-таки заходил, потому что полы подметены, а пыль с перил стерта. И паутины нигде нет.

Она резко вздрагивает, двигая плечами.

— Фу, не говори мне о паутине. Боюсь пауков до смерти.

Это вызывает улыбку, раньше я тоже боялась пауков, до появления более серьезных проблем. Посттравматический стресс, как правило, вытесняет такие вещи, как арахнофобия.

— Обещаю, что убью всех, кто прыгнет на тебя.

Осторожно оглядываясь в поиске готовящихся к прыжку тварей. Сюзанна направляется к большому мраморному островку в центре кухни. Она кладет сумку, достает бутылку вина и откладывает ее в сторону, затем вытаскивает тарелку, покрытую алюминиевой фольгой.

— Я испекла тебе пирог. Твой любимый, как ты говорила.

Я тронута. Не могу поверить, что она это запомнила. Мы болтали об этом несколько месяцев назад во время одного из наших многочисленных телефонных разговоров до внесения депозита за дом.

— Это так мило! Я ожидала увидеть почти засушенное растение.

Она опирается рукой на бедро, демонстрируя дерзость и сарказм.

— Чтоб ты знала, я бы никогда не принесла увядающее растение. Я еще та модница. Обычно они идут в икебаны.

Мы разделяем улыбку, пока я не замечаю этикетку на вине, получая чуть ли не сердечный приступ.

— Сюзанна, это очень хорошая бутылка бургундского.

Она рада, что я узнала его. Ее улыбка расползается от уха до уха.

— Слава Богу, ты знаешь это вино, потому что мне пришлось тащиться в Портленд за чем-то стоящим. Когда я рассказала парню в винном, сколько ты заплатила за это место, он провел меня в подсобку, где за запертой дверью хранились самые лучшие бутылки.

Я поднимаю вино, проведя пальцем по этикетке «Шато Кортон Гранси». Мне приходится проморгаться, потому что вода начинает скапливаться в уголках глаз.

— Такое вино мы с мужем каждый год пили на нашу годовщину, — бормочу я, вспоминая Касса. — В наш медовый месяц мы отправились во Францию, где обнаружили старика на обочине проселочной дороги. Он упал с велосипеда и повредил колено, поэтому мы помогли ему добраться до дома. Им оказалось невероятное винодельческое поместье, принадлежащее старейшим виноделам в Бургундии более двухсот лет. Хозяин заставил нас остаться на ужин со своей семьей и угостил этим бургундским.

Мне пришлось остановиться из-за комка в горле.

Спустя пять лет это все еще происходит. Что-то напомнит мне о нем и я внезапно слышу его смех, чувствую его руки, ощущаю аромат его любимого мыла, запах его кожи после душа. Создается впечатление, что прошло не так уж много времени. Нож снова вонзается в грудь. Сердце снова истекает кровью.

Я умираю тысячу раз со дня смерти Касса. Люди говорят, что время лечит, но это неправда. Горе — хроническое заболевание. Боль продолжается.

— Уф, я не хотела, чтобы так вышло... — Сюзанна уверена, что совершила ужасную ошибку.

— Нет, это потрясающе, — я встречаюсь с ней взглядом. — Спасибо тебе. Большое. Это особенный подарок, как и твой пирог. Теперь меня ждет замечательный ужин.

Это была попытка казаться беззаботной. Но, похоже, Сюзанна в ужасе от мысли, что я буду есть пирог и пить вино в одиночестве во вторую ночь в городе. Она хватает меня за руку.

— Пошли со мной сегодня вечером? У моих друзей коктейльная вечеринка в честь последнего дня лета. Сначала я заскочила к тебе, прежде чем отправиться туда.

Вот причина каблуков и короткой юбки. Я в восторге, что меня не ждет очередное неловкое «ты очень привлекательна, но мне не нравятся девочки» в будущем.

— Я не могу рываться...

— Нет, нет, там будет непринужденная обстановка и все свои. Я уверена, они будут рады встретиться с тобой. Всем интересно, кто приобрел «Баттеркуп». Отличный способ познакомиться со многими людьми!

Когда я не впечатляюсь «знакомством со многими людьми», Сюзанна возобновляет свои усилия с двойной энергией.

— Ты можешь просто зайти на несколько минут, если слишком устала, чтобы остаться надолго. Я только представлю тебя всем... О! И там будет пожарный инспектор! Он сумеет подсказать, какие разрешения тебе будет необходимо получить. Еще этот мужчина очень милый.

Когда я морщусь нос, она настаивает:

— Действительно милый.

— Я пойду, если ты пообещаешь не пытаться свести меня с пожарным инспектором, — когда я понимаю, что сейчас будут предложены еще несколько имен, то предупреждаю: — Или кем-то еще!

Сюзанна надувается, но, черт возьми, выглядит забавной. Обычно, когда взрослая женщина дует как двухлетка, мне хочется ее придушить.

— Окей. Обещаю, что не буду сводничать. Сегодня.

ГЛАВА 3

Поскольку мой подход к своей внешности можно охарактеризовать фразой «мне плевать», то я была готова выходить через пять минут. Сюзанна пытается соорудить гримасу, когда я появляюсь в чистых джинсах и просто другой футболке с Боуи. Вместо этого натягивает улыбку, когда я предупреждающе хмурю брови.

Только мистер Спок из «Звездного пути» обладает более впечатляющими бровями, полными подозрительности или испепеляющего презрения, чем я. Они — моя гордость.

Поездка до места вечеринки друзей Сюзанны занимает всего несколько минут, хотя мы проехали через весь город. Сюзанна паркуется на ярко освещенной улице. Синий с белой черепичной крышей дом освящен гирляндой, развешенной на стволах двух высоких деревьев во дворе.

— Давай я хотя бы понесу вино, — прошу я, когда Сюзанна наклоняется, чтобы достать бутылку с заднего сиденья. — Я не могу прийти с пустыми руками.

— Если я позволю тебе его нести, то тогда я приду с пустыми руками.

— Да, но они уже знают тебя. Тебе простительно, а про меня решат, что я халявщица без манер.

Она морщится и смотрит на меня.

— Ты всегда такая?

— Обезоруживающе честная? Ага.

— Я бы сказала с прибабахом.

— О, да, — киваю. — Но не переживай. Я безобидна.

Сюзанна постукивает длинными наращенными ногтями по рулю и качает головой, тарашась на меня.

— Безобидная, как медвежья ловушка. Не могу дождаться, когда увижу выражение лица Майка после знакомства с тобой.

— Кто такой Майк?

Когда она начинает улыбаться, я предупреждаю:

— Два процента, Сюзанна. Не забывай про покупку дома.

— Ой, успокойся. Но не стоит винить меня, если половина мужчин упадет замертво, как только увидит тебя, а вторая мгновенно подаст на развод. Даже в джинсах и без макияжа ты выглядишь как супермодель, сучка. Если бы я не заработала на тебе столько бабла, то возненавидела бы.

Она протягивает мне бутылку и выходит из машины, оставляя меня улыбающейся. Мы с Сюзанной полные противоположности, но, кажется, отлично поладим.

Входная дверь дома резко открывается после стука Сюзанны. На входе стоит молодой человек с копной вьющихся темных волос и застенчивой улыбкой. Ему чуть за двадцать, загорелый, долговязый и очаровательно застенчивый. Он смотрит на Сюзанну из-под длинных изогнутых черных ресниц, которые не имеют права принадлежать мужчине.

— Привет, Сюзанна, — тихо здоровается он, топчась на месте.

— Майк! Привет, красавчик! — отвечает она, целуя его в щеку, от чего по ним расплзается румянец. Я серьезно переживаю, как бы он не потерял сознание.

Сюзанна либо не замечает, либо привыкла к очевидной влюбленности Майка. Она поворачивается, чтобы представить меня, не замечая, что бедный парень вот-вот шлепнется в обморок от одного ее вида.

— Майк, это Меган Данн. Она купила «Баттеркуп Инн». И она здесь в качестве моей спутницы.

Майк поворачивает ко мне свои большие карие глаза, а затем издает длинный вздох, содержащий много гласных. Его щеки настолько красные, что кажется, будто он слишком много времени провел на пляже. Я мгновенно осознаю, что Майк — девственник с большой буквы, с ярким воображением, бушующими гормонами и недостатком навыков общения, чтобы найти подружку, готовую помочь ему с этим затруднительным положением.

Помню и себя такой же молодой и безрассудной. Взросление — это особый вид ада.

— Привет, Майк. Приятно познакомиться. Классная майка. «Queen» — одна из моих любимых групп.

Он смотрит на меня так, будто я только что спустилась с небес на золотой колеснице.

— Спасибо.

— Не за что, — киваю. — Это конечно не Боуи, но кто идеален?

Мгновение он таращится на меня с открытым ртом, пока Сюзанна не берет все в свои руки.

— Здорово было повидаться, Майк, — улыбаясь, она хватая меня за руку и проталкивает мимо него в дом.

— Боже, бедняжка, — шепчу я, когда она направляет меня в гостиную, сошедшую с книг Марты Стюарт. — Тебе стоит свести с кем-то его, а не меня.

— Будет неудобно, так как он решил поступать в семинарию.

Я чуть ли не спотыкаюсь о собственные ноги.

— Он хочет стать священником? Он знает, что им нельзя заниматься сексом?

— Печально, да? Он такой милый. Мне жаль всех пожилых монахинь, он нанесет им психологическую травму, — она поднимает руку в знак приветствия. — Сэнди! Привет! Я принесла тебе подарок!

Одна из женщин в компании, где оживленно болтают, поворачивается к нам и машет в ответ. На ней струящиеся богемное платье, а на руках красуются золотые браслеты,

усыпанные драгоценными камнями.

— Привет, Сьюз! Познакомишь нас со своей подругой?

Мы останавливаемся перед ними. Сюзанна представляет меня, как будто я какая-то рок-звезда. Все вежливо улыбаются и стараются незаметно рассмотреть меня и мой наряд.

— Это Меган Данн, женщина, которая купила «Баттеркуп Инн». Она невероятно умная, веселая и, как видите, прекраснее штуки баксов. Я решила не ненавидеть ее, потому что она еще и классная.

Как выясняется, у Сюзанны нет фильтра.

— Меган, это Сэнди, мама Майка, — она указывает на женщину с браслетами, мы киваем и улыбаемся друг другу. — А это Крис — муж Сэнди. Тина — владелица лучшего салона красоты в городе и Колин, она преподает в начальной школе.

— Всем привет. Приятно познакомиться со всеми. Сэнди, простите, что вломила на Вашу вечеринку, но Сюзанна не оставила мне выбора.

Сэнди перекидывает волосы через плечо и смеется.

— Не беспокойся. Я знаю, как заводится Сьюзи, когда у нее появляется возможность побыть свахой. Она уже рассказывала тебе о Даге?

Я косо поглядываю на Сюзанну.

— Если Даг — пожарный инспектор, то да.

Все смеются. Я замечаю, что Сэнди и Тина рассматривают мое обручальное кольцо. Они переглядываются, и очевидно, что я стала темой разговоров в этом городе задолго до переезда. Интересно, как долго они будут ждать, прежде чем попытаются влезть ко мне в душу?

— О, ты принесла вино! Спасибо большое, не стоило!

Сэнди берет бутылку из моих рук, а Сюзанна кисло рассматривает мой профиль, но я стараюсь не улыбаться.

— Не хотела приходить с пустыми руками.

— Очень мило. Давай я тебя всем представлю.

Сэнди берет меня за одну руку, а Сюзанна за другую. И так мы расхаживаем по комнате, словно я призовая свинья, знакомясь с примерно пятьюдесятью людьми, чьи имена сразу забываю. У меня начинают болеть мышцы на лице от вынужденной улыбки.

Даг, строительный инспектор, оказывается из тех парней, которые пытаются восполнить недостаток роста, ведя себя агрессивно надоедливо. Говорит слишком громко, всех перебивает и тарашится на мою грудь. Сюзанна же находит это забавным. Я задумываюсь навеститься к ней домой, чтобы заменить ее шампунь средством для удаления волос.

Затем сбегая от них под предлогом, что пописать, предварительно уточнив где находится уборная. Торчу там так долго, как только возможно, чтобы не показаться странной. Когда проходит достаточно времени, направляюсь на кухню, стараясь ни с кем не встретиться взглядами.

Кухня такая же радужная и светлая, как и остальная часть дома, но блаженно пустая. Охладители переполнены газированными напитками и пивом, а на столе рядом огромный выбор вин и ликеров. Очевидно, здесь самообслуживание, которое мне идеально подходит, так как для этого не нужно взаимодействовать с кем-либо в течение нескольких минут.

Считаю вечеринки истощающими. Общение в целом утомляет после стольких лет добровольного одиночества.

Хватаю «Колу» и прислоняюсь к прилавку, попивая ее и наблюдая через раздвижные стеклянные двери за крапающим дождем.

В Фениксе сейчас около сорока градусов. Дожди там были только во время муссонов, с громом и молниями, но ничего подобного этому нежному, меланхоличному туману, пахнущему океаном.

Переезд в Сисайд был идеей Касса. Его мечтой было открыть отель около пляжа по выходу на пенсию. Мы часами искали в интернете статистику погоды и демографические данные, цены на недвижимость и информацию о туризме, пока не сократили выбор городов.

Как только мы увидели фотографии в интернете «Баттеркупа», то поняли, что это то, что мы искали. Дряхлый, но красивый дом, это была любовь на подсознательном уровне. В первые же выходные мы вылетели, чтобы взглянуть на него и влюбились еще больше. Наш план состоял в том, чтобы купить его и проводить все праздники и отпуска, потихоньку реконструируя его, пока он не будет готов для переезда и открытия гостиницы.

Касс любил планировать все заранее. Он всегда смотрел в будущее.

Мы были такими молодыми. Мы еще не знали, что будущее неизвестно.

После смерти Касса, эта мечта казалась бессмысленной. Я думала, «Баттеркуп» продадут кому-нибудь другому, но этого так и не произошло. Я проверяла информацию раз в несколько месяцев, и, конечно же, объявление все также висело.

Какая-то часть меня чувствовала, что здание ждет именно меня. И однажды решилась.

Из гостиной слышатся звуки приближающихся людей, но я не могу разговаривать из-за долбанного комка в горле. Оставляю банку лимонада на прилавке, прохожу сквозь раздвижные стеклянные двери и выскальзываю на ночную улицу.

Внутренний дворик крытый, крышу которого поддерживают несколько больших кирпичных колонн. В центре стоит кованый стол со стульями, на одной стороне встроено барбекю, а керамические горшки с розовыми и красными геранями растут по всему периметру. Лужайка на заднем дворе освещается приглушенном светом.

После тепла дома меня манит дождь. Я пересекаю внутренний дворик и выхожу на траву. Она приятно пружинит под ногами. Отхожу чуть вглубь, метров на десять, подальше от света, останавливаюсь, закрываю глаза и поднимаю лицо к дождю.

Открываю рот, чтобы поймать несколько прохладных, сладких капель языком. Разносятся смех и музыка изнутри, звуки голосов, плывущих ко мне по ночному воздуху. Потом я слышу слова, которые преследуют меня изо дня в день, то, что Касс шептал мне на ухо каждую ночь перед тем, как мы засыпали в объятиях друг друга. Последнее, что он сказал мне перед смертью.

Я люблю тебя, душистый горошек. И буду любить до конца времен.

Сколько должно пройти, прежде чем я забуду звук его голоса? Сколько лет нужно, чтобы забыть любовь всей своей жизни? Проснусь ли я однажды со стертой неустанным маршем времени памятью о его поцелуях?

— Детка, — шепчу я, пока мое сердце сжимается. — Я очень по тебе скучаю. Почему ты меня бросил?

По моей спине пробегает слабый электрический разряд. Через несколько секунд я понимаю, что больше не одна.

Распахиваю глаза. Разворачиваюсь и смотрю в сторону дома. На мгновение меня ослепляет свет фонарей, но когда глаза привыкают, я замечаю фигуру в тени, прислонившуюся к колонне, которая поддерживает внутренний дворик.

Мужчина. Крупный мужчина с широкими плечами и длинными ногами. Его руки засунуты в глубокие карманы черного плаща. Капюшон натянут на голову, но даже в тени я вижу блеск темных глаз.

Он смотрит на меня немигающим взглядом с мрачным выражением лица.

Тео.

Словно услышав свое имя, мужчина выпрямляется. Вытаскивает руки из карманов и стоит, уставившись на меня со скрещенными руками, как какой-то психопат, который вот-вот набросится на меня и свернет шею.

Это меня не пугает, скорее злит.

— Прячешься, приятель? — кричу я.

Когда он не отвечает (потому что, о да, речь — не его конек), я делаю несколько шагов к нему. Одновременно Тео делает несколько шагов назад. Останавливаюсь я — останавливается он. Мы смотрим друг на друга, пока я пытаюсь решить, стоит ли мне отыскать камень, чтобы швырнуть в него или успокоиться и вести себя как взрослая.

Мне стыдно, что он застал меня стоящей в одиночестве под дождем, разговаривающей сама с собой, но в моей странности нет его вины.

Мистер Угрюмый Плащ осматривает меня, задержавшись на моей груди, прежде чем добраться до лица, и я понимаю сразу несколько вещей.

Во-первых, я не надела лифчик. В отличие от впечатляющего бюста Сюзанны, моя «двойка» не нуждается в поддержке. Во-вторых, я вымокла под дождем и на мне белая футболка, что означает, в-третьих, что я, наверняка, устроила Тео отличное шоу.

Я сгибаю плечи, хватаю майку и оттаскиваю от своего живота, пытаюсь казаться при этом беззаботной.

Он не двигается. Не отворачивается от меня. Просто стоит там, пялясь, с твердой челюстью и черными глазами, прожигаящими дыры в моей голове.

Покалывание в позвоночнике увеличивается, пока не начинает зудеть.

— Вот ты где! — голос Сюзанны раздается через внутренний дворик, когда она открывает дверь и замечает меня на лужайке. — Что ты делаешь под дождем?

— Ничего. Уже иду.

Я отвернулась от Тео всего на секунду, чтобы посмотреть на Сюзанну, но когда оглядываюсь на то место, где он стоял, там уже никого нет. Я улавливаю проблеск лунного света, отраженного от гладкой поверхности вокруг дома. Там Тео шагает к открытым воротам с напряженными плечами под дождевиком. Он исчезает сквозь двери и бесшумно растворяется в ночи.

Наконец-то, я могу пошевелиться. Спешу назад к патио, отряхивая волосы от дождя, задаваясь вопросами: что заставило меня выйти во двор, почему там находился Тео и что бы произошло, если бы Сюзанна не появилась?

Позже, когда я укладываюсь спать, то размышляю над словами Сюзанны, когда я рассказала ей, что видела Тео:

— О, нет, дорогая, это был кто-то другой. Этого мужчину даже силой не затащишь на вечеринку.

Почему-то я не могу стереть ее слова из головы.

ГЛАВА 4

Следующая неделя прошла как в тумане.

Утром после вечеринки, как Сюзанна обещала, пришло пять молодых женщин для уборки гостиницы. Они ворвались в мой дом и принялись протирать стены и мыть полы. Они были удивлены тем, что здание оказалось не слишком запущенным. Мне стало любопытно, кто же тогда избавился от паутины и все подмел к моему переезду, но я забыла об этом под прессом остальных забот.

Я обзвонила трех подрядчиков из Портленда, чтобы они пришли и составили мне смету, но пришло только двое. Один из них был мужчиной лет шестидесяти, который паялся на мою задницу слишком часто. Другой был идеальным джентльменом, но его ценник был настолько высок, что я громко рассмеялась, прежде чем разорвать прайс надвое.

На следующей неделе я получила еще два предложения от двух подрядчиков. Один был близок к моему бюджету, но может начать работу только через два месяца. Другой мужчина твердил, что было бы лучше, если бы мой муж занимался делами подобного рода и что женщина ни чего не смыслит в таких делах.

Между тем, свет моргал, трубы шумели внутри стен, потолок в спальне сильно провисал, выглядя словно готовый лопнуть фурункул, а черепица на крыше рассыпалась одна за другой, особенно при сильном ветре.

Самым ужасным был зловещий треск, доносящийся от одной из электрических розеток в гостиной, заставляющий меня бояться пожара и смерти от дыма во сне.

В пятницу, собравшись с духом, набираю номер телефона подрядчика, которого Сюзанна порекомендовала в самый первый раз, когда я к ней обратилась. Погода была под стать моему настоянию — густой туман окутывал розовые одичавшие кусты возле входной двери гостиницы.

Я предполагала, что у «Хиллрайз Конструкшн» будет автоответчик, учитывая враждебность владельца и нежелание общаться, поэтому не удивлена, когда робот отвечает на звонок. Сообщение произносится монотонным электронным голосом, настройкой которого явно пренебрегли.

— Пожалуйста. Оставьте. Сообщение. После. Сигнала.

Бип.

— Привет. Меня зовут Меган Данн. Сюзанна Мартин порекомендовала Вас. Я купила «Баттеркуп Инн» и хотела бы получить смету.

Оставляю свой номер мобильного и уже собираюсь повесить трубку, как вдруг раздается щелчок на линии. Затем я слушаю тишину.

— Алло?

Могу поклясться, что слышу низкий выдох, но никто не говорит.

Дерьмо. Должно быть, это он. Мистер Молчаливый Тео Безумные Глазки.

— Хм... Кто это? — тишина, но кто-то определенно там есть. Я слышу шорох и слабый скрип на заднем плане, как будто человек на проводе сел.

Какого хрена он берет трубку, если не говорит?

Я начинаю беситься, потому что у меня терпение не выспавшегося четырехлетнего ребенка.

— Ну ладно, начнем. Мне нужно получить смету на ремонт гостиницы. Ты можешь мне с этим помочь?

Никогда не думала, что тишина может быть настолько громкой. Абсолютно оглушительной.

Я уже собираюсь сказать ему, что он может спрыгнуть с моста, но вместо этого мне приходит в голову, что я могу повеселиться, а не злиться.

— Эй, у меня появилась идея. Однажды я видела что-то подобное по телевизору. В каком-то тупом шоу, не помню названия. Там у парня был ларингит, а ему было необходимо попытаться предупредить свою подружку, что убийца направлялся к ней домой. Так что поступим следующим образом: я буду задавать вопросы, а ты будешь отвечать, используя кнопки телефона. Один сигнал — «да», два сигнала — «нет». А три звуковых сигнала будут обозначать «может быть», если сомневаешься. Погнались?

Тишина длится так долго, что я начинаю беспокоиться, что он повесил трубку. Но вдруг сквозь мертвую линию раздается одиночный резкий сигнал.

Сукин сын.

— Отлично. Ладно, так... Это Тео?

Небольшая пауза, затем приглушенный звуковой сигнал.

— Привет, Тео, это Меган Данн. Мы с тобой уже встречались. Вообще-то, дважды. Один раз в закусочной Кэла и один раз на заднем дворе на вечеринке Сэнди и Криса пару недель назад. Помнишь?

Биип.

Сигнал стал длиннее. Решительнее. *Он помнит.* По какой-то странной причине мой пульс учащается, а подмышки становятся влажными.

— Точно. Так или иначе, Сюзанна говорила, что ты лучший подрядчик в округе. Я уже обошла пятерых парней, — да-да, это прозвучало неправильно, но ты понял, что я имею в виду — поэтому мне стало интересно, найдется ли у тебя время, чтобы зайти на этой неделе и взглянуть на здание?

Два резких, последовательных сигнала, что означает «нет». Но на всякий случай решаю убедиться.

— Нет? Не придешь?

Бип. Бип.

Боже. Как может кто-то звучать таким придурком, используя только одну кнопку на телефоне?

— Ну, хорошо, — коротко бросаю, пока жар расползается по моим щекам. — Извини за беспокойство. Удачи! — собираюсь швырнуть мобильник через всю комнату, но на линии раздается непонятная какофония звуков.

Он нажимает все кнопки одновременно.

Когда это безумие прекращается, я прибываю в ярости. Сквозь стиснутые зубы спрашиваю:

— Ты пытался мне что-то сказать, Солнышко?

БИИИИИП!

Мне необходимо выпить, если я и дальше собираюсь продолжить этот странный разговор. Направляюсь на кухню и откручиваю крышку бутылки паршивого вина, купленного в магазине прошлой ночью. Плеснув немного жидкости в стакан, жадно глотаю половину и выдыхаю, остро осознавая пульсирующую тишину на другом конце провода.

Затем раскрываю рот, потому что слышу телефонное исполнение «You Are My Sunshine»¹, проигрываемое нажатием клавиш, точно попадающих в ноты.

Угрюмый Тео обладает чувством юмора.

— Это было интересно. Тебе весело?

Бип. Бип. Бип.

Возможно.

Я смеюсь, потому что это сумасшествие.

— Могу ли я воспользоваться моментом, чтобы заявить, что это самый нелепый разговор в моей жизни? Это даже лучше, чем когда я вошла к отцу в нижнем белье матери. Не отвечай на вопрос, если что, это просто мысли вслух.

Мы дышим друг другу в трубку в течение долгого времени.

— Окей. Давай сначала. Когда ты дал понять, что не придешь на следующей неделе, значило ли это, что ты не придешь вообще и точка?

Бип. Бип.

Почему я чувствую облегчение мне не понятно. Я прочищаю горло и пытаюсь действовать логически.

— То есть, можно сделать вывод, что у тебя будет время... Через неделю?

Бип. Бип.

— Что тогда? В следующем месяце?

Бип. Бип.

Не на следующей неделе, не через неделю, не в следующем месяце. Прежде чем дать волю своему темпераменту и решить, что он тупо издевается, я пробую последний вариант.

— В эти выходные?

Бип.

Оу. Окей.

— Завтра?

Бип.

— Утром или днем? — когда не раздастся звуковой сигнал, до меня доходит моя ошибка. — Один сигнал для утра, скажем, между девятью и полуднем, два сигнала — между двенадцатью и пятью вечера.

Бип.

— Ну, отлично. Тогда увидимся утром. Эм... Спасибо, наверное?

Когда он тяжело выдыхает, мне становится интересно, что он там делает. Может, смотрит на океан или валяется на спине на кровати, уставившись в потолок. А возможно, сидит в кресле с прижатым к уху телефоном с закрытыми глазами и бьющимся сердцем, как у меня.

— Тео?

Бип.

Не знаю, что заставляет меня это произнести. Не знаю, что за странная вспышка на моей коже, отправляющая мурашки бежать по рукам, или почему живот скручивается в узел, или почему стало так важно понять этого странного, таинственного мужчину. Единственное, в чем я уверена, что слова поднимаются из моего горла и вылетают хриплым, неподготовленным голосом.

— Я знаю, что такое жить без почвы под ногами.

Кладу трубку, не дожидаясь ответа. Затем стою в пустой кухне под неумолимый шум волн, разбивающихся о берег. Это единственный звук, кроме моего затрудненного дыхания.

* * *

Той ночью мне не спалось, как и всегда. Хроническая бессонница — одна из тех вещей, с которыми я научилась жить, также как с сокрушительным горем и людьми, которые

слишком громко разговаривают по сотовому телефону в общественных местах. Я нахожусь в полной боевой готовности, когда утром раздается стук в дверь. Я настроена на еще одну странную встречу с молчаливым Халком. Но, открыв дверь, обнаруживаю незнакомца с васильковыми глазами, огромной усмешкой, квадратной челюстью и неухоженной светлой бородой. В его руках конверт.

— Привет! — гремит он, высунув руку. — Престон Купер, мисс Данн, но все зовут меня Купом. Приятно познакомиться!

Я стою в оцепенении, искоса поглядывая на него и задаваясь вопросом, что он хочет мне впарить.

— Я бригадир в «Хиллрайлз Конструкшн», — добавляет мужчина.

— О! Извини, не ожидала тебя, — хотя, стоит предположить, что его фланелевая рубашка и рабочие ботинки должны были стать подсказкой. — Пожалуйста, зови меня Меган.

Мы пожимаем руки, затем его широкий лоб хмурится.

— Неужели я ошибся днем? Могу поклясться, что Тео говорил про сегодня.

— Нет, прости, я не это имела в виду. Я ждала «Хиллрайз», но не совсем тебя. Думала, Тео придет встретиться со мной.

Он качает головой и широко улыбается. У него неправильный прикус, что выглядит очаровательным.

— Неа, нет необходимости. Он уже составил смету, — и протягивает мне конверт.

Озадаченная, я вскрываю его, вытаскиваю стопку бумаг и просматриваю их. Через мгновение поднимаю глаза на сияющего Купа.

— Как он все рассчитал, если не видел дом?

— Он лучший в своем деле, вот как. Тео знает все о каждом здании в городе.

Более вероятно, что он в дружеских отношениях с одним из других подрядчиков и просто взял копию его сметы. Скорее всего просто даст тому откат. Неважно, это его дело. Я перелистываю на последнюю страницу и хмурюсь, когда вижу итог.

— Нуля точно не хватает.

— Да, так можно подумать. Но ошибки нет. Это полная стоимость работы.

Крики чаек, кружащих над головой, прерывают наступившую тишину. Я таращусь на Купа, чувствуя, что что-то упускаю.

— Твой босс немного...? — делаю круговое движение около виска.

Куп выглядит обеспокоенным моим вопросом. Он нерешительно улыбается.

— Забавно. Он предупреждал, что ты шутница.

Мои брови взлетают ко лбу, и, возможно, сливаются с линией волос.

— Он рассказал тебе обо мне?

— Нет, — отвечает он решительно, что является очевидной ложью.

Я склоняю голову и продолжительно на него смотрю, что заставляет его извиваться.

— Куууп.

— Что?

— Офис «Хиллрайз» рядом?

— Почему ты спрашиваешь? — он выглядит обеспокоенным.

Если я собираюсь выбрать «Хиллрайз Конструкшн» для ремонта, то собираюсь переговорить с его владельцем. Два непонятных обмена взглядами и странный телефонный разговор не в счет. Я замечаю грузовик Купа, огромный красный Форд, на обочине.

— Давайте прокатимся. Мне нужно пообщаться с твоим боссом.

Двухсекундная пауза Купа меня напрягает.

— Не очень хорошая идея.

— Почему?

— Скажем так, ему не нравится, когда люди приходят без предупреждения.

— Так напиши ему. Передай, что мы уже едем.

Куп задумчиво трет бороду, смотрит в небо, затем проверяет часы. Скрипя зубами, он снова поднимает глаза наверх, от чего я решаю прекратить это нелепое увиливание.

— Выкладывай, Куп.

Он опирает руки о бедра, и некоторое время рассматривает свои сапоги. Затем прочищает горло, тщательно подбирая слова.

— Он не особо общительный.

— Я знаю, что он не разговаривает, если это то, к чему ты клонишь.

— Есть... Другие проблемы.

— И с его нравом я тоже познакомилась. Этот человек в силах напугать Франкенштейна. Но я его не боюсь. И если я собираюсь вложить значительную сумму денег в «Хиллрайз», мне нужно встретиться лицом к лицу с ее владельцем, чтобы посмотреть ему в глаза и убедиться, что ему можно доверять. Потому что, честно говоря, две наши встречи оставили у меня впечатление, что он не доводит дело до конца.

Под моим пристальным взглядом Куп переступает с ноги на ногу, демонстрируя ощущение неудобства.

— Ладно, смотри. Мы работаем так: я встречаюсь с клиентами, чтобы получить спецификации, затем Тео рассчитывает смету и нанимает субподрядчиков, а потом опять я контролирую работу от начала до конца. Он придет, чтобы проверить итог, но не взаимодействует с клиентами один на один.

Еще одна крошечная пауза, будто Куп хочет добавить что-то, но останавливается и просто смотрит на меня. В воздухе витают невысказанные слова.

Сюзанна говорила, что Тео очень надежен со всеми своими проектами и все контролирует самостоятельно, что абсолютно противоположно сказанному Купом...

— Погоди. Он не хочет со мной встречаться, не так ли?

Куп выглядит испуганным, а потом виноватым.

Бинго.

Он поднимает руку и качает светлой головой.

— Стой, я этого не говорил...

— Почему он не хочет встретиться с потенциальным клиентом? — я игнорирую его отрицание и указываю пальцем в сторону дома. — Здесь полно работы. В чем проблема?

Куп делает глубокий вдох в поиске слов, но мое терпение лопается, прежде чем он их находит.

— Знаешь что? Не важно. Ты напишешь Тео прямо сейчас, — или как ты там с ним общаешься — и скажешь ему, что я приду. Или он может заглянуть сюда, как ему удобнее. Но черта с два я буду вести дела с кем-то, кто не окажет мне любезности хотя бы встретиться.

Я складываю руки на груди и смотрю на Купа немигающим взглядом.

Его щеки вздуваются, когда он медленно выдыхает. Затем он выкапывает свой мобильный телефон из переднего кармана джинсов, бормоча что-то вроде «твою мать».

Купу требуется целая эпоха, чтобы отправить смс. Он строчит сообщение прищурившись и клацая лишь одним пальцем по клавиатуре на своем iPhone. От данного действия у меня возникает желания рвать на себе волосы. Когда он, наконец, нажимает кнопку отправки, то смотрит на меня с нерешительной улыбкой.

По-видимому, Тео намного быстрее в наборе, потому что сигнал об ответе раздается в течение нескольких секунд. Куп читает его, но молчит.

— Что он написал?

Мужчина жуёт внутреннюю часть щеки.

— Э-эм.

— Дай телефон.

Голубые глаза Купа расширяются.

— Куп, — настаиваю я и протягиваю руку. — Дай. Мне. Телефон.

Он передает его с выражением наказанного щенка. Я смотрю на экран.

«НЕ ПРИВОДИ ЭТУ ЖЕНЩИНУ СЮДА НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ».

Сообщение заглавными буквами и жирным шрифтом, словно Тео кричит с другой стороны экрана.

Мгновение я мечусь между желанием рассмеяться и почувствовать себя оскорбленной. Это так странно и неожиданно, что я не могу решить, как к происходящему отнестись. Логика подсказывает, что я не сделала ничего, чтобы заслужить неприязнь этого незнакомца, но он явно испытывает ко мне сильное отвращение. Тео напоминает медведя с шипом в лапе, где колючка — я.

«Эту женщину», — пишет он. Будто я переносчик чумы.

Я смотрю на Купа со сдвинутыми бровями.

— Ты давно знаком с Тео?

— Конечно. Мы оба выросли в Сисайде. Были в одной футбольной команде в старшей школе. Он был шафером на моей свадьбе.

Собравшись с мыслями, я вручаю ему его телефон.

— Окей. Не буду ставить тебя в неловкое положение, пытаюсь заставить объяснить, почему твой друг меня невлюбил. Но я была бы признательна, если бы ты передал Тео, что я сказала... ауч.

Куп поднимает брови.

— Ауч?

— Да. Ауч. Именно это. И если я увижу его снова, то сама перейду улицу, чтобы ему не пришлось напрягаться. Спасибо, что заехал.

Я вручаю ему бежевый конверт со сметой и закрываю дверь.

ГЛАВА 5

Я звоню Крейгу, подрядчику, который выставил астрономическую смету, и минут двадцать торгуюсь по телефону. Привожу довод, что другие полученные мной сметы в два раза ниже его. На это он хладнокровным голосом заявляет, что если я так сильно пекусь о бюджете, то мне стоит подыскать кого-то другого.

Не хочется признавать, но мне нравится его наглость. Человек с непоколебимой уверенностью в себе невероятно привлекателен.

Мы договариваемся о десятипроцентной скидке, если я заплачу наличными. Он

смеется, когда я заявляю, что он не должен взимать с меня налог с продаж.

— Это не так работает, — говорит он.

— Не учи меня, Крейг, я точно знаю, как все работает. Ты не собираешься декларировать этот проект, поэтому берешь наличку, поэтому отдашь часть экономии мне. Учитывая, что ты набил смету всяческим мусором, что даже политик нервно курит в сторонке, то все равно остаешься в выигрыше.

После короткого молчания Крейг объясняет:

— Я имел в виду, что не могу снять налог с продаж, потому что его нет. Мы в Орегоне.

— Ой. Точно. Я забыла.

— Но вот что я тебе скажу. Государство только что приняло акцизный налог на строительство для сбора средств на доступное жилье. Он основан на проценте от стоимости разрешения на строительство. Я позабочусь об этом для тебя.

Он говорит мне, сколько я выиграю. Я думаю мгновение, прежде чем сказать:

— Удвоим сумму, и работа твоя, — после недовольной паузы напоминаю ему: — Наличные — мой козырь, Крейг. Даже если тебе не нужно платить государственный налог с продаж, то в любом случае с тебя возьмут комиссию при снятии средств с банковского счета, я права?

— Смилуйся над бедным парнем, Меган!

Он предлагает сумму, я — другую, пока мы не приходим к компромиссу. Он говорит, что пришлет контракт на рассмотрение в понедельник. На этом мы прощаемся и завершаем звонок.

Довольная собой, я оглядываю гостиную. Впервые за долгие годы я взволнована.

Это действительно произойдет. Я собираюсь осуществить нашу мечту, любимый.

Звонит телефон. Я отвечаю, ожидая услышать Крейга, забывшего о какой-то детали или, возможно, Сюзанну. Но никак не застенчивый голос Купа.

— Привет, Меган, это Куп.

— Привет, Куп. В чем дело?

Долгая, неловкая пауза.

— Эм... Я все еще возле твоего дома.

Подхожу к окнам, и на тротуаре возле грузовика действительно он.

— Проблемы с машиной?

— Нет, я, эм, просто жду Тео. Он на пути к тебе. Я написал ему, что ты сказала, и... — Куп прочищает горло. — Ну, в любом случае, он уже едет. Я решил предупредить тебя заранее.

С этим парнем цирк будет длиться вечно.

— Поздняк метаться, Куп, я только что договорилась с Крейгом из «Капстоуна». Он справится с задачей.

— Крейга? — усмехается Куп. — Этого самовлюбленного сукина сына? Тебе нравится спускать деньги в унитаз?

— Нет. Вот почему я договорилась о скидке.

— Дай угадаю. Он, вероятно, выставил тебе... — он думает мгновение, глядя на дом, затем называет сумму, которая разнится всего несколькими сотнями долларов со сметой Крейга, что выводит меня из себя.

— Ты кажешься хорошим парнем, Куп, но в разговоре нет смысла. Да и твой босс не заинтересован работать со мной.

— Я никогда этого не говорил, — тараторит он. Наши взгляды встречаются через окно. Он внезапно становится совершенно серьезным, легкая улыбка исчезла без следа.

— Я не собиралась ему рассказывать, — успокаиваю его, чувствуя, что это очень важно.

Когда Куп с облегчением выдыхает, моя теория доказывается. Прежде чем я могу добавить что-нибудь еще, он выпрямляется, переводя внимание на низ улицы.

— Он здесь, — Куп бросает на меня полный предупреждения взгляд и вешает трубку. Мужчина выходит на улицу и поднимает руку.

Очарованная, я наблюдаю, как классический «Мустанг» медленно катится по улице, грохоча мощным движком. Автомобиль с настолько тонированными стеклами, что невозможно увидеть человека внутри, и хромированными, блестящими на солнце дисками останавливается посреди улицы.

Куп подходит и наклоняется к окну со стороны водителя, что-то с ним перетирает. Проходит несколько минут, но мужчина все еще торчит там, разговаривая с Тео. Или рисует картинку, или что он там делает, чтобы общаться с Мистером Инкоммуникадо.

— Что, черт возьми, с этим мужчиной? — бормочу я, все больше раздражаясь.

Наконец Куп выпрямляется, а «Мустанг» паркуется у обочины. Двигатель глохнет. Хочу отвернуться, но я будто приклеена к окну гостиной. Кажется проходит вечность, прежде чем водительская дверь открывается и Тео выходит из машины.

Черные волосы.

Это первая пришедшая ко мне мысль, когда его широкие плечи возвышаются над крышей автомобиля. До этого момента я видела его только в плаще с капюшоном. У мужчины густые черные волосы, целая копна, длиной чуть ниже воротника кожаной куртки. В творческом беспорядке, взлохмаченные и непослушные, будто чтобы расчесаться он использует пальцы.

Когда Тео поворачивается и смотрит в сторону дома, то словно точно знает, где я стою. Наши глаза встречаются с эффектом ключа, попавшего в замок: плавный, неизбежный щелчок.

Сквозь меня проходит волна страха и неумная, животная дрожь. Пульс подскакивает и возникает желание бежать, скрыться.

Мне не встречались люди с такими же откровенными эмоциями в глазах, как у него. Выражение его лица каменное, но глаза горят тысячью невысказанных вещей, все из которых темные.

Я сопротивляюсь желанию отступить. Мы таращимся друг на друга, пока не становится неудобно. Я первая нарушаю зрительный контакт, повернувшись к двери и сделав глубокий вдох, чтобы успокоить внезапное сердцебиение.

Когда открываю дверь, Куп и Тео поднимаются по кирпичной дорожке к крыльцу. Куп лидирует, нервно улыбаясь.

— Привет, Меган! — кричит он, как будто не видел меня целую вечность.

— Привет, Куп. Сколько лет, сколько зим!

Куп поднимается по ступенькам на огибающее фасад дома крыльцо. Тео останавливается на первой ступеньке и смотрит на меня, как бы спрашивая разрешения.

— Конечно, Дракула, — сухо бормочу, не удивляясь этой странной ситуации. — Добро пожаловать, заходи. Я убрала чеснок и крестики.

Мышцы на его челюсти изгибаются. Он не удивлен. Медленно поднимается, один ботинок на одну ступеньку, пока не оказывается на крыльце. Я наблюдаю, как он идет с

грозовыми облаками, крутящимися над его головой. Мужчина останавливается в нескольких сантиметрах и смотрит на меня. Куп переводит взгляд от меня к Тео и наоборот в явной тревоге.

Но я не могу переключиться на Купа. Не с бурлящим вулканом, стоящим передо мной. Грохочущая гора магмы вот-вот взорвется. Кипящий бассейн немых эмоций в кожаной куртке и джинсах. Если бы я была копом, то арестовала бы этого парня на месте за нарушение общественного порядка. Он сам по себе — бунт, угрожающий уничтожить весь город.

На левой стороне шеи Тео, прямо над воротником рубашки, виднеется узел рубцовой ткани. Его нос явно был сломан и не исправлен. Над левой бровью неровный белый шрам, который исчезает в линии волос. Мужчина двигается с едва заметной хромотой, опираясь на левую ногу. И эти темные-темные глаза. Господи, они пылают.

Какой бы ни была та авария, она оставила свой след на этом человеке во многих отношениях.

— Меган, это Тео Валентайн. Тео, а это Меган Данн, — знакомит нас Куп.

Когда он смотрит на меня как раньше, я вздыхаю. Это мы уже проходили.

— Я бы сказала, что рада официально познакомиться с тобой, Тео, но мама учила меня, что лгать — нехорошо.

В глубине его бездонных черных вспыхивает намек на веселье. Губы дергаются, как будто он собирается что-то сказать, но потом сжимает их. И тут до меня доходит, что это была своеобразная версия улыбки.

— Я уже говорила Купу, что согласилась работать с Крейгом из «Капстоуна», так что нет необходимости...

Тео пробирается мимо меня и заходит в дом.

Я поворачиваюсь и смотрю на него с возмущением, затем поворачиваюсь к Купу, раздраженно вскидывая руки.

— Извини, — он пожимает плечами. — Но ты же сама сказала, что он может пройти.

Тео направляется к лестнице, а затем поднимается по ней через две ступеньки, словно владеет этим местом. Стук его обуви эхом разлетается по дереву. Когда он исчезает из поля зрения, я кричу:

— Куда ты собрался?

— Сначала он хочет начать работу в хозяйской спальне, чтобы тебе было комфортно, пока будет ремонтироваться остальная часть дома, — поясняет Куп.

— Как мило, — мой тон источает сарказм. — Но он ни над чем не работает в отличие от Крейга из «Капстоуна».

Куп строит такую гримасу, будто у меня нет права голоса, что смешно, потому что это мой дом!

— О, ради Бога, — бормочу я, направляясь к лестнице. Куп закрывает входную дверь, и мы оба поднимаемся вверх. У меня, наверное, идет пар из ушей.

Меня не волнует, что сделало Тео Валентайна таким придурком. Эта чепуха должна прекратиться.

Я нахожу его в своей спальне, стоящим у изголовья моей кровати. Он пялится на матрас со скомканными простынями и одеялом. Ага, постель в полном беспорядке, потому что я ворочаюсь каждую ночь и не застилаю ее с тех пор, как овдовела. Останавливаюсь в дверном проеме и складываю руки на груди. Куп встает прямо за мной, дыша мне в затылок явным

беспокойством.

— Тео.

Он немного поворачивает голову, но в целом не двигается.

— Спасибо, что пришел. Но мне не нравятся твои манеры, которые, кстати, ужасны, или логотип твоей фирмы, или та хрень, которую ты тут делаешь. Что, кстати, довольно жутко.

Он оборачивается и таращится на меня. Его глаза словно зажженные фитили, обжигают воздух.

— О, привет! Как мило с твоей стороны присоединиться к нам здесь, на Земле! Закончил осмотр моей кровати? Потому что если «да», то ты знаешь, где выход. Не останавливайся из-за меня.

Позади меня Куп подавляет либо смех, либо стон.

Тогда — сюрприз-сюрприз! — черные брови Тео хмурятся. Из внутреннего кармана пальто он достает ручку и маленькую записную книжку на спирали, открывает ее, затем что-то строчит со скоростью молнии на страницах. Показывает мне блокнот, чтобы я прочитала его каракули.

«Извини. Не особо лажу с людьми. Не нанимай «Капстоун».

Не особо ладишь с людьми? Здравствуй, преуменьшение века.

— Поезд уехал, Солнышко. Крейг пришлет контракт в понедельник.

Более яростная писанина. Он подходит ближе и тычет блокнотом передо мной.

«Я лучше!»

Я отмахиваюсь от него рукой.

— Ты словно заноза в заднице! И, честно говоря, немного «ку-ку». Мысль о том, что ты будешь тусоваться рядом со мной около полугода, работая над домом, не особо привлекает.

Он стоит там, раздувая ноздри и нахмурившись, показывая свое раздражение и разочарование, пока Куп не откашливается. Тео отрывает от меня свои черные глаза и смотрит вверх моего плеча.

— Может, тебе стоит показать ей планы, Ти?

— Планы? — спрашиваю. — Какие планы?

Но Тео решает, что это хорошая идея, потому что тут же проталкивается мимо нас и спускается бегом вниз. Мы слышим, как открывается входная дверь, а затем захлопывается.

Изумленная, я смотрю на Купа.

— Серьезно, он ненормальный. Не могу поверить, что кто-то нанимал этого парня.

— Обычно он не такой плохой, — извиняющимся тоном бормочет Куп.

— Как утешительно. Можешь назвать хоть одну причину, почему я должна выбрать того, кто меня ненавидит?

Голубые глаза Купа смягчаются, превращаясь во что-то подозрительно похожее на жалость.

— Он не ненавидит тебя, — мягко говорит он. — Поверь, если бы это было так, нас бы здесь не было. Ты просто... будоражишь его.

Я смеюсь, потому что это еще одно преуменьшение.

— Что ты сказал? Подожди, ты же не хочешь сказать, что он тайно в меня влюблен, верно?

— Нет, — Куп яростно качает головой.

Я осматриваю его безэмоциональное лицо, лишенное намека на смех.

— Пожалуйста, успокой меня и подтверди, что ты понял, что я пошутила.

— О. Окей.

Я вскидываю брови.

— В этом городе допускается сарказм? Потому что, если нет, то я откажусь от проекта и перееду туда, где люди будут в состоянии оценить мое тонкое чувство юмора и большую любовь к подколам.

Прежде чем он успевает ответить, входная дверь снова открывается и закрывается — с громким хлопком, потому что, по-видимому, Тео Валентайн ничего не делает мягко, — а затем три громких удара.

Я недоверчиво смотрю на Купа.

— Он только что топнул ногой по полу, чтобы позвать нас вниз?

Куп примирительно вздохнул.

— Боюсь, что да. Нам лучше спуститься, пока он не потерял терпение.

Из меня вылетает смешок, наполовину от иронии, наполовину от возмущения.

— То есть он сейчас терпеливый?

— Тебе правда не захочется это узнавать, — бухтит Куп, а затем выходит из комнаты.

Тео мы обнаруживаем на кухне внизу. На мраморном островке стола он разместил большую прямоугольную книгу. На синей льняной обложке выбито серебряными словами «Баттеркуп Инн» в старомодном стиле с множеством причудливых завитков. Рядом с книгой лежат несколько свернутых листов, похожих на чертежи.

Мое любопытство усиливается, я подхожу ближе.

— Что все это значит?

Тео жестикулирует на книгу, как бы говоря: «Смотри».

Я открываю обложку, начинаю переворачивать страницы, затаив дыхание.

Все страницы книги заполнены великолепными цветными компьютерными визуализациями отеля «Баттеркуп Инн». Не тем, что здесь сейчас, а как это будет выглядеть после масштабных ремонтных работ.

Роскошные сады, фонтаны и простирающийся зеленый газон. Экстерьер здания окрашен в мягкий оттенок желтого с белым. Внутри все номера обставлены красивой мебелью, которая отдает дань уважения эпохе постройки дома в сочетании с более современными элементами, которые легко обновят атмосферу.

Около витиеватого крыльца есть несколько зон отдыха, где смогут собираться гости. А задний двор превратился в самую удивительную игровую площадку для взрослых с ямами для костра, столами под тентами, окруженными скамейками, несколькими местами для игр, включая гигантский конструктор и бассейн с видом на море.

Именно так мы все представляли с Кассом, вплоть до мельчайших деталей.

Это не просто визуализация проекта. Эта книга — план из моей головы.

Ошеломленная, я стою в гробовой тишине, пока Тео не берет все в свои руки и не разворачивает один из свернутых листов. Это чертеж «Баттеркупа», белые схемы на фоне бледно-голубого, иллюстрирующие технические особенности здания, в том числе планы этажей, участка и детальный план, демонстрирующий инженерную перспективу будущей работы.

Если книга была планом моего разума, то эти рисунки — карта моего сердца.

Взволнованная, я возвращаюсь на первую страницу книги в поиске маленькой детали, которая меня поразила. Показываю на ряд фиолетовых цветов, выстилающих крыльцо с обеих сторон дома.

— Что это за цветы? — уточняю тихим голосом.

Тео пишет в своем блокноте и протягивает его мне.

«*Душистый горошек*».

Нож в живот. Пуля в голову. Свободное падение с пятидесятиэтажного здания. Я захолопываю книгу, хрипло произнеся:

— Извините, я на минуту, — и вылетаю из кухни с комом в горле. Пробегаю сквозь патио и врываюсь через французские двери во двор. Стою там, глотая воздух, позволяя солнцу ослепить меня, а морскому воздуху играть с волосами, пока я пытаюсь взять себя в руки.

Не плачь. Не плачь, тряпка. НЕ СМЕЙ РЕВЕТЬ.

Один из первых мозгоправов, к которому я обратилась после смерти Касса, сказал, что у мозга есть потребность в поиске параллелей, устанавливающих связь между несвязанными вещами, чтобы понять что-то бессмысленное. Люди развили универсальную тенденцию искать закономерности в случайной информации, отсюда и существование гадалок, толкователей снов и людей, которые видят Иисуса в куске тоста.

Но холодная, жесткая правда в том, что нет никакой связи между чем-либо.

Жизнь — все существование — абсолютно случайна.

Вашим счастливым числам в лотерее не повезло, потому что нет такой вещи, как удача. Перебежавшая дорогу черная кошка не является плохим предзнаменованием, это просто кошка на прогулке. Затмение — не кара богов, так же как и автобус, едва не задавивший вас, когда вы переходите улицу, не знак, что ангел-хранитель Вас бережет.

Не существует никаких богов.

Нет никаких ангелов.

Суеверия не реальны, и никакое количество желаний, молитв или нерационализма не способны изменить тот факт, что жизнь — это всего лишь одна длинная последовательность случайных событий, которые, в конечном счете, не имеют смысла.

Я ненавидела того психиатра.

Но теперь в голове всплывает его скучный голос, объясняющий, что душистый горошек вдоль крыльца в видении «Баттеркупа» Тео не имеет никакого отношения к прозвищу, которым Касс меня называл. Нет никакой связи с немым незнакомцем, создавшим точную копию дома мечты моего покойного мужа и меня. Ничего не значит, что мы здание с видом на прибой и цветами у крыльца, которое мы искали, оказалось в этом городе, так что, все происходящее — просто судьба.

Нет, не судьба. Случайность. Просто жизнь делает то, что у нее получается лучше всего: прикалываться надо мной.

Если бы только мое глупое сердце поверило в это...

— Меган? Ты в порядке? — Куп стоит в дверном проеме, положив руку на раму с нахмуренным от беспокойства лбом.

— Да. Нормально, — просто супер, огромное спасибо, у меня совсем нет нервного срыва в этот прекрасный сентябрьский день. Тру глаза, злясь на себя за проявление слабости. Расправляю плечи, делаю глубокий вдох и улыбаюсь. — Просто нужно немного воздуха.

Куп не выглядит убежденным. Я не виню его, потому что из меня отвратительная лгунья. Но будь я проклята, если признаю, что я женщина на грани нервного срыва, которая видит призраков от просмотра чертежей.

Я возвращаюсь внутрь, послав Купу еще одну обнадеживающую улыбку, и застаю ожидающего на кухне Тео, стоящего на том же месте, что и когда я уходила. Улыбаюсь и ему, мои губы натягиваются до боли, но он не отвечает взаимностью. Просто смотрит на меня с подрагивающей мышцей в челюсти и образованной бороздкой между черными бровями.

Затем строчит что-то в своем блокноте и протягивает его.

«Прости».

Понятия не имею за что он извиняется, но часть моего мозга, повернутая на поиске паранормальных связей, кричит, что он знает, что я расстроена... И почему.

— Не переживай. Я в порядке, — решаю не тратить время на какое-то отстойное оправдание за свое бегство, потому что подозреваю, что он это поймет. У меня нет сил подпитывать фальшивую улыбку, поэтому я убираю ее со своего лица. Мы тупо стоим, уставившись друг на друга в напряженной тишине.

Это становится нашей фишкой.

— Я воспользуюсь ванной, — бросает Куп, проходя через гостиную. Невдалеке раздается звук закрывающейся двери. Очевидно, мы остаемся наедине.

Адамово яблоко Тео подпрыгивает, когда мужчина сглатывает. Я никогда не встречала никого, кто был способен стоять совершенно неподвижно, но создавая впечатление, что может взорваться при неосторожном движении или слове. Он как кобра, свернувшаяся для броска.

— Как ты все это подготовил, не встречаясь со мной и не видя дом? — приглушенным голосом спрашиваю я.

Он бросает взгляд на книгу, сжимает руку в кулак над обложкой и медленно выдыхает через нос. Поднимает ручку и блокнот.

«Мне очень нравится этот дом. Он заслуживает второго шанса».

Это ответ, но осторожный, который обходит стороной заданный вопрос, поэтому я раздумываю, как лучше поступить. Если он вырос в Сисайде, очевидно, знаком со зданием. Возможно, он даже останавливался здесь, когда гостиница действовала. Но это не объясняет, почему у него есть все эти схемы и визуализации с такими подробностями, если только у него уже не было клиента, который хотел отреставрировать отель.

Возможно, им был даже он сам.

— Ох, ясно. Ты уже предлагал отремонтировать здание после пожара на кухне, верно?

Он моргает, один раз. Не уверена, используем ли мы наш телефонный код, и это типо «да», или он просто моргает.

— Ну, для последнего владельца, — указываю на книгу и чертежи, потому что он не отвечает. Не могу сказать точно, что больше раздражает — его взгляд или игнорирование моего вопроса.

Наконец, он наклоняет голову в сторону со слабым рывком к плечу. Это не кивок или тряска, а больше похоже на «возможно». Или на что угодно. Или, возможно, на «ты раздражаешь меня этими глупыми вопросами».

Общаться с этим парнем — гиблое дело. Сейчас только половина десятого утра, а мне уже хочется выпить.

— Забудь. Перейдем к слону в комнате². У нас с тобой проблемка. Давай будем милыми и назовем это «личностным конфликтом». Ремонт здесь будет долгим, и я не из тех девушек, которые будут торчать в спальне и вязать, пока мужики принимают решения и руководят

шоу. Это мой дом. Если я решу нанять тебя — упор на слово «если» — я не собираюсь терпеть твоё отношение ко мне.

Тео медленно выгибает бровь.

— Да, ты меня слышал, — размахиваю рукой вверх и вниз, демонстрируя вулкан, который вот-вот извергнется. — Этот ворчливый пещерный человек внутри тебя действует мне на нервы, а ты здесь всего пятнадцать минут. Я понимаю, что ты пережил какую-то травму, но и я тоже, и не метаю из-за этого острыми кинжалами в спину незнакомым людям. Либо ты обуздаешь своего мерзкого монстра без настроения, либо нам нечего обсуждать.

Я складываю руки на груди и жду, когда вулкан взорвется.

Но этого не происходит. Тео просто стоит и смотрит на меня, выражение его лица смягчается, и кажется, он вот-вот рассмеется.

Он кладет руки на бедра, глядя в пол и качая головой, как будто не может поверить в степень моей психованности, а потом смотрит мне в глаза.

Он кивает — медленно, решительно, стопроцентное «да», а затем улыбается.

Кроме шока, что мужчина действительно умеет улыбаться, меня ошеломляет чувство облегчения. Ощущение, будто я успешно провела переговоры с террористом.

— Окей. Отлично. Ну, как я уже говорила, я заключила устное соглашение о работе с Крейгом, так что мне нужно подумать обо всем в выходные.

Хмурый взгляд Тео возвращается на место. Мужчина хватается за свою ручку и блокнот и приступает к своей писанине, после чего чуть ли не тыкает ими мне в лицо.

«Я лучший кандидат на эту работу!»

Я безумно близка к тому, чтобы вырвать записную книжку из рук Тео и треснуть книгой «Баттеркуп Инн» по его голове.

— Вау, ты решил испытать мое терпение, да? Помнишь, пару секунд назад я попросила тебя сдерживаться, Солнышко? Я, мать твою, имела в виду СДЕРЖИВАТЬСЯ!

Гримаса исчезает, плечи опускаются, и он смотрит в пол, как пятилетний ребенок, которого поймали с рукой в банке с печеньем. Это до смешного очаровательно. Мое сердце смягчается по отношению к нему, человеку-загадке, который в один момент рычащий медведь, а в следующий — грустный маленький мальчик.

Через несколько комнат Куп громко прочищает горло, громко хлопнув дверью ванной, что звук эхом разносится по коридору.

Господи, у этих двоих деликатности как у пары гранат.

— Я позвоню в понедельник, — говорю Тео более мягким тоном. — Хорошо?

Он поглядывает на меня из-под ресниц, потом ручкой медленно обводит что-то на блокноте, что уже написал. Когда он протягивает его мне для прочтения, я вздыхаю.

— Тебе не нужно извиняться, просто перестань вести себя так, будто я переехала твою любимую собаку. Договорились?

Его глаза находят мои. Взгляд наполнен невыразимым одиночеством, и этой обнаженной антипатией, которую я не понимаю. Но все это в совокупности поднимает крошечные волоски на моей шее и посылает электрический заряд по коже. То же самое чувство, что было в закуской и на заднем дворе на вечеринке. Чувство нежеланного признания.

Быть замеченной кем-то, кто не хочет видеть.

Не отвечая, Тео резко поворачивается и уходит. Раздается звук его ботинок,

направляющихся к входной двери и исчезающих.

— Спасибо, Меган! До скорой встречи! — слышу прощальный крик Купа.

Хлопает входная дверь, и я остаюсь одна на своей разрушенной кухне, задаваясь вопросом, в чем, черт возьми, проблема Тео Валентайна.

И почему мне так хочется это выяснить.

ГЛАВА 6

Предположив, что лучшим источником информации в Сисайде является Сюзанна, которая, кажется, знает всех, решаю набрать ей.

— Алло?

— Привет, Сюзанна, это Меган Данн.

— Меган! Как дела?

Слишком уж она рада слышать меня, судя по голосу, чем вызывает некие подозрения.

— У меня все хорошо, спасибо. Как ты?

— Фантастически! Я только что подписала договор задатка дома на холме с невероятным видом на океан и еще более невероятной ценой. Одна симпатичная молодая гей-пара покупает его. И они собираются вложить кучу денег в ремонт. Я как раз собиралась отправить Тео письмо и сообщить, что они свяжутся с ним.

— Помяни дьявола. Именно поэтому я и звоню.

Она в замешательстве.

— На счет гей-пары?

— Нет, Сюзанна, из-за Тео. Он заходил с утра, чтобы предоставить смету. Цена оказалась в два раза ниже остальных подрядчиков. К тому же он принес действительно невероятные визуализации, которые меня поразили.

— О, здорово!

— Нет, не здорово. Потому что Тео вел себя как Тео. Я не уверена, что смогу справиться с его поведением в течение следующих нескольких месяцев, пока проект не завершится. Я договорилась с Крейгом из «Капстоуна» и думаю, что подпишу с ним контракт, потому что Тео слишком странный.

— Поверь, ты привыкнешь к его молчаливости, как только увидишь качество его работы.

— Проблема не в том, что он не разговаривает, а в его странных реакциях и поведении. От каждого взгляда Тео у меня возникает чувство, что он либо треснет меня, либо расплатится.

— Может, он запал на тебя! — Сюзанна включает инстинкт свахи.

— Поверь мне, это не то, — фыркаю я. — Скорее похоже на аллергию. Парень едва может находиться рядом со мной.

Она на мгновение задумывается.

— Я знаю, что он странный. Это да. Но еще знаю, что он безвреден, Меган. Парень мощный, но нежный, как ягненок.

— Мне никогда не встречались ягнята с ураганом над головой.

После паузы она осторожно добавляет:

— Ладно, я кое-что скажу...

Мне прекрасно известно значение этих слов — сейчас будет что-то, что мне не

понравится. Жду этого, раздраженно выдыхая.

— Может быть, я только предполагаю, это ты слишком чувствительная?

— Чувствительная? К чему? — я хмурюсь.

— К мужчинам.

— К мужчинам? — озадаченно повторяю.

— Ну, знаешь, из-за твоего мужа.

— О. Ты думаешь, я потеряла способность судить о характере человека, потому что мой муж умер, не так ли?

— Просто ни у кого больше никогда не было проблем с Тео, милая, — говорит Сюзанна успокаивающим тоном. — Кроме тебя.

Я тяжело дышу от расстройства.

— Где-то я это уже слышала... Но я этого не понимаю, Сюзанна. Даже Куп сказал, что никогда не видел, чтобы Тео вел себя с другими так, как со мной. Он сказал, что я его «будоражу».

— Куп так сказал? Вау. Что ж, это довольно странно.

— Об этом я и говорю!

— Может, он завидует твоему загару?

— Очень смешно.

— Может быть, ты напоминаешь ему кого-то, кого он ненавидит?

— Возможно, но сомневаюсь. Его проблема кажется Меган-специфичной.

— А может он считает, что следует накраситься и надеть что-то без логотипа рок-группы. Это создаст ощущение, что тебе не все равно, когда ты выходишь на публику?

Это заставляет меня улыбнуться.

— Отличная мысль, Сюзанна.

— Хм. А ты уверена, что он не запал на тебя?

— О да, уверена. Тео специально делает вил, будто навалил в штаны при каждой нашей встрече, потому что хочет меня завлечь. Это определенно настоящая любовь.

Она смеется.

— Хорошо, у меня закончились идеи. Спишем это на одну из необъяснимых вещей. Просто держись от него подальше, пока он работает над «Баттеркупом». Может быть, через какое-то время он остынет.

— Или, может быть, он «случайно» оставит инструменты на полу, чтобы я споткнулась и сломала нос.

— Не говори глупостей, он на такое не способен. Если тебе не нравится Тео, просто общайся непосредственно с Купом. Судя по всему, это подойдет вам обоим. Уверяю тебя, он самый лучший. У меня список длиной в километр людей, которые это могут подтвердить, если ты не веришь мне на слово. И зачем разбрасываться деньгами, если в этом нет необходимости? Вставлю свои пять копеек, но думаю, что результат будет стоить того, чтобы примириться с Тео на некоторое время

Я задумываюсь, потому что она приводит неплохие аргументы. После несчастного случая с Кассом я получила крупную сумму от страховой. Но я понимаю, что такие крупные проекты по реконструкции могут превысить бюджет. И нет никакой гарантии, что отель будет успешным после того, как я его открою. Заявление о банкротстве можно подать только спустя определенное количество лет. Мне нужно быть практичной, экономной и бесстрастной.

Не о чем беспокоиться, кроме моего сильного любопытства и задетого эго.

— Может быть, если бы ты рассказала мне о нем побольше, я бы почувствовала себя лучше...

— Что ты хочешь знать?

— О несчастном случае, — говорю, не задумываясь. — Я хочу знать, что случилось, что Мистер Популярность превратился в Гринча.

На другом конце провода раздается длинный вздох.

— Милая, эту историю нужно рассказывать за выпивкой. Что ты делаешь сегодня вечером?

Оглядываю кухню, смотрю на прожженный пол, заколоченные окна, пустые контейнеры для еды на столе.

— Ничего.

— Будьте готова в шесть. Я за рулем. И надень юбку, ради всего святого. У меня есть репутация, которую следует поддерживать, а твой образ бездомного торчка не вяжется с ней.

Она вешает трубку, не дожидаясь моего аргумента.

* * *

Ровно в шесть часов приезжает Сюзанна, выглядя так, будто у нее назначена встреча с Хью Хефнером. Я никогда в жизни не видела такого глубокого декольте.

— Привет, Сюзанна, — осторожно осматриваю ее прическу, которую начесали и наладили а-ля 80-е, высоченные шпильки и обтягивающую юбку, вызывающую сомнение в возможности нормального кровообращения. — Пожалуйста, скажи мне, что мы не собираемся в клуб.

Она уставилась на меня, будто я курю крэк.

— В радиусе восьмидесяти миль нет никаких клубов. Мы собираемся в ресторан «У Бугера³».

«У Бугера»? Вот почему я никуда не выхожу.

— Не смотри на меня так! — ругается Сюзанна, когда замечает мое выражение лица. — Это отличный, высококлассный ресторан.

— Что-то мне подсказывает, что наши определения «высококлассного» сильно различаются.

— Боже, тебе сколько, девяносто, бабуля?

— Тридцать два, вообще-то.

Сюзанна гримасничает.

— Ты моложе меня? И как я не обратила на это внимание при подписании договора? Жаль, что я уже решила не ненавидеть тебя. Милое платье, кстати.

— Спасибо. Мне пришлось пойти и купить его сегодня, потому что не ношу их. Не хотелось бы, чтобы меня избил мой агент по недвижимости.

Она сужает глаза на моей талии.

— Ты одела под него утягивающее белье?

Я с недоумением осматриваю себя.

— На хрена оно нужно?

Она стонет, поднимая руки вверх.

— Я передумала. Я ненавижу тебя. Пойдем, из-за тебя мне хочется выпить.

Я только успеваю запереть входную дверь, как Сюзанна хватает меня за руку и тянет к машине, ей явно не терпится двинуться в путь. Поход в ресторан «У Бугера», подозреваю,

будет таким же приятным, как и посещение гинеколога.

Когда мы подъезжаем, я с удивлением обнаруживаю, что ошибалась. Кто бы ни назвал это заведение, у него явно не в порядке с головой, но место потрясающее. «У Бугера» расположен в конце набережной с видом на океан. Оформление ресторана в морской тематике, которая умудряется быть иронически сентиментальной, а не просто безвкусной.

Под потолком висит ажурная сетка для ловли рыбы, которая украшена морскими звездами и рождественскими огнями. На кирпичных стенах закреплены черно-белые фотографии звезд прошлых лет. Вместо окон в стены вмонтированы большие иллюминаторы. Столы гладкие и напоярованные, украшенные подсвечниками с зажжёнными свечами. Подойдя к ресепшену, мы видим огромный штурвал. Сюзанна называет свое имя администратору, которой на вид можно дать лет пятнадцать.

— Здесь мило, — говорю я, оглядываясь вокруг.

Сюзанна подталкивает меня локтем и улыбается.

— Стала бы я приводить тебя в плохое место?

— Однако, это название...

— Это прозвище владельца. Кто-то поймал его ковыряющимся в носу в начальной школе, и это к нему прицепилось.

Я строю рожицу.

— Надеюсь, он отказался от этой привычки и не делает это на кухне.

— Сюда, пожалуйста, — администратор, держа в руках меню, жестами указывает нам следовать за ней.

Пока мы идем к нашему столику, на Сюзанну был брошен не один взгляд. Даже некоторые женщины, кажется, заинтересованы в подтянутой королеве красоты. Я восхищаюсь ее уверенностью в себе и улыбаюсь, когда парень роняет ложку в суп, когда мы проходим мимо.

Усевшись, не спеша изучаем меню, после чего заказываем еду и напитки у тяжеловесной официантки. Когда она уходит, Сюзанна начинает:

— Итак. Тео Валентайн.

— Персона дня, — я жую орехи из миски, которую официантка оставила на столе. — Таинственный мужчина с именем порнозвезды.

— Он не такой уж и загадочный.

Я перестаю жевать и тарашусь на нее.

— Ну, ладно, он немного таинственный.

Когда я не смягчаю свой взгляд, она вздыхает и сдаётся.

— Хорошо-хорошо, он очень таинственный. Теперь. Раньше он был просто Тео, местным красавчиком-качком, который собирался завоевать мир. Конечно, все девчонки сходили по нему с ума. В этом городе не так уж много самцов.

Я засовываю еще горсть орехов.

— Ты умеешь обращаться со словами, Сюзанна, — мямлю с набитым ртом.

Она безмятежно улыбается, накручивая прядь темных волос на пальцы.

— Он был на пару лет младше меня в школе, но, Боже, я была влюблена в него. Я была полной неудачницей, а у него всего было в избытке. Он учился в колледже в Вашингтоне, но вернулся, потому что встречался с Колин, и она не хотела уезжать из Сисайда. Они должны были пожениться. Ты встречала ее на вечеринке у Сэнди, помнишь? Школьная учительница с красивыми голубыми глазами?

Помню. Не только ее глаза были красивыми. У нее гладкие каштановые волосы и прекрасная кожа, фигура, которой может позавидовать даже сладострастная Сюзанна.

— Дай угадаю. Они так и не поженились.

— Нет.

— Так что же произошло?

— Несчастный случай с Тео. И судя по тому, что она рассказала, с момента, как он очнулся в больнице, он больше не хотел иметь с ней ничего общего. Даже не смотрел на нее. Никогда больше не говорил ни с ней, ни с кем другим.

— Ой. Жестоко.

Сюзанна стучит накрашенными ногтями по столу.

— Да, Колин была опустошена. Не думаю, что она пережила это. Я пыталась свести ее с каждым мужчиной отсюда до Тимбукту, но она каждый раз отказывалась. Подозреваю, что она надеется, что однажды Тео вырвется из своей безмолвной депрессии и вернется к ней обратно.

— Так почему же он не разговаривает? Его голосовые связки повреждены или что?

— Твоя догадка лишь предположения, как и мои, милая. Конечно, его врач никому ничего не сказал, но я знаю нескольких медсестер из больницы, так вот, они были там в ночь аварии и во время его выздоровления. И все твердят одно и то же: Тео отказался говорить, отказался отвечать на вопросы почему он не говорит, и он впадал в ярость, если на него давили. По слухам, разгромил смотровую, когда физиотерапевт стал слишком насаждать. Тогда, конечно, доктор хотел отправить его к психиатру, но Тео отказался. Просто выписался из больницы, как только снова встал на ноги, и все.

— Всем в городе было его жаль, поэтому продолжали делать у него заказы. А через некоторое время уже никому не было дела, что он не говорил, потому что на качестве его работы это не отражалось. На самом деле, казалось, стало даже лучше. И очень быстро. Он может снести дом и полностью восстановить его до того, как конкуренты просто соберутся делать предложения. Какой бы дьявол в него не вселился, у него хорошая трудовая этика.

Официантка подходит с нашими напитками, давая мне время подумать. Я пью свой холодный чай, еще более заинтересовавшись таинственным мужчиной. Хочу спросить Сюзанну про несчастный случай с Тео, но тут раздается глубокий голос.

— Посмотрите-ка, кто пришел. Не ожидал встретить тебя здесь.

Я поднимаю глаза. Это Крейг из «Капстоуна» прямо перед нашим столиком, улыбается и смотрит на меня.

— Крейг! Привет, какой сюрприз. Что ты здесь делаешь?

Сюзанна пинает меня под столом. Резко перевожу на нее взгляд. Она смотрит на Крейга огромными, как блюдца, глазами и ослепительной улыбкой, хлопая при этом ресницами. Она откинула плечи, так что ее декольте демонстрировало лучший вид для сверху смотрящего.

Он получает полный обзор своей привлекательности. Это грубый, ковбойский тип красавчика, всем своим видом показывающий, что он на самом деле хорош в рубке дерева и укрощении диких жеребцов, стрельбе по бедным птицам в небе и тому подобное. У него темные светлые волосы, ямочки, в которые можно влюбиться, и улыбка, такая же легкая, как воскресное утро.

У него нет обручального кольца, факт, который не пропускают цепкие глаза Сюзанны.

— Встречался днем в этом районе с клиентом, и решил перекусить, прежде чем

вернуться в Портленд, — поясняет он, а затем замечает Сюзанну и ее декольте. Его улыбка расширяется. — Надеюсь, я не помешал.

— Вовсе нет! — манерничает Сюзанна, покачивая плечами, от чего ее сиськи начинают дрожать, а глаза Крейга — увеличиваться.

Затягиваю губы между зубами, чтобы не улыбаться.

— Вы двое знакомы?

— Нет, — одновременно отвечают Крейг и Сюзанна.

— Сюзанна, это Крейг Кеннеди из «Капстоун Конструкшн». Крейг, это Сюзанна Мартин. Она занимается недвижимостью.

Не успели эти слова слететь с моих губ, как Сюзанна берет быка за рога.

— Приятно познакомиться, Крейг! — произносит это ярко, сладко и с улыбкой. — Ты тут один?

— Да.

Не делай этого, Сюзанна!

— Почему бы тебе не присоединиться к нам?

Дерьмо.

Крейг смотрит на меня. Конечно, я не собираюсь быть ультра-супер-мега-сучкой и динамить его, поэтому тупо лыблюсь и притворяюсь дружелюбной.

— Да, пожалуйста, присаживайся!

Крейг скользит в кабинку рядом с Сюзанной. Эти двое сидят, ухмыляясь друг другу. А я начинаю размышлять о том в каком возрасте становится социально приемлемым говорить все, что вы действительно думаете, и делать все, что хотите, независимо от вежливости и правил этикета. Семьдесят? Восемьдесят?

Боже, скорее бы.

Следующие два часа — ад. Между раскаленными гормонами Крейга с Сюзанной и моим ужином — который должен был быть кальмарами, но вместо этого подозрительно напоминают по вкусу резиновые сапоги — я начинаю чувствовать себя больной.

Господи, Крейг любит потрепаться. Как только он сел, то не сделал ни вдоха. Снова и снова он тараторит о своей работе, своей кампании, своих планах по расширению, бла-бла-бла. Это утомительно. Ни разу он не задал Сюзанне или мне вопрос. Словно мы родились, чтобы сидеть и слушать его болтовню, при этом улыбаться и держать спину, демонстрируя наши сиськи.

А я даже не могу напиться, потому что никогда не пью вне дома. И по третьему бокалу вина Сюзанны могу сказать, что за рулем буду я.

В четверть девятого мое терпение лопается под непрерывный гул Крейга. Я ловлю взгляд официантки и прошу счет. Когда его приносят, Крейг выхватывает папку для расчета и пренебрежительно отмахивается от моих протестов.

— Мне это доставит удовольствие, — он улыбается Сюзанне, которая мечтательно улыбается ему в ответ.

Сомневаюсь, что ему будет приятно, если он узнает, что я всерьез подумываю не нанимать его для моего не на шутку дорогого ремонта, но, возможно, пышные активы Сюзанны смягчат удар.

— Поверить не могу, что мы не встретились раньше, — жалуется она, красиво играя с рукавом. — Я постоянно рекомендую своим клиентам твою кампанию, но только сейчас познакомилась с главой.

— Ну вот, теперь ты меня знаешь, — улыбка Крейга выглядит опасной. — Надеюсь, ты не разочарована.

Сюзанна хихикает, как школьница, и я делаю все, чтобы не бросить салфетку ей в лицо.

— Все было замечательно, — заявляю я, — и было так приятно видеть тебя, Крейг, — я скользя к краю кабины, надеясь, что намек будет понят. Когда ничего не происходит, я многозначительно добавляю: — Но я чувствую себя немного уставшей, поэтому...

Вытаскивая себя из чар буферов Сюзанны, Крейг вспоминает свои манеры и встает.

— Конечно. Я должен отпустить вас, дамы. Меган, было приятно увидеться с тобой. Я отправлю документы в понедельник.

Он пожимает мне руку. Надеюсь, это не значит, что мы заключаем сделку. Он поворачивается к Сюзанне, все еще сидящей в кабинке и печально ожидающей его ухода.

— Сюзанна, честно говоря, не помню, когда в последний раз мне было так весело с кем-то общаться.

Она говорит:

— Тебе необходим мой номер, чтобы снова повеселиться.

Черт. Эта девушка — охотница, сто процентов.

Но, поразительно, Крейг не заглывает наживку.

— Да, если мне понадобится агент по недвижимости, я обязательно позвоню. Смогу узнать твой номер у Меган, — с легкостью отвечает он.

Улыбка Сюзанны застывает.

— Дамы, — говорит Крейг, делая движение, будто наклоняет шляпу, затем оборачивается и уходит.

— Что это было? — после его ухода Сюзанна разговаривает нормальным голосом.

— Должно быть, у него есть девушка, — когда она смотрит на меня, я пожимаю плечами. — Между вами, ребята, была сумасшедшая химия. Так что это единственное объяснение.

— Так это было не только в моей голове? Он флиртовал со мной, верно?

— Точно. В какой-то момент я подумала, что он достанет свое хозяйство и попросит тебя погладить его под столом.

— И я бы повиновалась. Этот мужчина чертовски горяч!

Она говорит так громко, что люди на нас оборачиваются. Я встаю, беру ее за руку и помогаю выползти из кабинки, немного пошатнувшись от неожиданности, когда она упирается о меня.

— Вау, — ахает она, стабилизируя себя. — Кажется, тебе придется побыть водителем, милая. Комната кружится.

— Хорошо, красотка, я держу тебя. Не протыкай мне ноги своими каблуками. Вот так.

Мы пробираемся через ресторан — моя рука вокруг ее плеч, ее рука вокруг моей талии — пока я пытаюсь игнорировать хихиканье, которые слышу, пока мы идем.

У меня странное чувство, что Сюзанне не впервой покидать ресторан с посторонней помощью.

ГЛАВА 7

До дома Сюзанн от «У Бугера» ехать десять минут. Она отключилась сразу, как только сели мы в машину, и я кое-как умудрилась выпытать у нее адрес. Я не против, потому что

привыкла оставаться наедине со своими мыслями, но немного переживаю за нее.

В маленьком городке все знают друг друга, в том числе и грязное бельё. Может, все эти взгляды, которые бросали на нее по дороге, не связаны с ее прикидом?

Чтобы добраться по ее дома, использую приложение на телефоне. Она живет в прекрасном маленьком домике с аккуратным двориком. Вокруг белого забора растут розовые азалии. Припарковав машину у подъездной дорожки, обхожу ее, чтобы помочь своей пассажирке. Когда открываю дверь и расстегиваю ремень безопасности, слышу храп.

— Сюзанна, — осторожно трогаю ее за руку. — Мы приехали. Просыпайся.

Ее голова скатывается в мою сторону, а сама она бормочет что-то про кошек. Списываю это на алкогольный бред, а затем вытаскиваю ее из машины как можно мягче. Подозреваю, что она приложила к бутылке до того, как забрала меня, потому что она действительно в говно.

Мы ковыляем к входной двери. Мне приходится порыться в ее сумочке, чтобы отыскать ключи, потому что их обладательница в буквальном смысле спит стоя, опираясь на меня. Распахнув дверь, в мой нос ударяет запах кошачьей мочи.

Зверушки бегут с грохотом, способным воскресить мертвых.

— Де Ниро! — невнятно бормочет Сюзанна, приоткрывая глаз. — Пачино! Сталлоне! Тише, черт возьми, у мамочки раскалывается голова!

Я помогаю Сюзанне переступить через порог и войти в дом. Она плюхается на диван в гостиной, и все три кошки — трехцветная, рыжая и один здоровый черный пушистый ублюдок — прыгают на нее и, похоже, собираются обглодать ей лицо.

— Кыш! — я размахиваю руками, надеясь спихнуть их с бедной Сюзанны, но они просто сидят и таращатся на меня, как на тупую. Однако ничего не делают, чтобы отойти от ее. Я недолго настроженно за ними наблюдаю, ожидая их дальнейших действий.

Они укладываются вокруг нее, сворачивают хвосты и прижимаются к ее груди, животу и между ног, продолжая свое наблюдение за мной.

— Ладно, зверушки, оставляю на вас мамочку. Договорились?

Большой черный — предполагаю, что Сталлоне — зевает. Меня посылают прочь.

Я направляюсь на кухню в поисках воды для Сюзанны. На столе стоит открытая бутылка вина и пустой бокал с ярко-розовым отпечатком помады, который похож по цвету на накрашенные губы Сюзанны.

Теперь мне ее не жалко. Я скорее в бешенстве, что она заехала за мной после того, как столько выпила. Завтра, когда она протрезвеет, мы побеседуем об опасности вождения в нетрезвом виде, даже если это небольшое количество алкоголя.

Если кто и в состоянии понимать серьезность этого, так это я.

Стиснув зубы, я достаю бутылку воды из холодильника и отношу ее на журнальный столик рядом с диваном. Выключаю лампу на тумбочке, снимаю туфли с ног Сюзанны и накрываю ее одеялом. Оставляю сумочку с ключами на обеденном столе и запираю входную дверь, прежде чем закрыть ее за собой.

Мне потребовалось минут пятнадцать ходьбы, чтобы унять дрожь в руках.

Сегодня превосходная ночь, но прохладная. Полная луна, свежий воздух с запахом океана и усыпанное звездами небо. Они никогда так не блестели в задыхающемся Фениксе. Пожалев, что не захватила пальто, я прохожу через тихий район Сюзанны, пока не достигаю главного бульвара, ведущего в город, и сворачиваю на юг в сторону дома.

Сисайд — один из тех городов, жизнь которых вымирает при заходе солнца, и

сегодняшний вечер не исключение. Бульвар пустынен. Единственные, кто составляет мне компанию — мотыльки, тихо танцующие вокруг уличных фонарей над головой. Я иду не спеша, погруженная в мысли, слушая музыку ночи: отдаленный шум прибоя и серенаду сверчков.

Тебе бы здесь понравилось, Касс. Очень понравилось.

Из ниоткуда мимо меня проносится черный «Мустанг» на максимальной скорости. Двигатель машины рычит, словно волк. Порыв воздуха, созданный проносящейся машиной треплет мои волосы и раздувает юбку сбоку. В пятидесяти метрах от меня водитель резко начинает тормозить. Автомобиль, с визгом шин, резко останавливается посреди улицы. И остается там с гудящим двигателем, святающимися красным стоп-сигналами в темноте и паром из выхлопной трубы, похожим на дым из ноздрей дракона.

— Вы, должно быть, шутите, — бормочу я, точно зная, кто меня ждет.

Водитель переключает передачу и автомобиль медленно начинает движение назад.

Когда «Мустанг» оказывается возле меня, то останавливается. Пассажирская дверь открывается и широко распахивается. Глаза Тео блестят в тусклом интерьере, он наклоняется и смотрит на меня.

Ждет.

После минутного колебания, я залезаю в машину и закрываю пассажирскую дверь. Стараюсь притвориться, что не происходит ничего непонятного, и я полностью контролирую ситуацию.

Как и снаружи, внутренняя часть автомобиля блестит. Я могла бы есть прямо с приборной панели. Для меня стало бы шоком, если пепельница когда-либо использовалась хотя бы для хранения монет. Ни соринки, ни волосинки. Должно быть Тео хранит пылесос в багажнике.

Но даже в такой стерильной среде ощущается его присутствие. По радио играет какой-то блюз — женщина с прокуренным голосом напевает о потерянной любви — воздух теплый и пахнет, как мужчина рядом — мылом, кожей и типичной мужественностью с намеком на ночной лес.

Может, он оборотень, одинокий волк, который охотится в лесу в полнолуние?

Пора прекратить смотреть научно-фантастические канал.

— Прости, что наехала на тебя утром. Это было не красиво, — решаю начать разговор.

Тео громко и протяженно выдыхает, словно долго задерживал дыхание. Переключив передачу, мы начинаем движение с гораздо меньшей скоростью, чем он ехал ранее. Маленький серебряный медальон на цепочке качается на зеркале заднего вида, поблескивая при попадании на свет. Это медальон святого покровителя, но я не могу сказать, какого именно.

Этот мужчина становится все интереснее.

Он религиозен? Стал таким после несчастного случая? Или он, как и я, бывший верующий, который держит медальон как напоминание о своем потерянном заблуждении, что где-то во Вселенной кто-то действительно слушает наши молитвы?

Я бросаю на него взгляд. В тени его профиль представляет собой жесткие углы, от кривой черты носа до твердой челюсти. Он выглядит напряженным и стесненным, и мне интересно, почему он потрудился остановиться, если так явно отягощен моим присутствием.

— Хотела бы я знать, почему я тебе не нравлюсь...

Вздвигнув брови, он моргает. Смотрит на меня с выражением саднящей и уязвимой муки.

Становится ясно, что мои слова причиняют мужчине боль, а также, что мое предположение о его нелюбви — верно.

Эти две вещи вместе не имеют никакого смысла, но ничего в этом человеке не имеет смысла. Каждое происходившее между нами взаимодействие смущало и расстраивало меня. Он как пазл со слишком большим количеством мелких деталей, который невозможно собрать.

Я продолжаю свое признание, потому что не могу успокоиться, не высказав и прояснив все сейчас.

— Я очень приятный человек. По крайней мере, я так думаю. У меня никогда не было врагов. Я даже немного скучная, оживляюсь при возможности выпить или при просмотре новой серии на Netflix. Так что представь мое удивление, когда совершенно незнакомый человек испытывает ко мне явную и сильную неприязнь, прежде чем я даже успеваю сказать ему слово. Представь, как мне становится обидно. Не говоря уже о том, что это чертовски меня злит.

Тео смотрит на меня с выражением боли на лице, словно нож вонзается ему в живот каждым моим словом.

— Знаю. Так нечестно. Мы в замкнутом пространстве, и я начинаю свою знаменитую словесную диарею, а ты не можешь ответить. И я снова матерюсь. Для меня это не типично. Моя мама, слишком беспокоившаяся мнением других людей, учила меня, что только вульгарные женщины с отвратительным словарным запасом используют нецензурную лексику. Честно говоря, слово «черт» настолько полезно для множества разных ситуаций, что я не могу противостоять случайной оплошности.

Я выдерживаю паузу, чтобы перевести дыхание и разобраться в своих мыслях.

— На чем я остановилась? Ах, точно. Я тебе не нравлюсь, и мне это не нравится.

Бедняга Тео, похоже, предпочел бы посидеть на электрическом стуле, чем на водительском сидении, но ничего не поделаешь. Это мой шанс высказаться, и я им воспользуюсь.

— Знаешь, бывает в романтических комедиях возникает какая-то глупая ситуация, которая решила бы без всякой драмы, если бы пара просто поговорила? Типа просто сели и решили проблему? Я чувствую, что это наш шанс. Как если бы ты просто... ну не знаю... написал бы, какие мои действия тебя так сильно раздражают. Почему ты смотришь на меня с таким выражением, как будто мечтаешь запустить пирог с собачьим дерьмом мне в лицо, то, возможно, я могла бы извиниться или не поступать так снова. У нас могли бы быть приличные рабочие отношения, пока дом находится в стадии строительства. Нам не нужно будет ходить на цыпочках вокруг друг друга, потому что вокруг нас витает огромное черное облако враждебности. Ты, кстати, в курсе о нем?

Похоже, что нет. Могу это с уверенностью сказать, потому что он выглядит так, словно его сейчас стошнит. Его руки с силой сжимают руль, что тот запросто может разломиться надвое.

— Неважно. Забудь, что я говорила. Честно говоря, это твоя прерогатива — ненавидеть кого хочешь. Я просто слишком чувствительна. Нет, не правда, я не чувствительна! Любой другой разумный человек чувствовал бы то же самое! Никто не любит, когда его не любят!

Слышно, как Тео сглатывает. Чувствую себя идиоткой.

Тяжело вздыхаю и провожу руками по волосам.

— Сейчас я буду вести себя тихо.

Мы едем некоторое время в тишине, пока не останавливаемся на светофоре. Меня трясет от холода, я растираю руки, чтобы согреться. Заметив, что я замерзла, Тео снимает пиджак и передает его мне.

— Оу. Спасибо, — прикладываю его спереди, словно одеяло, и наслаждаюсь теплом, стараясь не смеяться, потому что это очень странно и неудобно. У меня есть только два основных рефлекса, когда я чувствую себя неловко: смех или сарказм.

Мы снова едем и, сделав еще несколько поворотов, добираемся до моего дома. Тео паркует машину, глушит двигатель и выходит. Прежде чем я успеваю открыть дверь, он делает это для меня. И протягивает руку.

Так он психопат-джентльмен, который меня ненавидит. *Принято к сведению.*

Я позволяю ему помочь мне выбраться из машины. Когда вручаю ему его пиджак, Тео забирает его, но вместо того, чтобы надеть, накидывает его на мои плечи. Затем, как старомодный жених, берет меня за руку и ведет по тропинке к крыльцу, убирая в сторону колючую ветвь от одного из диких кустов роз, чтобы меня ею не пришибло.

Все слишком запутанно.

Мы останавливаемся у подножия крыльца, но на этот раз я не приглашаю его внутрь. Я сбрасываю его пиджак и вручаю обратно, прошептав «спасибо», затем поворачиваюсь, чтобы войти в дом.

Тео останавливает меня прикосновением к локтю. Я удивленно оборачиваюсь. Он залезает в свой пиджак. Думаю, он собирается достать блокнот, но вместо этого вытаскивает визитку. Протягивает ее мне с сияющими, как драгоценные камни при слабом освещении, глазами.

— Эмм. Спасибо, — секунду стою, не зная, что делать дальше, пока он не тычет на картонку. — Ага, у меня уже есть твой номер. Я позвоню тебе в понедельник при любом своем решении.

Он качает головой, как будто я не понимаю, что он пытается сказать. Что, вообще-то, соответствует действительности.

— Ты не хочешь, чтобы я позвонила тебе в понедельник?

Клянусь, его глаза закатываются от моей тупости.

Он натягивает пиджак, берет визитку в руку, а другой указывает на адрес электронной почты снизу. И постукивает три раза.

— Ты хочешь, чтобы я отправила тебе письмо?

В этот раз вообще не понятно то ли он кивает, то ли мотает головой. Похоже, он расстроен. Мужчина делает скользкое движение рукой, но я не могу представить, что ему от меня надо.

— О, ради Бога, Тео, дай мне передохнуть, хорошо? У меня херово с шарадами.

Он отдает мне визитку, а потом достает свой блокнотик. Он что-то царапает на нем и протягивает.

«Напиши мне до понедельника, если хочешь пообщаться».

Когда я смотрю на него, Тео отводит блокнот в сторону и смотрит на меня. Жевательные мышцы в его челюсти снова подрагивают. Его глаза неестественно яркие, будто его лихорадит.

— Хочешь поговорить?

Он отводит взгляд, переводит дыхание, закрывает глаза. Потом смотрит на меня. Кивает, а потом качает головой.

— И «да», и «нет».

Он снова кивает, потому что я правильно его поняла.

— Ну, черт возьми, Тео, — говорю я раздраженно. — Прими уже долбанное решение!

Уголки его губ поднимаются вверх. Он закрывает рот рукой, чтобы скрыть улыбку, затем прочищает горло.

Это поразительный звук, потому что *это* звук. Я смотрю на него с затаенным дыханием, пока пульс набирает темп.

Тео не замечает моего внезапного молчания. Он просто кивает три раза, чтобы я не ошиблась в значении данного жеста, а затем поворачивается и возвращается к своей машине. Он садится и уезжает без оглядки.

Я долго стою на крыльце со сжатой в руке визитной карточкой Тео и звоном в ушах. Потом захожу внутрь и включаю компьютер.

В поле поиска Google набираю: «Могут ли немые люди издавать звуки?»

ГЛАВА 8

Согласно «Википедии», немые люди могут издавать всевозможные звуки, уничтожив мою быстро раздувшуюся теорию заговора, в которой Тео Валентайн может говорить, просто не хочет.

— Неспособность говорить — это не то же самое, что неспособность шуметь, — читаю вслух с веб-страницы. — Мычание, стоны, крики и подобное не требуют наличия голосовых связок, они могут воспроизводиться путем движения воздуха в или из легких. В зависимости от тяжести повреждения голосовых связок возможно произнесение коротких слов, такие как «я» или «ты». Если повреждение голосовых связок полное, возможны только первичные звуки, например крик.

Затем я заглядываю в раздел под названием «селективный мутизм». Он включает в себя список знакомых симптомов: социальная изоляция и отстраненность; трудности с поддержанием зрительного контакта; нежелание улыбаться; сложности с выражением чувств; восприимчивость к шуму и толпе. И куча подобного, куда можно было бы поместить фото Тео, да вот только это обычно проявляется в детстве.

Хм.

Есть также состояние, называемое «реактивным мутизмом», при котором человек решает не говорить, как правило, после перенесенной тяжелой травмы.

Это подходит, но у меня нет возможности узнать, проблема Тео связана с голосовыми связками или психическим состоянием.

Или и тем, и тем.

Я поднимаюсь наверх, чтобы принять ванну, раздеваюсь и отмокаю, пытаюсь унять хаос мыслей в голове. Затем вылезаю, вытираюсь полотенцем, передеваюсь в наряд-для-пляжания-в-потолок, состоящий из футболки и боксеров, и ложусь спать.

В три часа ночи поднимаюсь, спускаюсь вниз за ноутбуком и возвращаюсь с ним в постель. Ладно, мистер Валентайн. Посмотрим, что вы скажете в свое оправдание.

Кому: Theo@hillrise.com

От: Bowie4Evah@yahoo.com

Тема: Новый домовладелец нуждается в консультации

Уважаемый доктор Валентайн,

Я встретила одного человека несколько недель назад, и мне нужен Ваш совет. Все продолжают твердить мне, какой он замечательный парень, насколько прекрасна его работа, что я обязана нанять его для ремонта дома — дома моей мечты, прошу заметить, — но есть проблема.

Я вызываю у этого человека серьезное желудочно-кишечное расстройство.

Если бы я была садистом, то просто наняла бы его и позволила ему томиться в собственном желудочном соке, пока работа не завершится, но у меня есть сердце. Мне хочется подарить этому бедняге огромную коробку соды, чтобы он почувствовал себя лучше. Но парень не хочет моих противокислотных подношений, единственное, что он хочет — это содрать кожу с моего лица.

Не могли бы Вы дать мне совет?

С уважением,

Сбитая с толку.

После того, как я нажимаю «отправить», перечитываю письмо несколько раз. Удовлетворившись щекотливым тоном, я собираюсь закрыть ноутбук, но вдруг раздается звуковой сигнал, объявляющий о получении нового электронного письма. О чудо, у меня есть ответ на вопрос! Быстро.

У него тоже бессонница?

Кому: Bowie4Evah@yahoo.com

От: Theo@hillrise.com

Тема: Re: Новый домовладелец, нуждающийся в консультации

Дорогая Сбитая с толку,

Попробуйте с ним откровенно все обсудить, чтобы прояснить ситуацию. Например, Вы могли бы начать разговор на эту тему во время поздней вечерней поездки в его машине. Уверен, что это не было бы неловким.

Искренне Ваш,

Доктор Валентайн.

Ха! Злобный ублюдок! С огромной ухмылкой сразу сочиняю ответ.

Кому: Theo@hillrise.com

От: Bowie4Evah@yahoo.com

Тема: Печально...

Я так и поступила, однако Мистер Большой Ворчун не оценил моих попыток очистить воздух от густого тумана отвращения. Думаю, может стоит написать ему хокку, чтобы продемонстрировать свое интеллектуальное обаяние и завоевать его восхищение?

Хокку — это стихи,

Что часто не имеют смысла...

Бегемот.

Кому: Bowie4Evah@yahoo.com

От: Theo@hillrise.com

Тема: Re: Печально...

#1 — Мистер Большой Ворчун?! Я бы предпочел быть Капитаном Злюкой, спасибо. Но если у нас официальный разговор, в таком случае следует использовать мой титул Раздражительного Говнистого Короля.

#2 — Это, вероятно, лучшее хокку когда-либо написанное. Оно не только прекрасно демонстрирует данный вид искусства, но и включает в себя слово «бегемот», которое, на мой взгляд, значительно недопредставлено в поэзии. Молодец.

Кому: Theo@hillrise.com

От: Bowie4Evah@yahoo.com

Тема: Re: Re: Печально...

Ты очень проницателен. Я в шоке, Мистер Ворчун, что ты догадался, что мое оригинальное письмо было о тебе.

Было бы грубо на данном этапе заметить, что ты мне больше нравишься по электронной почте, чем лично? Хотя, стоит признать, из тебя еще вышел превосходный телефонный собеседник.

Кому: Bowie4Evah@yahoo.com

От: Theo@hillrise.com

Тема: Да, было бы очень грубо

Но твоё стихотворение и твоя преданность покойному великому Дэвиду Боуи принесли тебе несколько очков симпатии. (Да-да, я заметил твою футболку, твой адрес электронной почты и постер альбома «Heroes» на стене твоей спальни. Примечание: как думаешь, что он изображал руками? Сигнализировал космическому кораблю?)

Итак, если бы я только был уверен, что у тебя такой же хороший вкус в гитаристах, как и в вокалистах-песенниках...

Кому: Theo@hillrise.com

От: Bowie4Evah@yahoo.com

Тема: Не кипятись, Раздражительный Говнистый Король

Я принимаю твой вызов. Это слишком просто. Топ 5:

Би Би Кинг

Лес Пол

Эдди Ван Хален

Джимми Пейдж

Джими Хендрикс

Кому: Bowie4Evah@yahoo.com

От: Theo@hillrise.com

Тема: Вау

И ты ожидаешь, что мне может понравиться тот, кто ставит Джими Хендрикса в конец? Думаю, мы здесь закончили.

Кому: Theo@hillrise.com

От: Bowie4Evah@yahoo.com

Тема: Re: Вау

Я не говорила, что список упорядочен. Проверь свои предположения, Королевич.

И раз уж мы заговорили о предположениях, могу ли я предположить, что если я найму тебя для ремонта дома, то появиться эта версия Тео Валентайна? Потому что с этим парнем я могу справиться. Этот парень мне нравится.

Я жду молниеносного ответа, но он не приходит. Через пять минут я решаю, что Тео, должно быть, отошел в туалет или что-то такое. Через пятнадцать минут, я начинаю переживать, что не услышу его до утра, если вообще услышу. Может его отличное чувство юмора длится всего двадцать минут, начиная с трех утра?

Но затем приходит ответ, ошеломляющий меня своей честностью.

Кому: Bowie4Evah@yahoo.com

От: Theo@hillrise.com

Тема: Этот парень

Я хочу нравиться тебе, но не должен. Я неуравновешен. Даже не уверен, в здравом ли я уме. В машине ты говорила о том моменте в романтической комедии, когда все можно было бы решить, если бы люди с проблемами просто все прояснили. Но то, что я должен был бы сказать, если бы мы говорили о проблеме, не было бы романтическим или забавным.

Это было бы чертовски страшным.

Давай поясню: это не угроза. Я не представляю опасности ни для тебя, ни для кого-либо. Я просто... долбанутый. Такая хрень, от которой нет лекарства. Просто испорченный урод, который слышит голоса и видит призраков, который не может сказать, что реально, а что нет. Особенно ночью, когда все монстры, которых я могу держать взаперти днем, отказываются подчиняться.

Вот почему я не могу заснуть. Вот почему я перепробовал все доступные лекарства от антипсихотиков до травки. Вот почему я держусь подальше от людей, кроме тех случаев, когда это необходимо для работы, единственному, что удерживает меня в реальности.

Вот почему мы никогда не сможем быть друзьями, Меган. Мы никогда не сможем быть никем.

Я хочу поработать над «Баттеркупом», потому что он мне нравится. Моя любовь к нему не имеет смысла для тебя, как в принципе и для меня, но этот дом притягивает меня. Как остров посреди огромного черного океана. Как стрелка компаса, указывающая на север.

Если ты решишь меня нанять даже после этого нелепого признания, которое мне не стоило отправлять, но было нужно, я в лепешку расшибусь, но сделаю это здание идеальным. (Не буквально расшибусь, ты понимаешь, о чем я.) Но если решишь не нанимать меня, я пойму. Крейг — надежный парень. Он проделает хорошую работу.

Тео.

Я сижу в постели с открытым ртом, снова и снова перечитывая сообщение. Наконец, закрываю ноутбук и ложусь на спину с гудящей головой, прыгающими нервами, как будто выпила десять чашек кофе.

Мы никогда не сможем быть друзьями, Меган. Мы никогда не сможем быть никем.

Я таращусь в потолок, пока солнце не поднимается над горизонтом и не заливают комнату светом.

Затем набираю электронное письмо Крейгу из «Капстоуна», в котором сообщаю, что с нетерпением жду его контракта в понедельник и спрашиваю, как скоро ему понадобится первая оплата наличными.

* * *

До конца дня я не могу успокоиться. Не могу перестать думать о письме Тео. Я прочитала его около десяти раз, пытаюсь понять, что он имел в виду под «чертовски страшной» проблемой.

Логика подсказывает мне держаться от него подальше. Я слишком стара для таких драм. Но тайна Тео Валентайна — это то, что мое любопытство находит соблазнительным.

Сюзанне решаю не звонить. Я все еще злюсь на нее. А еще я знаю, что буду приставать к ней для получения более подробной информации о Тео, а это последнее, что стоит делать. У меня куча своих проблем. Еще одна мне ни к чему.

Жую заказанную в доставке еду, стоя на кухне над раковиной, затем принимаю ванну и ложусь спать.

Ночью надвигается шторм. Дождь стреляет по крыше, словно началась война. Вдали гремит гром, вспышки молнии освещают комнату внезапным ярким белым светом.

Я впадаю в беспокойный сон, мечтая о бесконечных полях фиолетового душистого горошка, колышущегося под летним солнцем.

Когда я встаю с постели в восемь утра, небо тусклое, темно-серое, что идеально соответствует моему настроению. Спускаюсь вниз в халате с тяжелой головой и воспаленными глазами от нескольких часов рыданий. Включаю кофеварку и стою там, зевая, ожидая, когда сварится кофе. Звонит телефон, и я рассеянно отвечаю:

— Алло?

— Ты не согласишься!

Я убираю трубку от уха, потому что возбужденный крик Сюзанны пронзил мою барабанную перепонку.

— Было бы неплохо предупредить, прежде чем так визжать, Сюзанна, — ворчу я, потянувшись за кружкой.

— Я только что видела в местных новостях, что штаб-квартира «Капстоун Конструкшн» была разрушена прошлой ночью!

Я замираю.

— Разрушена? О чем ты вообще?

— В него ударила чертова молния! Можешь в это поверить?

Мой мозг с трудом воспринимает ее слова. Я шурюсь на кофеварку, не совсем уверенная, что не сплю в своей постели наверху.

— Молния, — повторяю медленно.

— Да, молния! Ты слышала шторм, да? — она не ждет, когда я отвечу, прежде чем двинуться дальше. — По-видимому, удар попал в здание и начался пожар, который уничтожил почти все, прежде чем пожарная служба прибыла и потушила его. Включи новости и посмотри фотографии! Здание похоже на огромную дымящуюся кучу обломков!

К этому моменту я окончательно просыпаюсь, ибо адреналин действует гораздо быстрее кофеина.

— Кошмар! Кто-нибудь пострадал?

— Нет, согласно новостям. Но зданию хана. Надеюсь, Крейг не поспешил на страховку, — она болтает с ликованием. Очевидно, она не простила Крейга за случай в

ресторане. — Вселенная направляет тебя, чтобы ты наняла кого надо, для реставрации, да? Как будто это предначертано судьбой! Какое совпадение!

Странное ощущение нависает надо мной, темное дежавю. Я вспоминаю то, о чем подумала, когда Тео показал мне визуализацию «Баттеркуп Инн», и меня ошеломляют эмоции.

Это не судьба. Это случайность. Просто жизнь делает то, что умеет лучше всего.

Армия мурашек марширует по моим рукам. Отвлекаясь, я бормочу:

— Судьба и случайность — это две разные вещи, — затем сосредотачиваюсь и пытаюсь мыслить рационально. — Уверена, огонь не сильно повлиял на способность Крейга делать ремонт. Возможно, понадобится немного времени. Он, вероятно, хранит всю документацию на резервных дисках и может работать с ней дистанционно, а фактическая работа делается субподрядчиками...

— «Капстоун» старается не пользоваться наемными строителями. Крейг практически всем занимается сам с десятками специалистов. У него собственное оборудование. Было.

Это заявление выбивает воздух из моих легких.

— О. Ну, ему просто нужно найти место для новой штаб-квартиры. Сколько времени это может занять? Несколько недель?

— Ты что, издеваешься? Рынок коммерческой недвижимости в Портленде больше, чем задница Папы Римского. Я только на прошлой неделе еле отыскала там место для клиента. А что-то таких размеров, как было у Крейга, практически отсутствует.

Я начинаю раздражаться, потому что Сюзанна получает слишком много удовольствия от кончины бизнеса бедного Крейга.

— Тогда он может купить или арендовать что-то поменьше, пока не найдет большое. Он кажется способным парнем. Уверена, что он приземлится на ноги.

— Ты видела размер его ноги? — говорит она хриплым тоном. — Они были похожи на лыжи...

— Ты пила перед тем, как заехать за мной в субботу вечером?

После моего вопроса следует короткое молчание.

— Привет, неловкая смена темы.

— Привет, неловкое избиение моего агента по недвижимости, если ответ «да».

Больше тишины.

— Всего один бокал.

— Чушь. К концу ужина ты была в хлам, так что перед уходом из дома явно выпила больше. Поправь меня, если я ошибаюсь.

Ответ Сюзанны — это долгий, болезненный выдох, но без намека на раскаяние.

— Я живу в паре километров от ресторана. Меган, все было под контролем. Ты бы заметила, если бы вела маш...

— Мой муж погиб из-за полицейского, который выпил всего один бокал, прежде чем сесть за руль своей патрульной машины, Сюзанна, — жестко перебиваю ее. — Не смей говорить мне о контроле.

Теперь ее молчание звучит шокировано, и я чертовски этому рада. Я позволяю ему растянуться далеко за пределы неудобства. Настала ее очередь что-то сказать, и лучше что-то, включающее извинение, или я никогда не буду с ней общаться.

Она начинает свою речь прерывисто и дрожащим голосом.

— Мне... мне очень жаль, Меган. Я не... я понятия не имела, — она переводит

дыхание. — Я действительно не знаю, что еще сказать, кроме как извиниться. Правда. Это больше не повторится.

Я все еще злюсь, но, по крайней мере, она кажется искренней. Растираю рукой лицо. Что, блин, за способ начать день...

Тогда Сюзанна произносит то, что останавливает мое сердце в груди.

— То же самое случилось с Тео.

Все волосы на затылке встают на дыбы.

— Что?

— Не думаю, что рассказывала об этом в субботу. Тео был на пути домой из дома своей девушки, когда в его машину врезался пьяный водитель, который проехал на красный свет. Протаранил на перекрестке. От машины Тео живого места не осталось. Знакомая медсестра сказала, что когда его доставили в больницу, у него не было пульса, — она выдает маленький, неудобный смешок. — Очевидно, они перезапустили сердце.

Стук. Стук. Стук. Мое сердце возвращается к жизни с резким, болезненным ударом, который отражается в каждом нерве моего тела. В голове всплывают воспоминания, ужасные, черные воспоминания. У меня так кружится голова, что приходится схватиться за кухонный островок для поддержки.

— Ты еще здесь? — Сюзанна спрашивает, когда я слишком долго молчу.

Протаранил на перекрестке. Машина разбита. Не было сердцебиения.

Каковы шансы на подобное сходство?

— Здесь, — хриплю я. Но на самом деле это не так. Я проделала путешествие назад в прошлое, обратно на перекресток посреди ночи в Фениксе, где я стояла на коленях на асфальте, рыдая и зовя на помощь, пока держала своего умирающего мужа на руках, слушая его последние слова.

Я люблю тебя, душистый горошек. И буду любить до конца времен.

Поверхностно дышу, ладони потные, руки дрожат, комната темнеет, я едва могу перевести дыхание.

Эти знаки мне знакомы. У меня начинается приступ паники.

Я роняю телефон и бегу через дом, пока не добираюсь до французских дверей, ведущих на задний двор. Прорываюсь сквозь них, глотая воздух. Мои глаза разрываются, холодный утренний воздух ударяет по горящему лицу. Я бегу через двор к пляжу, спотыкаясь, и направляюсь прямо к воде.

Она ледяная, но мне нужен шок реальности. Я стою по колени в океане, яростно дрожу. Мои руки обвиваются вокруг тела, пока волны раскачивают меня, а нежный утренний прибой успокаивающе журчит, охлаждая мой кипящий разум.

Я закрываю глаза и глубоко дышу, всасывая воздух в свои вздымающиеся легкие.

Воздух пах кровью на асфальте и медовым ароматом душистого горошка.

ГЛАВА 9

Когда я наконец собираюсь с силами и возвращаюсь домой, проходит около получаса. Поднимаю мобильный и вижу четыре пропущенных звонка, все от Сюзанны.

Пишу ей, что не могу разговаривать, и что свяжемся позже. Переодевшись в сухую одежду, включаю телевизор в спальне и смотрю местные новости с чувством легкого неверия.

По данным новостей, удар молнии по «Капстоуну» был внушительным. В результате огонь охватил здание всего за несколько минут. Это зафиксировано с помощью камеры наблюдения в здании через дорогу. Полученные кадры безумны, как в некоем блокбастере.

Диктор несколько раз упоминает необычность этого события. Молния должна была попасть в телекоммуникационный шпиль на высоте кварталом выше, которая в двадцать раз превосходит здание «Капстоуна».

Больше ничего занимательного, только краткая сводка климатических условий, которые вызвали молнию, ну и реклама. Я хочу позвонить Крейгу, но уверена, что у него есть дела поважнее, чем бестолковая болтовня с утра пораньше. Дам ему несколько дней, чтобы он пришел в себя. А уж потом попытаюсь выяснить, как произошедшее повлияет на наш проект. Одновременно с принятием этого решения я отправляю ему электронное письмо. Сообщаю, что я в курсе новостей и приношу свои сожаления о случившемся. Пару слов набираю о том, как хорошо, что никто не пострадал и чтобы он не торопился ко мне с контрактом.

Через пять минут звонит мой телефон.

— Алло?

— Меган, это Крейг Кеннеди.

Ясно одно — он напряжен.

— О, Крейг, произошедшее просто ужасно! Я только что отправила тебе письмо.

— Я знаю. Видел на телефоне. Спасибо за сочувствие.

— Понимаю, что это глупый вопрос, но с тобой все в порядке?

— Хорошо настолько, насколько это возможно. Я сейчас в здании. Ощущение, что здесь произошёл атомный взрыв. Нам повезло, что это не случилось в рабочее время, иначе не обошлось бы без жертв.

Ужасный образ обгоревших тел всплывает в голове. Я заставляю его исчезнуть вместе с короткой волной тошноты.

— Точно. Оборудование всегда можно заменить.

Неловкое молчание, затем грубая прочистка горла.

— Да уж. Если бы моя страховка не истекла месяц назад.

— Истекла? — повторяю высоким тоном.

Его голос проходит через линию в расстроенном рычании.

— Мой гребаный некомпетентный бухгалтер только что сообщил мне, что я не подписывал чек на продление страховки. Все было подготовлено, но по какой-то причине ничего так и не попало ко мне на стол за подписью, и это вылетело у нее из головы. До сих пор, потому что гребанный пожар напоминал ей об этом! — он стонет. — Прости. Мне не стоит выражаться, но я чертовски зол.

— Конечно. Это естественно, — шепчу я, сосредоточившись на большой, извилистой трещине на стене моей спальни, которая растет со дня моего переезда. Она имеет сверхъестественное сходство с молнией.

— Это не самое худшее, — мрачно заявляет Крейг.

— Да ты шутишь!

— Хотелось бы, — он тяжело вздыхает. — Сегодня утром я узнал, что действие лицензии моего генподрядчика приостанавливается.

Моя челюсть ударяется об пол.

Когда я ничего не произношу, Крейг продолжает.

— Несколько лет назад была проблема по трудоустройству с недовольным офисным

работником. Полная чушь, но она подала жалобу в Государственную лицензионную комиссию. Короче говоря, мы были под следствием, а несколько минут назад выяснилось, что расследование не сработало, как ожидалось. Мои адвокаты подадут апелляцию...

— Апелляция! Да, это просто замечательно! — знаю, что цепляюсь за эту возможность, как утопающий за спасательный круг. Мне не хочется думать, что молния, истекший страховой полис и приостановленная лицензия — это что-то, уготованное судьбой.

Я не хочу верить в судьбу. *Нет. Не верю. И не собираюсь.* Я потратила слишком много денег на терапию, чтобы вдруг начать верить в провидение сейчас. Вся эта ситуация как раз одно из тех случайных инцидентов, несчастий, происшествий в жизни. Стечение обстоятельств.

Это не Вселенная пытается заставить меня нанять Тео Валентайна для реставрации дома.

Крейг тяжело вздыхает.

— Да, но я не могу работать с приостановленной лицензией. Да и процесс апелляции может занять месяцы. Так что, к сожалению, твой проект взять не смогу, Меган.

Я закрываю глаза и зажимаю переносицу между пальцами.

— Мне очень жаль это слышать, Крейг. Я с нетерпением ждала возможности поработать с тобой.

Его голос становится хриплым.

— Ну, приятно слышать. Теперь, когда мы не связаны работой, мне интересно, позволишь ли ты пригласить тебя на свидание?

Потрясенная, я снова таращусь на молниевидную трещину на стене, пока в глазах не расплывается.

— Алло?

— Да, я здесь, просто... удивлена.

— Я знаю, что выбрал немного странное время. Но после разговора с моим адвокатом мне пришло в голову, что жизнь коротка. Все может измениться в любую минуту, так, как ты не можешь предсказать.

— И не говори, — бормочу я, чувствуя, будто наблюдаю за собой сверху.

— Так вот я и подумал, черт, почему бы просто не сделать это? Я считаю тебя привлекательной женщиной. И еще смелой. Не так много мужчин ведут переговоры так жестко, как ты. Мне это понравилось.

Ему нравится, как я веду переговоры? Что, черт возьми, сейчас происходит? Мне нужно успокоиться, прежде чем ответить.

— Это... Очень лестно, Крейг. Но мне нужно быть честной. Понимаешь, мне показалось, что вы со Сюзанной поладили за ужином. Почему бы тебе не пригласить ее на свидание?

В паузе, в которой он явно занимается подбором слов, до меня доносится уличный шум на заднем плане.

— Она не в моем вкусе.

— Умные, сексуальные карьеристки не в твоем вкусе? В это трудно поверить.

— Слушай, мне не хочется говорить ничего плохого о твоей подруге, ладно? На мой взгляд, она слишком очевидная.

Вспышка раздражения делает мой тон злобным.

— Очевидная? Это мужской шифр, обозначающий отчаянную, распутную, дешевую или

все вышеперечисленное, верно?

Он снова делает паузу, на этот раз довольно-таки долгую.

— Мне жаль, если это прозвучало оскорбительно. Возможно, я просто неудачно выразился. Она не нравится мне так сильно, как ты.

— Не вешай мне лапшу. Вы двое были поглощены друг другом за ужином.

— Нет, она была поглощена мной. Я пытался привлечь твое внимание, но ты казалась рассеянной.

Я была отвлечена витающими в воздухе гормонами. Но судя по тому, что он мне сказал, его флюиды были направлены в мою сторону. Боже, мои инстинкты отключились? Может быть пятилетнее воздержание высушило мою интуицию вместе с бедной маткой?

Встаю с кровати, подхожу к окнам и люблюсь беспокойным морем. Оно такое же свинцово-серое, как небо, и мое сердце.

— Я не была на свидании с подросткового возраста, — размышляю вслух. — Понятия не имею, что делать.

— Будем считать, что это «да», — говорит он теплым голосом.

— Ну не-е-ет.

— Отказом это сложно назвать.

Мне приходится улыбнуться его дерзости.

— Ненавижу быть занудой, Крейг. Я почти уверена, что пару минут назад, ты дал понять, что теперь безработный. Твой бюджет вряд ли позволяет свидания прямо сейчас.

— О, ты думаешь, ты нужна мне из-за денег, не так ли? — хихикает он. — Буду откровенен, это последнее, о чем я думаю, когда смотрю на тебя.

Теперь он точно флиртует. Я всегда отвратительно заигрывала и относилась с подозрением к людям, которые умеют это делать. Но восхищаюсь его стойкостью перед лицом катастрофы. Если бы я была на его месте, то рыдала бы в подушку, а не звонила какому-то чуваку, чтобы пригласить на свидание.

— Вот что я тебе скажу. Я подумаю, идет?

— Договорились, — говорит он мгновенно. — Как долго продлится твой мыслительный процесс? Просто чтобы я знал, когда бронировать столик в том потрясающем ресторане, куда я хочу тебя сводить.

Я качаю головой, улыбаясь. Этот парень невероятен.

— Позвони мне в среду. И будь готов разочароваться. Мой ответ, скорее всего, будет отрицательным.

Смех Крейга переполнен уверенности в себе.

— Нет, ты согласишься. До среды.

Он вешает трубку, прежде чем я успеваю ему возразить.

Кладу телефон и смотрю в окно, наблюдая, как четыре огромных пеликана падают с неба и скользят по поверхности волн, вытянув крылья и охотясь за едой. Прослеживаю их путь, когда они взлетают на север к кривой на береговой линии, пока мое внимание не привлекает кое-что еще.

Кто-то неподвижно стоит в одиночестве на пустынном пляже. Даже с такого расстояния, я вижу, что человек крупный, с широкими плечами и длинными ногами. На нем черная ветровка с капюшоном, натянутым на голову, и он смотрит на юг, как будто что-то ищет.

Он слишком далеко, чтобы я могла разглядеть его лицо. У меня странное ощущение, что

этот человек смотрит прямо на меня.

Мужчина стоит там долго, неподвижно, засунув руки глубоко в карманы, пока не поворачивается и не уходит в холодный утренний ветер, опустив голову.

* * *

Хотя погода не радует, мне слишком тревожно, чтобы оставаться в помещении, поэтому я решаю немного позаниматься. Я надеваю обувь для бега и направляюсь к старой набережной. Ее длина около полутора километров, а заканчивается она кольцом. Не каждая набережная может похвастаться огромной статуей Льюиса и Кларка⁴ посередине. Площадь так построена, чтобы перенаправлять туристов для возвращения вниз на шоссе, но также означает, что Льюис и Кларк вернулись домой после того, как добрались до Тихого океана.

Удивительно, но у многих людей возникла та же идея, что и у меня. Как только я приближаюсь к центру города, то встречаю большое количество пешеходов, бегунов, пар с колясками и собаками различных размеров, счастливо наслаждающихся ветреным днем. На пляже дети выкапывают оставленных отливом моллюсков во влажном песке. Кто-то запускает воздушного змея. Вид на Тилламук-Хед, скалистый лесистый мыс, выступающий в Тихий океан, великолепен.

На восточной стороне набережной построены жилые дома с магазинами, ресторанами и океанариумом, где я люблю скелет серого кита, отображенным на витрине. Перекусываю хот-догом у уличного торговца, а потом, все еще чувствуя голод, направляюсь в ресторан «У Бугера» за чем-нибудь более существенным.

Все это время я думаю о Тео Валентайне. Он засел в глубину моего сознания, бурля волнением прямо над поверхностью.

«Мы никогда не сможем быть друзьями, Меган. Мы никогда не сможем быть никем».

Вторая часть этого заявления беспокоит меня больше всего, хотя не могу точно сказать, почему. Если мы собираемся вместе сотрудничать, нам не обязательно быть друзьями, но мы должны кем-то быть. Естественно, не просто знакомыми. Как минимум, партнерами. В смысле бизнес-партнерами.

Но не думаю, что он говорил о работе. Скорее, о чем-то личном. Это почти как если бы он отказался от предложения в интимной близости, которого не было.

Или предостерегал меня не делать этого.

Что смешно, учитывая, что он привлекает меня как бешеная горилла. И не важно, что он безумно похож на Киану Ривза: экзотические темные глаза, заостренная челюсть, покрытая щетиной, недоуменное выражение, как будто он потерял дорогу домой.

Когда не тарашится, как выпущенный на свободу убийца.

Он полная противоположность моему золотому, беспечному Кассу, человеку, который смеялся легко и часто. Интересно, что Касс сказал бы о Тео. У него была отличная интуиция. Я шутила, что он может читать ауры людей, а он отвечал, что истинное сердце человека всегда в его глазах. Нужно просто присмотреться, чтобы увидеть.

Встряхнув себя от темной спирали, в которую мои мысли собираются погрузиться, я открываю тяжелую деревянную дверь ресторана «У Бугера» и шагаю внутрь. В спешке и задумчивости я не поднимаю глаз и сильно ударяюсь о спину кого-то, кто стоит у стойки администратора, ожидая столика.

— О! Простите, мне так жаль! Я не смотрела, куда...

Человек поворачивается, чтобы взглянуть на меня. Черные волосы. Черные глаза. Острая челюсть, покрытая щетиной.

Тео Валентайн.

— Прошу за мной, — говорит администратор Тео, приглашая следовать за ней. Но он не обращает на нее внимания, а смотрит на меня сосредоточенным взглядом своими темными, не мигающими глазами.

Вспышка тоски всплывает в них, но тут же исчезает.

Мы тарачимся друг на друга. Я испытываю ощущение невесомости, как будто взобралась на самую высокую точку американских горок, то самое мгновение отсутствия гравитации, прежде чем упасть за край.

— Сэр?

Когда Тео снова обращает свое внимание на администратора, происходит щелчок разъединения, как будто небольшое пламя в моей груди погасло.

Он поднимает два пальца.

— О, конечно, — девушка улыбается мне, вытаскивая меню из деревянной подставки сбоку, затем поворачивается и уходит.

Тео следует за ней, не оглядываясь. Секунду я стою в неуверенности, примороженная к месту. Выдыхаю и решаю посмотреть, куда этот интересный маленький маршрут меня приведет.

Я шагаю за Тео, пробираясь к дальнему столику. На этот раз все любопытные взгляды мои. Интересно, видели ли Раздражительного Говнистого Короля на людях с женщиной после его несчастного случая. Судя по пятикопеечным глазам, плящимся на меня, сейчас происходит знаменательное событие.

Или это, или голубь увенчал мою голову огромным белым дерьмом.

Администратор останавливается возле столика в самом дальнем углу ресторана.

— Вот, присаживайтесь! — она говорит бодро, тоном, от которого я решаю, что это место Тео посещает не в первый раз. Он вытаскивает стул и смотрит на меня.

Я сажусь на стул, который он держит, и нервно улыбаюсь девушке. Вместо того чтобы сесть напротив меня, как я и ожидала, Тео плюхается рядом. Теперь я прижата к стене, не имея возможности выбраться, пока он меня не выпустит.

Стараюсь не волноваться, ведь мы всегда с Кассом так сидели в ресторанах. Рядом друг с другом за столом у стены, я по правую руку от него, чтобы иметь возможность наблюдать за другими людьми и размышлять об их разговорах и их жизни.

Администратор дает мне меню.

— Через несколько минут к Вам подойдут, чтобы принять заказ, — потом уходит, бросая меня на произвол судьбы.

Будучи воспитанным экстравертом, коим он является, Тео игнорирует меня. Просто достает свой мобильный телефон из внутреннего кармана кожаного пальто и начинает что-то строчить.

— Привет.

Он поднимает на меня глаза, прядь волос падает ему на лоб.

Я многозначительно указываю на его телефон.

— Это невежливо.

Он нажимает «отправить», кладет мобильник на стол, складывает на него руки и смотрит на меня. Затем мой сотовый звонит, оповещая о поступившей смс.

Я выуживаю свой телефон из заднего кармана джинсов и смотрю на экран, прекрасно понимая от кого оно.

«Перестань меня преследовать».

Дарю ему раздраженный взгляд. И замечаю, что он делает что-то своим ртом, который выглядит так, будто он может растянуться в улыбке, если бы Тео только знал, как это сделать.

— Я видела, как ты улыбался раньше, Тео. Валяй. Это не убьет тебя.

Он закрывает рот рукой, чтобы скрыть наличие широкой улыбки на лице, которая даже демонстрирует зубы. Я ощущаю победу, словно только что забила победный тачдаун в Суперкубке.

И набираю ему ответ.

«Прости, Раздражительный Говнистый Король, но это ТЫ преследуешь меня».

Его телефон пикает. Тео читает мое сообщение. Затем составляет свой ответ. Его большие пальцы мелькают так быстро по экрану, что кажется, будто расплываются.

«Не похоже на оправдание. Почему у тебя такой красный нос? Нюхала кокаин?»

— Хорошо, Солнышко, ты за это заплатишь, — бормочу я, затем печатаю.

«Мило. Это называется гулять-на-свежем-воздухе. Однако если бы я знала, что столкнусь с тобой, то определенно прибегла к наркотикам, чтобы пережить такое потрясение».

Он фыркает.

«Ой, да брось! Находится в моем присутствии — это как поглощать золотые солнечные лучи. Только посмотри, сколько ревнивцев собралась вокруг тебя».

Я рискую просканировать обстановку, и, конечно же, практически все люди в ресторане лупятся на нас. Некоторые более очевидно, чем другие, но общий уровень интереса можно сравнить с аудиторией, ожидающей начала представления в цирке.

Поэтому, конечно, я широко улыбаюсь и машу им.

Глазные яблоки врассыпную разбегаются, как шарики. Рядом со мной Тео издает некий шум из горла, который звучит как что-то близкое к смеху.

Я хочу, чтобы он снова издал этот звук.

— Полагаю, добропорядочные жители Сисайда шокированы, увидев тебя днем без гроба, Дракула. Ой, подожди, кажется, один парень не смотрит на нас! Должно быть, турист.

Я поворачиваюсь, чтобы обнаружить смотрящего на меня Тео, глаза которого сияют смехом. Мы так близко, что я замечаю, что они не черные, как выглядят с даже небольшого расстояния, они глубокого, насыщенного темно-коричневого оттенка, как эспрессо, такие же теплые и манящие. Но наполнены этой непонятной тоской, словно в них таится тайное послание, которое ждет декодирования. В ожидании, когда кто-то приблизится достаточно близко, чтобы это разглядеть.

Мое сердце замирает. Я не смотрела так глубоко в глаза мужчине с тех пор, как умер мой муж.

Я отвожу взгляд и поигрываю вилкой, скользя ей между пальцами, потому что они дрожат. *Дыши, Меган. Просто дыши.*

Через мгновение сигналил телефон.

«Ты в порядке?»

Я смотрю на свои ногти, остро нуждающиеся в маникюре.

— Перестань быть таким наблюдательным. Это раздражает.

«Раздражает — мое второе имя. Расскажи, что случилось».

Я неловко смеюсь.

— Я только что вспомнила, что здесь ужасная еда. В прошлый раз, я заказывала тут кальмары, которые до сих пор не до конца переварила.

Он собирается что-то напечатать на своем телефоне, но у нашего столика снова появляется официантка. Она держит в руках блокнот и ручку, полностью готовая принять наш заказ.

— Уже выбрали? — спрашивает, глядя на меня.

Я еще даже не просмотрела меню, поэтому решаю заказать свой стандартный набор.

— Можно мне денверский омлет и бекон отдельно?

Она моргает, смотрит на Тео, потом на меня. Ее улыбка мне непонятна.

— Конечно. На десерт лимонный пирог?

Мои брови взлетают.

— Это блюдо от шефа или типо того?

Девушка снова нервно моргает, потом смеется.

Понятия не имею, что происходит. Но бедная цыпочка, похоже, полностью напугана Тео, который вжался в стул и странно на нее поглядывает, поэтому я прилагаю усилия, чтобы перевести разговор и позволить ей сбежать.

— Да, я буду лимонный пирог. Спасибо.

Она кивает, отмечает это в блокноте, затем оборачивается и удирает в сторону кухни, прежде чем у меня появляется возможность крикнуть ей, что она забыла принять заказ Тео. Если подумать, то она даже не дала ему меню.

Ошеломленная, я смотрю, как она уходит.

— Ну, это было странно.

Тео медленно поворачивает голову и смотрит на меня. Все тепло исчезло из его глаз, сам мужчина ссутулен, его ноздри раздуваются, а губы сжаты. Челюсть настолько твердая, что может порезать стекло. Он выглядит так, будто вот-вот вскочит и начнет кричать.

Я опускаю брови и возвращаю ему взгляд.

— Солнышко, помнишь нашу маленькую беседу о монстре с переменчивым настроением? Так вот, он снова появляется.

Он смотрит на меня, прерывисто дыша.

— Официантка вернется, — успокаиваю его. — И мы тебе закажем. Не устраивай истерику, это незначительный косяк. Блин, ты ворчливей, чем обычно, когда голоден.

Он сглатывает, затем подпирает локти на столе и опускает голову в руки.

Люди снова начинают пялиться. Я решаю сменить тему разговора.

— Слышал новости о «Капстоун»?

Вздых Тео — это гигантский порыв воздуха, который посылает бумажную салфетку в полет.

— Буду считать, что это «нет». Позволь тогда мне ввести тебя в курс дела, — я беру свою салфетку и расстилаю ее на коленях, на случай, если снова начнутся драматические вздохи. — Итак, прошлой ночью была буря, верно? Все эти громы, молнии, грозы... По-видимому, одна такая молния ударила в штаб-квартиру «Капстоун Констракшн» в Портленде, что вызвало пожар, который сжег все здание до основания. Никто не пострадал, но место поджарилось словно тост. Видео из новостей показалось мне довольно странным. Камера наблюдения из другого здания все засняла. Было похоже, будто Зевс швырнул молнию с неба — бам!

Я хлопаю рукой по столу. Тео не двигается. А люди теперь действительно тарашатся.

Надо было переехать в Нью-Йорк. Там можно вести себя как полный псих и никто даже глазом не моргнет.

— Прекрати, Солнышко, из-за тебя у меня будет плохая репутация в городе, а я только переехала. С твоим поведением люди пустят слух, будто я заставила тебя плакать за завтраком.

Он чуть поворачивает голову, выглядывая на меня из-под пальцев.

Я посылаю ему улыбку.

— Обычно, я довожу мужчин до слез после обеда.

Излучая раздражение, он откидывается на своем стуле, сгорбившись, как угрюмый подросток. Он хватается телефон и начинает тыкать большими пальцами по клавиатуре.

«Это была плохая идея. Не представляю, чем я только думал. Мы не должны этого делать».

Я медленно кладу телефон обратно на стол после прочтения его смс. Я дико зла, что могу плюнуть в него и как следует оскорбить, хотя такая смена его настроения не должен была стать для меня сюрпризом. Он может быть очаровательным, когда захочет, но его режим по умолчанию — ненависть к Меган.

— Круто. Я здесь, ты здесь, у меня скоро будет еда, и я голодна. Можешь вернуться к своей злобе после того, как я поем.

Он выдыхает. Даже это звучит раздражающе. Он начинает что-то печатать в телефоне, но я отключаю свой, прежде чем он успеет набрать хотя бы слово.

— Не заморачивайся, Тео. Если хочешь уйти — вперед, но моя задница припаркована на этом стуле на ближайшее будущее.

Он смотрит на меня. Я отказываюсь встречаться с ним взглядом, так что ему приходится пялиться на мой профиль. Через мгновение, почти незаметно, он наклоняется ко мне. Могу поклясться, что слышу его тихий выдох.

Он нюхает меня?

Официантка прибывает с двумя тарелками. Ставит одну передо мной, другую перед Тео. На обеих денверский омлет и бекон в сторонке.

— Подождите, это ошибка, — говорю я ей, указывая на еду. — Мы заказали только один омлет. Вы на самом деле забыли принять его заказ.

Официантка в панике. Заламывая руки, она смотрит на Тео.

— Вам не нужен Ваш обычный заказ, сэр? Простите, я просто предположила... Вы ведь всегда его берете. Как и лимонный пирог. Каждый раз, по крайней мере, столько, сколько я здесь работаю. Но я, конечно, могу забрать его обратно и принести Вам меню...

Она продолжает нервную болтовню, но я больше не слушаю. Я просто смотрю на Тео. Смотрю на его лицо. В его глаза.

Его прекрасные, призрачные, таинственные глаза, которые лучатся всей этой ужасной болью и тоской.

ГЛАВА 10

Тео хватается вилку, разламывает ею омлет и забрасывает огромный кусок в рот. Он жует ровно два раза, потом заглатывает все одним глотком, а затем снова впивается со стуком о тарелку столовым прибором в омлет так сильно, будто это живот его злейшего врага. И справляется с долей одним укусом.

Официантка, решив, что Тео, похоже, доволен своей едой, посылает мне облегченную улыбку, а затем убирается так быстро, как только может.

— Я знаю прием Хеймлиха⁵, если все эти злобные жевательные движения случайно заставят кусок бекона встать у тебя поперек горла.

Тео отрывается от еды, чтобы попялиться на меня. Но он уже должен понять, что я не пасую, когда он делает свое фирменное лицо серийного убийцы.

— Интересно вот что, — спокойно продолжаю я. — Мне кажется, что я обнаружила причину твоей таинственной проблемы со мной.

Он затихает, от чего создается впечатление, что он не дышит.

Я указываю на его тарелку.

— Денверский омлет с беконом и лимонным пирогом. Это то, что я заказала в первый вечер, когда приехала в город, ты тогда сидел в кабинке позади меня в закуской. Помнишь?

Его лицо заметно бледнеет.

Жизни не хватит, чтобы понять, что не так с этим человеком.

— Ты злился, потому что я скопировала твой заказ, верно?

Тео вздрагивает и моргает. Нельзя с уверенностью сказать, застала ли я его врасплох, потому что права или потому что мое заявление далеко от истины, а может он тупо пытается понять, о чем, черт возьми, я говорю. Так что, конечно, у меня начинается поток моей речевой диареи, которая никогда в истории ничего не решала, но ведь у нас всех есть присущие только нам черты характера.

— Ну, я хочу сказать, что если ты всегда заказываешь здесь эту еду, то, вероятно, заказываешь такие же блюда везде, когда хочешь перекусить. Это имеет смысл. Я поступаю точно так же. Черт, да я обожаю денверский омлет и пирог с лимоном! Как ни странно, это моя любимая еда! Итак, ты подслушал, как я заказала то же, что и ты, и решил... ну, не знаю, может быть, ты подумал, что я издеваюсь над тобой?

Выражение его лица — полное смятение.

— Ты прав, это похоже на бред. Перед тобой не было тарелки, когда я приехала, так что я не могла знать, что ты там ешь. Хм. Так что, может быть, тебя просто взбесило, что кто-то еще в мире любит те же два блюда, что и ты? Ну, то есть, учитывая твое отвращение в целом к человеческой расе. Или, может быть, странные совпадения делают тебя таким сумасшедшим, как и меня, потому что знаешь, ну нет такой вещи, как причинные связи между чем-либо, но глупая часть нас отказывается в это верить?

У меня заканчивается дыхание и теории.

Тео долго таращится на меня, разглядывая мое лицо, его тело все еще как у статуи. Затем он осторожно кладет вилку, берет телефон и начинает печатать. Он даже не утруждается отправить его, просто держит сотовый, чтобы я могла прочитать текст.

«Тебе не светит стать детективом».

Я посылаю ему свою сладчайшую улыбку, способную вызвать кариес.

— А тебе, Солнышко, не светит стать клоуном. Итак, вот мы два человека, которые херово общаются, лопают одинаковые омлеты в понедельник утром и заставляют дерьмо другого выплескиваться, хотя только один из них знает причину. Разве жизнь не прекрасна?

Я поднимаю вилку и продолжаю копать в своем завтраке.

Через мгновение Тео строчит сообщение в телефоне и протягивает его мне для прочтения.

«Для того, кто не материться, ты определенно много ругаешься».

Я смотрю на него. Он приподнимает плечо, типа «просто наблюдение». Потом я начинаю смеяться, потому что-либо это, либо начать рыдать.

— Ты меня просто убиваешь, ты в курсе? Проблемы гиперболической геометрии менее непонятны, чем ты.

«Гиперболическая геометрия? Это твой способ сообщить, какой у тебя большой мозг?»

Закатывая глаза, я отодвигаю его телефон от своего лица.

— Солнышко, мой мозг размером с твое плохое отношение.

Тогда происходит чудо — мы улыбаемся друг другу.

— Вам нравятся Ваши блюда?

Официантка появляется у нашего стола. Из кухонной двери на другой стороне ресторана три кухонных сотрудника в белом тарачатся на нас, держа руки за спинами.

Когда я приподнимаю бровь, они в мгновение ока исчезают на кухне.

Тео делает знак «ОК» официантке. От кого-то другого этот жест выглядел бы дружелюбным, но ему удается сделать его враждебным. В ужасе, официантка испаряется без звука.

Глядя, как она уходит, я вздыхаю.

— Боже. Да ты можешь и монахиню заставить захотеть совершить убийство. Ты когда-нибудь задумывался, ну не знаю, чтобы быть дружелюбным время от времени? Или это идет в разрез с кодексом Мистера Высокий-Темный-и-Угрюмый?

Он поворачивается и смотрит на меня сияющими глазами и изогнутыми уголками губ. Хлопая длинными ресницами, он делает невинное лицо и указывает на свою грудь.

— Да, ты, — я возвращаюсь к своему омлету, покачав головой и удивляясь тому, что снова улыбаюсь. Я начинаю наслаждаться его резкими перепадами настроения? Вот это поворот!

Мы едим. Интересно, чувствует ли он меня, также как я его? Каждое его небольшое движение фиксируется у меня голове, как шкала Рихтера, отслеживающая магнитуду землетрясения. Я никогда не встречала кого-то столь противоречивого. По моему опыту, мужчины, как правило, намного проще женщин, но этот конкретный представитель сильной половины человечества сложнее, чем кубик Рубика.

Или, может, он просто чокнутый.

— Я хочу поговорить с тобой кое о чем. О том, что ты прислал мне по электронке, — небрежно говорю своей тарелке.

Тео принимает это как сигнал, чтобы снова нацепить застывшую мину на лицо, но так как я ожидала такой реакции, то не позволяю ей сбить меня с толку.

— Ты написал, что не стабилен. Что, честно говоря, очевидно. Я не собираюсь лезть в твою личную жизнь, но с одной стороны, ты говоришь мне нанять тебя, а с другой, ты заявляешь, что слышишь голоса, видишь призраков и что у тебя есть история с наркотиками, законными и не очень. Видишь ли ты в этом проблему с точки зрения потенциального клиента?

Ответа я не ждала, поэтому, когда его не получаю, то продолжаю говорить.

— Мне очень нравится Куп. Я слышала много хорошего о твоей кампании, твоём трудолюбии и таланте. Книга с компьютерными изображениями, которую ты приносил, невероятна. Конкуренты и рядом не стояли. Но ты, мистер Валентайн, вызываешь тревогу.

Честно говоря, я не знаю, что с тобой делать. Не думаю, что могу тебе доверять. А при совместной работе наличие доверия даже не обсуждается. Ты сказал, что мы никогда не сможем быть друзьями, и я могу принять это... Но не буду принимать неопределенность в твоей способности делать свою работу. Я должна быть уверенной, что ты будешь на месте, будешь профессионалом и будешь абсолютно адекватным, независимо от твоих личных проблем.

Я поднимаю голову и изучаю его. Он смотрит на меня с болезненным выражением на бледном лице.

— Этот дом для меня больше, чем просто здание, — объясняю ему низким, но уверенным голосом. — Мой спасательный круг. Обещание. И, наверное, единственное, что я когда-либо полюблю снова. Ты понимаешь?

Он вглядывается мне в глаза далеко за грань вежливости. Потом присылает сообщение.

«Да. Больше, чем ты можешь себе представить».

Изо рта вырывается вздох, потому что «Здравствуйте, загадочное заявление, садитесь и присоединяйтесь к разговору». Следом после первого, приходит второе смс.

«Мне жаль, если я задел твои чувства комментарием про друга. Последнее, что я хотел сделать, это обидеть тебя. Просто находиться рядом с тобой тяжело».

Я отрываю глаза от телефона и смотрю Тео в глаза.

— Скажи, почему, — требую с колотящимся сердцем.

Он ерзает возле меня с неровным дыханием и дикими глазами.

— Тео. Ты не получишь работу, если не объяснишь свое поведение. С меня хватит этого шпионского бреда.

Он смотрит вниз на остатки своего омлета, словно ищет там ответ. Затем ненадолго закрывает глаза, задумывается и поднимает трубку.

«Потому что ты ужасно страшная. Обезьяны в зоопарке и то красивее».

— Ладно, — раздраженно бормочу я, потому мне казалось, что я близка к разгадке этой непонятной ситуации. С грохотом ударяю своим телефоном об стол. — Рада знать, что ты считаешь это забавным. Было интересно познакомиться с тобой. Удачи!

Я отодвигаю стул назад, готовая прорваться мимо него или даже перелезть, если он не будет двигаться. Но Тео протягивает руку и касается моей кисти кончиком пальца.

Статическое электричество потрескивает на моей коже, горячее и острое, словно нож. Я выдергиваю руку, втягиваю вздох и плююсь на него, моргая от удивления.

Его губы расходятся, и клянусь, клянусь, он собирается что-то сказать. Но потом делает резкий вдох, сердито качает головой и лезет в бумажник. Швыряет банкноты на стол, вскакивает со стула и оставляет меня в одиночестве смотреть за его уходящей спиной, когда он проходит через ресторан.

Через несколько минут на мой телефон приходит еще одно сообщение.

«Потому что из-за тебя все мои раны нарываю».

Когда официантка приходит с двумя тарелками лимонного пирога, я все еще неподвижно сижу, перечитывая смс Тео в сотый раз.

* * *

Длинная прогулка до дома на холоде не очищает мою голову и не успокаивает нервы. Я все также в замешательстве, когда открываю входную дверь. Я провожу несколько часов в интернете в поиске других подрядчиков, пока не набираю небольшой список новых перспектив. Почувствовав уныние, что не могу дозвониться до первых двух, решаю оставить

все до завтра.

Провожу остаток дня в депрессии, оплачивая счета, занимаясь стиркой и другими отвлекающими делами, пока не наступает время сна. Я раздеваюсь и лезу под покрывало под звук рычащего живота. После самого странного завтрака на свете у меня не было настроения для приема пищи.

Я заставляю его раны нарываться? Что, черт возьми, мне с этим делать?

Ничего, отвечает моя прагматичная сторона. *Забудь его. Этот человек безнадежен.*

Проблема безнадежных идей в том, что они безумно соблазнительны для тех, кто знает, что значит быть потерянным.

Около полуночи я все еще таращусь в темный потолок, думая о Мистере Загадка, когда вдруг ощущаю запах гари.

Мое сердце подпрыгивает к горлу. Принимаю вертикальное положение, скидываю одеяло и включаю свет. Все в спальне выглядит нормальным, но едкий запах безошибочен. Я бегу вниз, борясь с нарастающей паникой, и следую, пригнувшись, через дом, ударяя по каждому переключателю, мимо которого прохожу, пока дом не загорается, как рождественская елка.

И нахожу искомое в гостиной.

Черные клубы дыма вздымаются от электрической розетки возле окна. Это та самая розетка, треск которой я слышала несколько раз. Тонкое серое облако зависло на потолке, продвигаясь наружу медленными, расширяющимися волнами, как рябь на воде после того, как в нее бросили камень.

Матюгнувшись, я подбегаю к окну и распахиваю его в попытке проветрить комнату от дыма. Холодный ночной воздух врывается внутрь, дым начинает вырываться наружу. Я бегу обратно наверх за мобильным телефоном и набираю 911 на обратном пути вниз. Отвечает бойкий женский голос.

— Девять-один-один, что у Вас случилось?

— Мой дом горит!

— Назовите ваш адрес и номер для обратного звонка, мэм.

Я называю адрес, она повторяет его за мной, я подтверждаю, после чего она просит меня рассказать ей, что именно происходит.

— Замыкание внутри стены на первом этаже на западной стороне здания с видом на пляж. Не знаю, насколько огонь большой, но там много дыма, — мне удается звучать рационально, хотя у меня трясутся руки и я не могу перевести дыхание.

— Где вы сейчас находитесь, мэм?

— Недалеко от выхода.

— Мне нужно, чтобы Вы немедленно покинули дом, мэм! Отойдите на безопасное расстояние и дождитесь прибытия пожарной службы. Вы понимаете?

Диспетчер просто издевается. Не могу сказать, что виню ее, но мне не хочется уходить.

— Мэм! — гаркает она, когда я не отвечаю.

— Я выхожу, — поворачиваюсь на пятках и бегу к входной двери, но потом резко останавливаюсь у лестницы. Выдыхая холодным, как снег дыханием, я поднимаю глаза на второй этаж.

Свадебный альбом.

Я тороплюсь вверх по лестнице в главную спальню. Диспетчер, должно быть, слышит мое тяжелое дыхание и топот ног по полу, потому что спрашивает:

— Вы сейчас снаружи?

— Почти! — отвечаю, затаив дыхание. — Мне нужно кое-что забрать. Я не могу покинуть дом без...

— Мэм, необходимо, чтобы Вы немедленно покинули помещение! — кричит она.

Теперь я действительно разозлила ее. По любому, она хочет просунуть руку в трубку и придушить меня. Я бросаюсь к шкафу, хватаю белый кожаный фотоальбом с полки над вешалкой для одежды, засовываю его подмышку и в который раз возвращаюсь к лестнице, задыхаясь и ругаясь под нос с нарастающей паникой. Диспетчер бормочет что-то еще, чего мне не разобрать из-за собственных бормотаний «Пожалуйста нет, пожалуйста нет, пожалуйста, Боже нет» в голове.

Если «Баттеркуп» сгорит дотла, я потеряю последнее, что связывает меня с Кассом. Если наша мечта покроется пламенем, не думаю, что переживу это.

Я уже на нижней ступеньке лестницы, когда Тео открывает входную дверь.

Она с грохотом ударяется о стену. Деревянные щепки разлетаются повсюду. Я прибываю в ступоре, теряю равновесие и роняю альбом и телефон, плюхаясь на задницу в процессе всего. Двигаясь с невероятной скоростью, Тео бежит по коридору в сторону кухни. Затем распахивает дверь в подвал. Я слышу, как тяжелые сапоги маршируют по лестнице. Спустя один удар сердца, весь дом погружается во тьму.

В панике и дезориентации, я выкрикиваю его имя.

Вдалеке, вой сирены прорывается сквозь ночную тишину.

В течение нескольких секунд стук шагов Тео эхом отдается от деревянной лестницы подвала. Затем ослепляющий белый луч света прорезает темноту. Мужчина приближается, немного пружиня. Он проносится мимо меня в гостиную, настолько сосредоточенный, что даже не замечает моего присутствия.

Вместе с фонариком он несет кувалду и огнетушитель.

— Алло? Вы там?

Громкий крик диспетчера доносится через мобильный телефон, валяющийся на ступеньке рядом со мной. Игнорируя это, подбираю фотоальбом и пробираюсь к Тео в гостиную.

Когда я вхожу в комнату, он устанавливает фонарик на пол. Тот направлен на стену, освещая место, из клина белого света которого поднимается дым. Затем мужчина берет кувалду в руки и поднимает ее высоко над головой.

От громкого звука разбивающейся на куски штукатурки я подпрыгиваю.

Длинными, плавными ударами Тео взмахивает кувалдой снова и снова, пока не проламывает огромное отверстие в стене над розеткой. Дым выплывает. Подвергнутые новой волне кислорода небольшие языки оранжевого пламени с большей яростью подпрыгивают и вспыхивают.

Тео роняет кувалду, хватается огнетушитель и разбрызгивает белую пену на стену, огонь и полыхающую розетку, пока в канистре ничего не останется.

Завывание сирен пожарной машины раздается еще ближе.

Тео замечает меня, стоящую в дверях и сжимающую в руках свадебный альбом, дрожащую так сильно, что стучат зубы. У него тяжелое дыхание. Его шея обмотана проводами. В игре света и тени его лицо выглядит красивым, потусторонним и ужасающим, словно ангел мщения явился, чтобы свести счеты.

Я хрипло бормочу:

— Ч-что... Как... — мое заикание прерывается кашлем, вызванным дымом в комнате.

Тео указывает на меня и тычет пальцем в сторону входной двери.

Я понимаю, что он велит мне убираться, но не могу пошевелиться. Могу только пялиться на него. Шок пригвоздил меня к месту.

Он отшвыривает огнетушитель и пересекает комнату несколькими длинными шагами. Затем поднимает меня на руки и движется к входной двери, в то время как я цепляюсь за него одной рукой, а другой прижимаю свадебный альбом к груди с бешено бьющимся сердцем.

Я рассматриваю его профиль, когда он выносит меня в ночь и через улицу. Тео мягко опускает меня на ноги на тротуаре, убеждается, что я устою на ногах, затем поворачивается обратно к дому.

— Тео.

Он останавливается и смотрит на меня.

— Как ты здесь оказался? — спрашиваю дрожащим голосом.

С ревом двигателя пожарная машина поворачивает за угол и начинает подниматься к дому. Тео достает маленький блокнотик из кармана и начинает писать. Когда заканчивает, вырывает лист бумаги и протягивает его мне. Я беру его дрожащими пальцами, а Тео поворачивается и возвращается в дом.

Когда пожарная машина замедляется около меня, я читаю его слова под красными мигалками, запахом дыма, который щиплет мой нос и морским бризом, который охлаждает мою разгоряченную кожу.

«Я всегда буду рядом».

ГЛАВА 11

— Вы счастливица, мисс Данн. Короткое замыкание внутри стен чрезвычайно опасно. Мы видели, как целые дома сгорали за считанные минуты. Эти старые викторианские особняки особенно уязвимы из-за устаревшей проводки. Вам придется заменить все как можно скорее.

Со мной разговаривает пожарный Джон. Под желто-черным пожарным шлемом у него сверкают карие глаза и улыбка в тридцать два зуба. Он кажется абсолютно без ума от себя. Похоже, он разочарован, что не было настоящего экшена. Когда он прибыл, то сразу же начал лаять на своих людей, чтобы те разворачивали шланги и вытаскивали оборудование из грузовика. А сам в это время нарезал круги вокруг, как охотник на охоте за слоном.

Можно провести параллель с генералом, который будит свои войска для последнего штурма на войне. А вместо кучи врагов обнаруживает, добравшись до поля битвы, одного тощего парня с рогаткой.

— Угу, — рассеянно отвечаю я, пристально глядя на входную дверь дома, чтобы увидеть хоть какие-то признаки Тео.

Я стою через дорогу, где он оставил меня, в шортах и футболке, босиком и потрясенную, не обращая внимания на холод. Мой свадебный альбом прижат к груди, руки как тиски сжимают его.

— Да, — говорит Джон, ухмыляясь. — Замыкание — это полный пиз*ец. Температура в десять тысяч градусов от начального пирофакела дуги. Объедините это с закрытым пространством, заполненным горючими материалами, такими как изоляционная обмотка и

деревянный каркас, и получите настоящий кошмар. Был у нас вызов в прошлом месяце, так у того парня было около десяти предметов, подключенных в розетку с реально старой проводкой...

— Вот, пожалуйста, мэм.

Появляется другой пожарный, прерывая эту увлекательнейшую историю. Этот парень помоложе и посерьезнее Джона. Он накрывает меня одеялом, потом кивает боссу.

— Спасибо.

— Пожалуйста. С Вами все в порядке, мэм?

— Да. И, пожалуйста, зови меня Меган, Я ненамного старше тебя.

Он застенчиво улыбается. Это милый, настоящий американский мальчик. Интересно, Сюзанна встречала этого парня? Если я расскажу ей о нем, она, вероятно, подожжет свою кухню.

— Как там дела? — спрашиваю его.

— Мы проверяем, нет ли других очагов возгорания. Пока что, похоже, все в порядке, но мы должны убедиться перед отъездом. Тео отлично сработал, отключив электричество. Все, вероятно, было бы много хуже. Пока провода под напряжением, горение может продолжать распространяться по проводке. Если такое происходит, можно сразу попрощаться с домом.

При упоминании имени Тео мое внимание сосредотачивается.

— Ты знаешь Тео?

Милый пожарник пожимает плечами.

— Конечно. Все знают Тео.

Ну, конечно же. Сисайд — маленький городок, а Тео прожил в нем всю жизнь. Я здесь незнакомка, а не он.

— Он случайно не упоминал, как попал сюда раньше вас? Он пожарный доброволец или что?

— Нет, — вклинивается Джон, — он просто сова, так вроде это называют. Мы часто видим, как он бродит по ночному городу. Парень любит приглядывать за происходящим.

Происходящим? Поднимаю глаза и смотрю на пляж. Ближайшая постройка — трехэтажное здание кондоминиума в четверти мильх вверх от побережья.

Я думаю о человеке, которого видела стоящим на пляже сразу после звонка Крейгу этим утром. Мужчина с широкими плечами и длинными ногами в черном плаще. Человек, меланхолично уставившийся на пляж, словно искал кого-то или что-то потерянное.

Это был Тео. Теперь я в этом абсолютно уверена.

Меня должно беспокоить это прозрение, но, как ни странно, этого не происходит. Страх нет, только любопытство. Возможно, я выдаю желаемое за действительное. Но моя интуиция подсказывает, что Тео Валентайн для меня не опасен. Во всяком случае, хоть мне и не ясно почему, но вроде как это я гораздо более опасна для него.

Словно призванный моими мыслями, Тео появляется в дверном проеме. На расстоянии наши взгляды встречаются. Мужчина светится красным и желтым от огней пожарной машины. Он снял ветровку перед тем, как вернуться в здание и теперь стоит в белой футболке с длинными рукавами, покрытой сажей. На щеках и переносице большой черный мазок, как раскрас военных. Это подчеркивает его глаза, мрачно сверкающие под нахмуренным лбом.

Он направляется прямо ко мне.

— О, вот и наш герой! — говорит Джон и протягивает руку в знак приветствия. Егс

милий подчиненный машет.

Тео им нравится. Всем нравится этот человек-сфинкс, который бродит по городу посреди ночи, немой и не спящий из-за демонов, преследующих его.

Острый удар сочувствия скручивается внутри, пока я наблюдаю за приближением Тео. Одиночество признает одиночество, как одинокий волк завывает, чтобы получить отдаленный отклик другого в холодную зимнюю ночь.

Когда Тео доходит до нас, то останавливается, кивая сначала Джону, затем милахепарню.

Только потом смотрит на меня пронзительными, словно лазерные лучи, глазами.

— Я так понимаю, — начинаю я, — что ты, возможно, спас мой дом своей оперативностью.

Он даже не вздрагивает. Не улыбается, не двигается и не моргает. Просто ждет.

— Джон говорит, что мне нужно срочно заменить проводку в «Баттеркупе».

Джон поддакивает:

— О, определено. Как можно скорее. Вам не стоит включать электропитание, пока мастер все не исправит.

Ладно, Вселенная. Ты победила.

— Итак, ты начинаешь завтра, — обращаюсь к Тео. Чувство неизбежности отягощает слова, но губы будто знали все это время, что им придется сформировать их. — По факту, уже сегодня. Первым делом с утра, если сможешь.

Удерживая мой взгляд, Тео медленно кивает.

— Начни с электричества. А там посмотрим, — подразумеваю «посмотрим, как там у нас пойдет». Покажет ли он нормальное человеческое поведение. — Договорились?

Один удар сердца, два, затем Тео протягивает ладонь. Я перекладываю свой свадебный альбом в левую руку, чтобы протянуть ему правую. У него большая, теплая ладонь, обтянутая грубой перчаткой. Мы не трясем руками, как при рукопожатии. Вместо этого, просто стоим там, держась друг за друга и глядя в глаза, посылая что-то вроде потрескивающего электричества в холодный воздух. Это кажется длится вечность, пока Джон не прочищает горло, привлекая внимание.

— Что ж, чудесно. Я теперь спокоен, зная, что ты позаботишься обо всем, Тео. В доме такого размера замена может занять неделю или около того, да?

Тео отпускает мою руку, но не мой взгляд. И поднимает три пальца.

— Три дня?

Тео кивает, затем Джон хихикает, поворачиваясь ко мне.

— Считай, звезды улыбнулись тебе, Меган. Тео лучший подрядчик в округе.

Улыбка Тео начинает медленно растягиваться и продолжает расти, пока не захватывает все его тело, что он практически светится изнутри. Не могу вспомнить, когда в последний раз видела что-то настолько прекрасное.

— Прекратят ли когда-нибудь это твердить, — тихо бормочу себе под нос.

* * *

К моменту отъезда пожарных, я физически, умственно и эмоционально истощена. Чувствую себя мокрой половой тряпкой, которую какой-то злой гигант отжал и швырнул в кирпичную стену. Я наблюдаю, как пожарная машина грохочет по улице, и поднимаю руку в ответ, когда один из пожарных машет мне из кабины.

Одиноко двигаюсь к дому под шум прибоа, составляющий мне компанию. Решаю

налить себе стакан виски.

Тео растворился в ночи, как призрак, прежде чем я смогла задать ему какие-либо вопросы. Меня волнует, почему он оказался в моем доме, когда вспыхнул пожар. Он жестоко ошибается, если считает, что его исчезновение помешает мне устроить допрос завтра.

В голове столько вопросов, что она идет кругом.

С одеялом, обернутым вокруг плеч, и альбомом, надежно прижатым подмышкой, я вхожу в дом, закрывая за собой дверь. Уничтоженная полученным диким ударом, дверная ручка отваливается, когда я касаюсь ее. Вздыхая, оставляю все так, как есть.

Игнорируя занозу в стопе, иду на кухню. Перемещаюсь по темному дому с большим фонариком, который вручил мне Джон, прежде чем он и его команда отчалили. Попутно рассматриваю удручающий вид внутренностей моего дома, вывалившихся сквозь отверстия в плинтусах и дыры в штукатурке под потолком в различных местах, где мужчины явно искали другие «очаги возгорания» в проводке. В доме полный кавардак, но он стоит.

Спасибо Тео Валентайну за то, что он по какой-то необъяснимой причине появился раньше пожарных. Что он знал, где в моем доме находятся огнетушитель, фонарик и кувалда. Что поднял меня и унес на руках, прилагая столько же усилий, сколько потребовалось мне, чтобы нести свадебный альбом, а я, между прочим, не крошечный, нежный цветочек. Что добавил еще один кусочек в постоянно растущую головоломку своей загадочной запиской: «Я всегда буду рядом».

Прячу записку между страницами свадебного альбома, потому что не хочу ее потерять. Почему-то это важно для меня. В ней есть смысл, какая-то подсказка.

Прохожу на кухню, кладу альбом и фонарик на стол. Открываю шкаф, беру стакан и достаю бутылку виски из другого шкафа. Наливаю себе порцию. Выпиваю все на одном дыхании, вздрагивая, когда пары обжигают нос, после чего наливаю еще.

Когда я оборачиваюсь, издаю леденящий душу крик.

Тео опирается на мраморный островок, скрестив руки на груди и пялясь на меня.

— Твою мать, Тео! — грохочу я. — Ты напугал меня до усрачки! Какого хрена ты тут делаешь?

С обеспокоенным выражением лица он указывает на меня, а затем делает знак «ОК».

— Да, все в порядке! Боже! — я прикладываю руку ко лбу, тяжело дыша из-за внезапного всплеска адреналина в крови. — Я думала, ты ушел!

Тео качает головой.

— Ну, теперь-то я в курсе!

Он неподвижно наблюдает за мной. Я нависаю для поддержки над столом, натягиваю одеяло вокруг плеч и пытаюсь восстановить спокойствие. Через мгновение мне удается взять себя в руки достаточно, чтобы больше не орать. Да я на глазах становлюсь истеричкой!

— Прости. Я не хотела кричать на тебя, просто не люблю сюрпризы. Не подкрадывайся ко мне так больше, ладно?

Он в раскаянии кивает, и теперь я чувствую себя идиоткой за потерю хладнокровия. В конце концов, этот человек спас мой дом. Меньшее, что я могу сделать, — это быть вежливой.

— Окей. Это я снова извиняюсь. Но хочу добавить, что немного странно, что ты стоишь тут на моей кухне в темноте. На самом деле, это более чем странно, — мой смешок печален. — Но с тобой пора бы к этому уже привыкнуть. Ты дал слову «странный» совершенно новое понятие.

От улыбки Тео комната постепенно светлеет. Жаль, что он делает это так редко, потому что подобная улыбка может положить конец войнам.

Я пользуюсь возможностью, чтобы проглотить больше виски. Хорошо, что я в шоке не выронила стакан, а то, вероятно, начала бы пить прямо из бутылки.

— Вот, — ставлю бокал на прилавок и тянусь к шуковине с бумажными полотенцами. Отрываю белый квадрат и протягиваю его Тео. — У тебя немного сажи на лице.

Он берет бумажное полотенце и вытирает им лицо, размазывая сажу, а не очищая. Когда он останавливается и смотрит на меня для подтверждения, что так лучше, я вздыхаю и качаю головой.

— Хуже, — мочу полотенце под краном. Затем, по-видимому, теряю всякую связь с реальностью, потому что стою перед Тео и начинаю протирать его лицо.

Встревоженный, он застывает.

— Да, знаю, — говорю я. — Но если ты можешь быть странным, то и я тоже. И ты как-никак спас мой дом. Я не могу позволить тебе уйти, выглядя, будто только что отработал двойную смену на угольной шахте.

Он дышит поверхностно, смотрит на меня глазами с темными мешками. Его тело напряжено так сильно, что вполне может разорваться надвое. Руки крепко сцеплены на краю мраморного стола, словно он использует его для поддержки.

— Расслабься, Солнышко. Пытка скоро закончится, — я встречаю его пристальный взгляд. — И вот тогда я начну допрос.

Он сглатывает.

— Да, тебе следует бояться. У меня есть вопросы, приятель. Куча вопросов.

Он выглядит расстроенным, но потом смиренным, ненадолго закрыв глаза. Когда снова открывает их, то протягивает руку и хватает мое запястье.

Я замираю. Сердце начинает колотиться. Я не привыкла к физическому контакту, обходясь без него годами. А большая рука Тео, держащая мое запястье, — это больше, чем просто контакт. Кожа к коже, внезапное тепло в воздухе и шум в ушах, похожий на звук океана.

Когда его пальцы слегка нажимают на пульс на запястье, словно он считает удары моего сердца, меня поглощает темное, болезненное дежавю.

Касс прикасался ко мне вот так. Его пальцы всегда искали места, где проявляется мой пульс — горло, запястье, впадина под коленями — легкое прикосновение к бьющейся вене, заставляющее кровь циркулировать быстрее.

И сейчас все возвращается. Пульс под нажатием кончиков пальцев Тео начинает скакать, пока не становится диким и неуправляемым, как трепыхающийся высоко в небе лист от свирепого ветра.

Это первый раз за многие годы, когда я действительно чувствую себя живой.

Мое дыхание кажется громким в тихой комнате. Тео всматривается в мое лицо с необычайным вниманием. Наши носы в сантиметрах друг от друга. Под ожогом его глаз я чувствую себя незащищенной, обнажившей всю свою защиту, расплющившей тщательно выстроенные границы, словно соломенный домик, на который подул большой серый волк.

Я чувствую себя голой.

Отрываю руку и делаю несколько коротких шагов назад. Одеяло спадает с плеч и сползает на пол.

Тео поднимает руку с раздвинутыми пальцами в знаке «стоп». Или, «все нормально».

Господи, да кого я обманываю? Я ни хрена не понимаю, что он имеет в виду. Может, он сообщает, что я тяну на пятерку по десятибалльной шкале!

— Уже поздно, — шепчу я пересохшим ртом. Внезапно, все мои вопросы не кажутся такими важными. Важнее выпроводить Тео из моего дома, чтобы я могла остаться наедине с морем огня, кипящим в крови. Капельки пота выступают на моей груди, и я так учащенно дышу, что практически задыхаюсь.

Это не страх или шок, или что-то столь же простое. Я узнаю это чувство, как будто вспоминаю старого друга, увиденного издали после долгой разлуки.

Желание имеет особый вкус, который, однажды попробовав, никогда не забыть.

И оно возникло всего лишь от прикосновения пальцев Тео к моему запястью.

Он отталкивается от стола, смотрит на меня несколько секунд в оглушительной тишине, затем выдыхает, проводя рукой по волосам. Сейчас я по-настоящему рада, что он не говорит. Следовательно, и мне не нужно.

Даже не представляю, какие слова мог бы выдать мой рот после взрыва бомбы внутри моего тела.

Он дважды стучит на мраморному покрытию на прощание и после этого поворачивается, чтобы уйти.

Прежде чем покинуть меня, его взгляд задерживается на моем свадебном альбоме на стойке.

ГЛАВА 12

Я просыпаюсь от топота стада быков, бегающих по моей гостиной.

Щурясь от утреннего света, заливающего спальню, сажусь на постель и прислушиваюсь. Я дезориентирована, но не встревожена. У меня нет ни физических, ни душевных сил, чтобы беспокоиться о чем-то этим утром. После ухода Тео, я провела несколько часов в интимных отношениях с бутылкой виски, которая в данный момент парфюмирует мое дыхание. Хорошо, что поблизости нет открытого огня, иначе я превратилась бы в тост.

Огонь, точно. Стадо внизу — должно быть Тео и его команда.

Часы на тумбочке сообщают, что время восемь. Думаю, Тео буквально понял мое выражение «первым делом с утра».

Я вытаскиваю себя из постели и шаркаю в ванную, фыркнув, видя своё отражение в зеркале. Я похожа на доисторическую пещерную женщину, которая провела долгую ночь, проигрывая битву с длинношерстным мамонтом. Мне следует принять душ и выпить галлон кофе, если я хочу походить на человека.

Но сначала надо проверить стадо.

Стоя наверху лестницы, кричу вниз:

— Тео!

Раздается стук, стук, стук, а затем появляется он во всем черном: в сапогах, полинявших джинсах и футболке с длинными рукавами. Мужчина в шоке поднимает брови, заметив меня.

— Заткнись, Солнышко, — ворчу я. — У некоторых из нас была тяжелая ночька.

Я, должно быть, превосходно научилась читать по его выражению лица, потому что он явно говорит: «Заметно». Как он выглядит таким свежим и жизнерадостным?! Мне не понятно, учитывая, что он, вероятно, спал так же мало, как и я.

— Я вижу, ты впустил себя. Круто, что ты чувствуешь себя как дома.

Он вскидывает голову на мой саркастический тон, а затем делает поворот рукой.

— Правильно, — говорю я. — На входной двери отсутствует дверная ручка. Забавно, что когда кто-то выбивает дверь, случаются вот такие маленькие неприятности.

Затем он делает колющее движение пальцем, прикладывает ладонь к уху и качает головой.

— Да, Тео, я понимаю, что и мой дверной звонок не работает. Но есть такая штука, называется «стучать». Вот, давай я продемонстрирую.

Я показываю, как правильно стучать, театрально ударяя пальцами по деревянным перилам, чтобы звук красивым и громким эхом отражался по комнате.

Тео закатывает глаза. Затем прижимает руки в молитвенном положении, после чего прикладывает их к щеке, закрывает глаза и преувеличенно выдыхает через рот, непривлекательно хлопая губами, как у мультяшный персонаж.

— Я вовсе не храпела! — оборонительно заявляю я, смутившись, потому что, вероятно, реально храпела. Касс говорил мне, что я могу будить мертвых, после того как пропущу пару бокальчиков.

Улыбающийся Тео поднимает руки, сдаваясь. Из-за смущения, я обнаруживаю, что улыбаюсь в ответ. Его улыбки хоть и редки, но заразительны. Надеюсь, теперь, когда он получил желаемое и работает над домом, они будут чаще появляться.

Особых надежд не питаю, но все же...

— Я собираюсь принять душ. Ребята, вы справитесь полчаса или около того без меня?

Тео кивает, пренебрежительно махнув рукой. Видимо, разговор окончен. Он уходит, не дожидаясь, пока я брякну что-нибудь еще.

— И тебе тоже доброе утро, Солнышко.

Слушаю, как стук его ботинок движется к задней части дома. Почему-то я нахожу этот звук успокаивающим.

Потому что у тебя не было мужика уже сотню лет, подруга.

Заставляю свои женские прелести заткнуться. И отправляюсь в душ.

* * *

— Кто пожаловал! — меня встречает Куп, оторвавшись от осмотра дыры в плинтусе гостиной, проделанной пожарными, как будто я его давно потерянная сестра. На нем красно-черная фланелевая рубашка, закатанная до внушительных предплечий, и комбинезон. Он поразительно напоминает дровосека. — Как поживаешь, Меган? Рада меня видеть?

— Вау, сегодня все такие бодренькие! — подшучиваю я, пытаюсь сохранить невозмутимое лицо. В конце концов, я — босс. Не могу позволить всем этим здоровякам думать, что они могут взять надо мной верх, ведя себя как хихикающие подростки. — До этого Тео улыбался мне. Вы, ребятки, что-то покурили перед работой?

— Нет, просто прекрасное утро, вот и все! — он опирает руки на бедра и осматривает меня сверху донизу. — Стоит отметить, что ты выглядишь красивее, чем новенький комплект зимней резины.

Покраснев, я провожу рукой по влажным волосам и опускаю взгляд на джинсы и синий свитер.

— Я никогда не видела зимних шин, но приму это за комплимент. Спасибо.

— Никогда не видела снега? — он выглядит испуганным, как будто я только что сообщила ему, что мои родители являются братом и сестрой. — Где ты выросла, на Луне?

— На самом деле, в пустыне. До переезда сюда я нигде не жила, кроме Феникса.

— Бывал я однажды в Фениксе, — Куп задумчиво трет бороду. — Жарко, как в аду, и сухо, как в трусах монахини.

— Спасибо за такое волнующее описание. Мне нужно подписать какие-нибудь бумаги? Объем работ или что-то еще?

— Да, Тео уже подготовил контракт. Он оставил его на кухонном столе.

— Хорошо, спасибо.

Я поворачиваюсь и иду на кухню.

— Меган? — останавливает меня Куп.

— Да? — оборачиваюсь.

Некоторое время он медлит.

— Я просто хотел сказать спасибо.

— За что?

— За это, — он жестом указывает на дом. — За то, что дала Тео шанс. Он действительно нуждался в нем.

— Нуждался в чем? Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь.

Оглянувшись через плечо, Куп понижает голос.

— Этот дом вроде как... важен для него. Не спрашивай меня почему, потому что я сам не понимаю. Но он был одержим этим местом годами. Думаю, парень мечтал вернуть его былую славу, — его голубые глаза становятся темнее. — Может быть, ремонт дома поможет ему.

С чем связана пробежавшая по мне дрожь, это трепетание бабочек в животе, этот нервный тик? С сочувствием? С беспокойством? Далеко не первый раз я могу с уверенностью сказать, что у нас с Тео Валентайном есть что-то общее.

— Мы договорились, что он проведет электричество, Куп. Посмотрим, как пойдет дальше. Не хочу никого обнадеживать.

— Ха, поздновато, — хихикает Куп. — Давненько я не видел Тео таким счастливым.

— Отлично, — сердито бурчу я. — Совсем никакого давления на меня, чтобы удержать его в этом проекте... Что, если мне не понравится его работа?

Куп выглядит оскорбленным, как мамочка, когда ее ребенка обижают. А большой ребенок — это Тео.

— Пфф. Тебе очень понравится. Он лучший, и это не преувеличение.

— А что, если нет? С ним не так-то легко находится рядом, Куп.

Куп признает это легким кивком и бросает на меня взгляд.

— Он, конечно, не подарок, но Тео лучший человек, которого я когда-либо знал. Он честный, благородный и удивительно верный, никогда ничего не нарушит. Да я готов доверить ему свою жизнь. И жизнь своих детей. О скольких людях ты можешь сказать также?

— Мертвые считаются?

Куп и глазом не моргнул на мой странный вопрос, на который я ответила без раздумий. Имя Касса хотело слететь с моего языка при упоминании чести, благородства и верности. Мой муж был прекрасным человеком до мозга костей и обладал львиной бесстрашностью, особенно когда дело доходило до защиты любимых.

Он был тем, кого женщины жаждут всей своей сущностью, что сейчас стало ценнее из-за своей редкости. Он был настоящим мужчиной.

Куп бросает взгляд на мое обручальное кольцо, а потом снова смотрит мне в глаза.

— Конечно, — мягко говорит он. — Отношения не заканчиваются со смертью. Это может произойти только при жизни.

Я прижимаю руку к сердцу, потому что, черт возьми, мне больно.

— Так нечестно, Куп, — хриплю я. — Ты бьешь меня этим тяжелым психологическим дерьмом еще до того, как я выпиваю свой кофе!

Улыбка Купа нежна, как и его взгляд.

— Я не могу нести ответственность за этот кусок «психологического дерьма». Я вычитал это в книге о парне по имени Морри, мне запомнилось, — он наблюдает, как я пытаюсь сморгнуть слезы, накопившееся в уголках глаз. — Так и знал, что ты мягкотелая под всей этой жесткой бравадой. Но клянусь, никому не расскажу. Я сохраню твой секрет, Зефирка.

— Заткнись. И лучше, чтобы бы так и было. Теперь приступай к работе, — я поворачиваюсь и шагаю прочь под смешки Купа.

Я киваю нескольким рабочим, проходя через дом по дороге на кухню. Но Тео не наблюдаю. Это хорошо, потому что без огромной дозы кофеина моя голова не будет достаточно ясной, чтобы справиться с любыми изменениями его настроения, которым он так чертовски сильно подвержен.

Первым делом на кухне мой взгляд падает кофеварку, которая, если мне не изменяет память, выключена.

Я останавливаюсь, стону и хлопаю себя ладонью по лбу. Тогда замечаю кое-что на кухонном островке и перестаю стонать.

Рядом с пачкой скрепленных бумаг стоит большой пластиковый стаканчик, обернутый бумагой, из отверстия пластиковой крышки которого поднимается завиток пара.

Потянувшись к нему, как к магниту, я приближаюсь к столу, поднимаю стаканчик и вдыхаю. Восхитительный, ореховый аромат крепкого кофе радует мои ноздри, наполняя рот слюной. Открываю крышку и улыбаюсь от восторга, когда вижу черное золото.

Если это предназначалось кому-то еще, то, увы, ему не повезло. Я заявляю права на это чудо. Делаю глоток, закрывая глаза в экстазе, когда кофе касается языка. Он именно такой, как я люблю: несладкий и обжигающе горячий.

Вздыхая от удовольствия, я открываю глаза... и вижу Тео, стоящего в дверях кухни.

— О. Привет, — я чувствую себя взволнованной и виноватой, как будто он застукал меня за мастурбацией.

Тео указывает на чашку в моей руке, а затем поднимает в вопросе большой палец.

— Да, он супер. Это ты это принес?

Он кивает.

— Спасибо тебе. Голова не работает без утреннего кофе.

Он снова кивает. Мое воображение считает, что он говорит что-то типо «я знаю», потому что еще больше завожусь. *Возьми себя в руки, Меган. Сконцентрируйся.*

Я расправляю плечи и нацепляю серьезную маску босса.

— Это контракт, я правильно понимаю? — указываю на документы, за что Тео еще раз демонстрирует мне большой палец. — Окей. Я прочитаю его сейчас и дам тебе знать, если у меня возникнут вопросы.

Еще один королевский наклон головы. Он спокойнее, чем когда-либо. Весь его облик светлее, как будто грозовые облака, которые постоянно следовали за ним, рассеялись, дабы

пропустить сияющие солнечные лучи.

Он кажется домашним, стоя в дверях моей кухни. Спокойным и умиротворенным.

Почему-то это заставляет меня чувствовать себя лучше. Но какая-то часть меня в маленьком темном уголке сердца наконец по-настоящему выдохнула, чего не происходило с тех пор, как я встретила с Тео.

— Тео Валентайн, — с теплым взглядом тихо говорю я. — Добро пожаловать в мой дом. Я доверяю тебе самое важное в моей жизни. Не облажайся.

Его рот расплывается в огромной, сияющей улыбке, разрушительной в своей красоте. Все его лицо преобразуется, как будто под маской хмурых бровей, которую он обычно носит, скрывался другой, ожидавший освобождения человек.

Он изворачивается, вытаскивает ручку из заднего кармана, переворачивает контракт и царапает на обратной стороне.

«Ты раздражительная по утрам».

— Нет, сегодняшнее утро исключение, — поправляю его, прочитав. — Мой дом чуть не сгорел ночью, помнишь?

«Но этого не произошло».

Я читаю написанные им слова, потом рассматриваю его лицо. Он изучает меня с таинственной улыбкой и опущенными ресницами. Прядь темных волос опускается ему на лоб и Тео мне подмигивает.

— Да, Супермен, ты нас спас, — сухо говорю я. — И прежде, чем я подпишу бумаги, ты расскажешь мне, как оказался возле моего дома прошлой ночью в тот самый момент, когда начался пожар в этих долбанных стенах.

Выражение его лица скисает. Он начинает отворачиваться, но я хватаю его за бицепс. Меня охватывает шок, когда я обнаруживаю каменные, выпуклые мышцы под рукой. Я догадывалась, что он крепкий, но даже не представляла, что сделан из стали.

От моего прикосновения он замирает. Ноздри раздуваются, пока он смотрит на мою руку на своей, затем снова переводит взгляд на меня. Я ожидала, что в его выразительных карих глазах увижу раздражение или презрение, но там пучина страдания, столь бездонная, что я начинаю задыхаться.

Мужчина смотрит на меня, как будто я мучаю его своими прикосновениями. Как будто легкое касание нескольких пальцев на его прикрытую тканью руку причиняет ему такие страдания, что ему трудно находиться в вертикальном положении. Необузданность, осязаемая реальностью его боли поражает.

Я одергиваю руку и смотрю на него в замешательстве, зная, что совершила ужасную ошибку, но не понимая, как и почему.

Потом с ужасом осознаю, что касалась его левой руки. Стороны, которая получила наибольшие повреждения в той аварии, про которую рассказывала Сюзанна.

Я смотрю на рваный белый шрам над его левой бровью и клубок рубцовой ткани, стекающий по левой стороне шеи, и бормочу:

— О Боже, мне так жаль, я сделала тебе больно!

Я отступаю на шаг, но Тео хватается меня за запястье. Втягиваю воздух, после чего мы стоим и тарашимся друг на друга в напряженной тишине, что слышится потрескивание.

Его взгляд падает на мой рот. Он сглатывает и увлажняет губы, посылая волну тепла по моим груди и шее. Сердце начинает колотиться, как бешеное, заглушая все звуки.

Взгляд Тео снова подхватывает меня. Я знаю, что он видит, какой эффект оказывает на

меня, потому что его глаза темнеют, а красный румянец расплзается по его щекам.

— Вот вы где!

В дверном проеме появляется один из рабочих Тео, рыжеволосый парень с поясом для инструментов, привязанный к талии. Он нетерпеливо улыбается, не подозревая о том, что только что нарушил.

Я и сама точно не знаю, чему он помешал.

Тео опускает мое запястье, как будто его ошпарили, поворачивается и вылетает с кухни. Работник смотрит ему вслед, словно для Тео совершенно нормально свалить без предупреждения, потом поворачивается ко мне, покачав головой.

— Привет, привет! Я Тоби из команды Тео.

Затаив дыхание, я прислоняюсь к столу за поддержкой. Надеюсь, мои щеки не такие красные, как ощущаются.

— Привет, Тоби. Я Меган. Приятно познакомиться.

Он указывает большим пальцем через плечо.

— Там есть пончики, если хочешь. Тео купил их по дороге.

Прежде чем ответить, Тео возвращается, держа что-то завернутое в белую бумажную салфетку. Он подходит ко мне и протягивает, слегка покачивая, когда я не реагирую достаточно быстро.

Как только беру это из его рук, он разворачивается и снова уходит, потянув Тоби вместе с собой за рукав рубашки.

— Увидимся позже! — бросает Тоби, когда Тео утаскивает его.

Еще немного подрагивая, я раскрываю сверток, который дал мне Тео. Увидев, что там, мое сердце замирает.

Технически, это не пончик. Это датское печенье. «Медвежий коготь», если точнее.

Любимое лакомство Касса на завтрак, которое он лопал как минимум несколько раз в неделю, включая день своей смерти.

ГЛАВА 13

Я стою на заднем дворике, безучастно глядя на море с несъеденным «Медвежьим когтем» в руке, когда меня зовут по имени, пронзая путаницу моих мыслей. Оборачиваюсь и вижу как Сюзанна спешит ко мне из особняка. На ней ярко-розовый спортивный костюм и шлепанцы. Без макияжа и с хвостиком на макушке она выглядит на десять лет моложе. И совершенно испуганной.

Она прорывается сквозь открытые французские двери и обнимает меня.

— Я только что услышала о пожаре! Слава Богу, ты цела!

— Быстро же распространились слухи, — бормочу я, задаваясь вопросом, состоят ли все жители этого городка в общем чате для сбора самых пикантных новостей.

Она отстраняется и держит меня на расстоянии вытянутой руки, чтобы осмотреть сверху донизу для оценки нанесенного урона. Когда никаких повреждений не обнаруживает, она втягивает меня в еще одно объятие, на этот раз более крепкое.

— Сюзанна, со мной все нормально, — через мгновение говорю я, растроганная, но также раздраженная ее беспокойством. Мне никогда не нравилось, когда люди из-за меня суетились.

Когда она отходит на этот раз, то находится на грани слез.

— Я обязана была заставить тебя пожить в гостинице, пока этот дом не отремонтируют, — всхлип. — Господи, Меган, если бы с тобой что-то случилось, это было бы моей виной.

— Не глупи, — твердо говорю я. — Несчастные случаи происходят постоянно. В таких вещах никто не виноват.

Она смотрит на дом со сдвинутыми бровями, словно боится его.

— Не знаю, дорогая, моя мама всегда говорила, что несчастный случай — это просто способ судьбы дать человеку понять, что он ничего не контролирует.

Я выдуваю воздух через губы, выдав пренебрежительный звук, отлично сочетающийся с моим дергающимся глазом.

— Нет такой вещи, как судьба, Сюзанна. Или провидение, или старика в белых одеждах на небесах, который наблюдает за нами и ждет, что мы будем проводить час каждую неделю, сидя на твердых деревянных скамейках в здании с уродливыми витражами, молясь статуе чувака, прибитого к кресту. Ничего такого нет. Мы одиноки во Вселенной. Все происходящее — просто случайность.

Мне приходится игнорировать ворчливый голос в голове, который спрашивает о «Медвежьем когте» в моей руке. И о компьютерных изображениях «Баттеркупа». И об ударе молнии. И о мужчине, который совершенно случайно совершал полуночную прогулку по пляжу прямо перед моим домом именно в тот момент, когда мне нужна была его помощь. И о полудюжине других вещей, беспокояно кувыркаяющихся в моем подсознании.

— Это удручает, — резко бросает Сюзанна. — Напомни мне не приглашать тебя на рождественский ужин. У младенца Иисуса случится мигрень.

— Прости. Слишком рано для нигилизма⁶⁷?

— Негативу не место в любое время суток, дорогая, — она морщит нос.

— Это не негатив. Это... практичность. Реализм.

— Хрень собачья, вот что это такое, — с категоричностью произносит Сюзанна, что немного приводит меня в чувство. — Не позволяй жизни лишиться себя надежды только потому, что она несколько раз дала тебе по яйцам, — она делает паузу. — Образно говоря, конечно. Я не намекала, что у тебя есть яички.

— О, конечно, — говорю я с серьезным лицом. — Потому что у меня огромные стальные яйца, которые перезваниваются при ходьбе.

— Меня давно раздирало спросить, что это от тебя за шум, — стреляет в ответ Сюзанна. — Еще думала, ни Колокол ли Свободы запихнули в твою вагину.

Мы громко смеемся. Именно смех и нужен, чтобы разогнать напряженность и путаницу последних нескольких дней.

— Кроме шуток, — начинает она, — как ты? Только честно.

Я вздыхаю, оглядываясь на дом.

— Нормально. Немного странностей от Тео, но в этом нет ничего нового.

Сюзанна вскидывает брови.

— Только не говори, что он опять плохо на тебя посмотрел. Куп впустил меня и сказал, что все отлично.

Я встречаю ее взгляд с облегчением, что мне есть с кем поговорить о Мистере Загадочность.

— Тео появился раньше пожарных сегодня ночью. Он пришел, когда я еще была на линии с 911. Должно быть, шатался прямо возле моего дома.

Она медленно моргает, это выглядит чуть комично от этого преувеличения.

— Посреди ночи?

— Я знаю, это странно, правда?

Судя по выражению ее лица, она напугана.

— Ты же не хочешь сказать, что думаешь, что это он ответственен за пожар, да?

— О, нет, вовсе нет, — успокаиваю ее я, потому что она выглядит так, будто готова потерять сознание от одной этой мысли. — Розетка, где начался пожар, издавала странные звуки с самого моего переезда сюда, плюс все лампы в доме мерцали. Мне было известно о проблеме с проводкой. К тому же, Тео пришлось раздолбить стену кувалдой, чтобы добраться до пламени. Он никак не мог ничего поджечь.

— Раздолбить стену? — Сюзанна выглядит недоуменной.

— Пожар начался внутри. Что-то связанное с замыканием. Пожарные что-то объясняли. Но дело не в этом. Тео каким-то образом оказался возле моего дома, когда это произошло. Вопрос в том, почему?

Сюзанна проводит рукой по голове, разглаживая несколько темных волосинок, выбившихся из конского хвоста и скользящих по ее лицу из-за легкого океанского бриза.

— Ты спросила об этом его?

— Конечно. И он, как обычно, нацепил на лицо выражение каменной плиты и отказался отвечать.

Про его странную записку не упоминаю. Это кажется слишком личным и поведать о ней кому-то другому будет подрывом доверия. Раскрыть эту тайну должна я сама.

Сюзанна с затаенным дыханием покачивает головой.

— Ну, я не знаю, что тебе сказать. Тео известен тем, что бродит по ночам.

— Да, один из пожарных сказал, что он гуляет по ночам, следя за порядком.

— Так, может, это просто совпадение? Он оказался в нужное время в нужном месте, — когда я бросаю на нее полный сомнений взгляд, она добавляет: — Эй, ты та, кто думает, что все в мире — тупо случайности.

Есть случайности, а есть обстоятельства, и я знаю, что нахождение Тео рядом не было случайным. Он был здесь по какой-то причине, даже если я пока не понимаю почему.

Моя интуиция и здравый смысл подсказывают мне, что это связано с его одержимостью «Баттеркупом». Тео же признался в электронном письме, что здание для него настоящий магнит. Но как бы я не была помешана на чем-то, я бы не торчала где попало посреди ночи.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Уже забыла, сколько ночей провела на берегу Солт-Ривер?

Эта мысль пронзает мое сердце болью, как если бы это сделали острием копья.

Сюзанна внезапно поднимает на меня глаза.

— Ты в порядке, дорогая? Ты заметно побледнела.

В такие времена я мечтаю, чтобы у меня было лицо, которое не отображало бы весь спектр моих эмоций, как на неоновой вывеске. Обычно, когда меня переполняют чувства, я пытаюсь скрыть это смехом или саркастическими комментариями, но сейчас что-то заставляет меня сказать правду. Наблюдая за белыми волнами, я выдыхаю.

— После смерти мужа я бродила у изгиба реки, где развеяла его прах. Могла часами сидеть там одна. Бывало, даже целыми ночами. Просто сидела и слушала сверчков, смотрела за движением звезд по небосклону и разговаривала с ним. Я рассказывала ему все, что делала, как протекала жизнь, на какие новые фильмы ему обязательно захотелось бы

сходить. Прошло больше года, прежде чем я осознала, что не просто прибывала в трауре.

Мой голос падает на октаву.

— Я ждала, когда он вернется.

Встречаюсь с испуганным взглядом Сюзанны.

— Касса не было на тот момент уже четырнадцать месяцев, а я все еще не могла в это поверить. Именно тогда я пошла на психотерапию, потому что поняла, что мое сердце не может отличить реальность от красивой, давно умершей мечты.

Сюзанна выглядит раненной моим признанием.

— Ох. Дорогая. Это... — тихо шепчет она.

— Чертовски подавляюще, я знаю, — сухо чеканю. — Я посмешище, да? Извини, что вывалила все на тебя. Я сегодня сама не своя.

— Не опускай себя, — нежным материнским жестом она прячет прядь волос у меня за ухом. — Я даже представить не могу, через что ты прошла, — она колеблется секунду. — Ты все еще посещаешь психотерапевта?

— До переезда сюда посещала. Но если честно, Сюзанна, ни один разговор в мире не сможет изменить прошлое. Мы все застряли с нашими шрамами и печальными историями. Мне кажется, чем больше я говорила о своей боли, тем хуже становилось, как будто я расковыривала болячку, мешая ей заживать. Теперь я просто смирилась с тем, что все мои счастливые годы позади. Но все равно мне повезло больше, чем многим. Это то, в чем я убеждаю себя в плохие дни: в мире, полном недолговечных вещей, у меня есть любовь, которая будет длиться вечно. Несмотря на то, что Касса больше нет, наша любовь не умерла. Это дает мне силы жить.

— Ох, дерьмо, — она быстро моргает и размахивает около глаз руками, ее голос становится напряженным. — Из-за тебя я сейчас разревусь.

— Весьма удачно, что ты не накрашена, — улыбаюсь я.

Она снова обнимает меня и шепчет мне на ухо.

— Я так злюсь на себя из-за той ночи. Что выпила перед тем, как сесть за руль. Это было глупо и безрассудно, и мне очень, очень жаль...

— Ты прощена, — перебиваю ее. — Но если сделаешь так снова, я достану бейсбольную биту.

Мы отрываемся и улыбаемся друг другу. Затем она проводит пальцами по слезящимся глазам и расправляет плечи.

— Угроза применения силы?! Так и знала, что ты крутая, глядя на все эти класть-я-хотела-на-вашу-Барби фишки.

— Не особо понимаю, о чем ты, но это звучит нездорово.

Она вдруг замечает, что я держу в руке и светлеет.

— Эй, это «Медвежий коготь»? Обожаю!

— Ну конечно, — протягиваю выпечку ей. — Mazel tov.

— Что это означает?

— «Поздравляю» на иврите.

— Ты еврейка?

— Нет, просто дурачусь. Не парься, меня никто не понимает.

Единственный, кому это удавалось, мертв.

* * *

Мы с Сюзанной болтаем ни о чем еще пару минут, пока она пожирает мою выпечку.

Она ест так же, как и я — с удовольствием, не заботясь о том, что выглядит как человек с голодного фронта, который впервые за неделю увидел еду. Когда мы возвращаемся внутрь, она дает мне контактную информацию дизайнеров интерьера и уходит с обещанием испечь еще один лимонный пирог.

Тогда я остаюсь наедине с полным домом мужчин и нервозностью.

Мне хочется все-таки объясниться с Тео и выяснить, почему он оказался возле моего дома посреди ночи. Но ничего для этого не предпринимаю. Особенно сейчас, когда понимаю, что что-то к нему испытываю. Разряд электричества, вызванный простым прикосновением его пальцев к моей коже, — не совсем влечение. Касание вызвало что-то темное, более опасное. Как будто я стояла босиком в неглубоком бассейне, а он держал искрящийся провод всего в нескольких дюймах от меня.

У меня маловато опыта с противоположным полом, чтобы понять, нормально ли это. Касс был единственным мужчиной, с которым я спала. Когда ты любишь одного и того же человека с шести лет, ты закрываешь глаза на чье-то очарование.

Поэтому я поступаю как и любой разумный взрослый, столкнувшийся с неудобной ситуацией, с которой он не знает, как справиться, — избегаю ее. Я втихую забираю контракт и кофе со стола на кухне и прокрадываюсь наверх, чтобы спрятаться в своей спальне.

Пять минут спустя мой телефон информирует о входящем сообщении.

«На случай, если ты думала, что была незаметной, я видел, как ты улизнула».

— Конечно же, все он заметил, — брюзжу я сквозь зубы, читая слова Тео. Этот мужчина ничего не упустит.

«Просто ушла посмотреть контракт».

После нажатия кнопки «Отправить», Тео сразу же начинает печатать свой ответ. Когда я вижу три маленькие точки на экране телефона, указывающие на то, что он сочиняет послание, я в тревоге начинаю жевать ноготь большого пальца. Откуда-то я знаю, что любая его писанина заставит меня чувствовать себя еще хуже.

«Ты впервые солгала мне, Меган».

С неприятным ощущением в животе, я плюхаюсь спиной на кровать и смотрю в потолок. Мне слышно, как парни Тео разгуливают по дому, шаги мужчин отдаются глухим эхом, а их голоса не разобрать, и мне жаль, что я не могу услышать голос Тео.

Интересно, какой он. Жесткий, как выражение его лица, или мягкий, как его глаза?

Раздраженная собой, я закрываю рукой глаза и вздыхаю. Мне правда следует почаще выбираться. Может, даже стоит сходить на свидание с Крейгом. Поужинаю, мило побеседую, послушаю его болтовню. Пообщаюсь.

Я даже не буду думать, сколько времени трачу на размышления о Тео Валентайне, потому что реально много.

Телефон снова гудит.

«Я прогуливался по пляжу. В доме горел свет. Я увидел, как ты суетишься, а потом и дым, когда ты открыла окно».

Мое сердце бешено бьется, пока я сижу и перечитываю его смс. Потом отвечаю.

«Прогулка по пляжу в полночь?»

Пока жду его ответа с затаенным дыханием, мои ладони становятся влажными. Снаружи кричащая стая чаек пролетает мимо окон, облако проходит над солнцем. Внезапный порыв ветра заставляет стекла дребезжать.

«Плохо сплю. Дурные сны».

— У нас есть еще кое-что общее, — задумчиво бормочу я, изучая его слова. В порыве решаю признаться в этом.

«И я. Наверное, мне тоже стоит гулять перед сном. Обычно я просто ворочаюсь и кручусь».

Когда он отвечает, мои щеки краснеют от смущения. Темное, опасное влечение закипает у меня в крови.

«Я это понял по твоей кровати».

— Так вот почему ты так пристально изучал мою постель? — бухчу я, борясь с пальцами за контроль. Они жаждут выпытать из него больше, хотят написать что-то провокационное, что заставило бы его признаться, почему он так пристально рассматривал мои скрученные простыни и одеяла. Но мозг недвусмысленно намекает, что у этого конкретного скользкого склона есть бассейн с акулами-убийцами на дне.

В конечном счете, мозг побеждает.

«Спущу контракт через несколько минут. У меня есть кое-какие дела, так что я отойду на оставшуюся часть дня. Напиши мне, если тебе что-то понадобится».

Если я по глупости надеялась, что это поставит точку в разговоре, то ошибалась. Тео присылает ответ, который отправляет меня в начало — выбивает из колеи и заставляет подвергать сомнению все, лишь бы узнать больше.

«То, что мне нужно, нельзя уместить в сообщении».

Я закрываю глаза, наполненные страхом перед явной возможностью того, что вопрос о том, что именно нужно Тео Валентайну, будет расти словно рак в моем сознании, пока не поглотит меня.

ГЛАВА 14

В контракте Тео с виду нет никаких подводных камней. Я подписываю его и оставляю на маленьком столике в фойе, когда выхожу за дверь. Сегодня прекрасный солнечный день, но с большими, рыхлыми облаками, плывущими по небу словно куча гигантских шариков из ваты. По наитию, я решаю отправиться в Портленд присмотреть мебель.

Полтора часа спустя я оказываюсь на углу улицы в промышленной части города, созерцая груды щебня, она же бывшая штаб-квартира «Капстоун Конструкшн».

Крейг был прав — все это похоже на последствия ядерного взрыва. Или сначала пронесся ураган, а потом уже взорвалась бомба. Разрушение глобальное. Обуглившаяся оболочка нескольких кирпичных стен — единственное, что осталось от огромного сооружения. Почерневший скелет крыши покрывает груды металла, которые, как я полагаю, было различным оборудованием, но теперь все расплавлено или сожжено до неузнаваемости.

В квартале отсюда высокий металлический телекоммуникационный шпиль на вершине высотки весело поблескивает на утреннем солнце.

Мои знания о молниях получены из ежегодных июльских пустынных муссонов в Фениксе, начинающихся будто по часам, многие из которых отличались сильными грозами. Раньше я ненавидела оглушительные раскаты грома и блестящие, зазубренные белые молнии, которые раскалывали черное небо, но Кассу нравилось все это дикое величие и опасная красота.

Некоторые художники пытаются изобразить уродливые и забытые жизнью вещи. Касс

любил именно такую красоту во всех ее проявлениях, и чем непредсказуемей она была, тем лучше. Он был достаточно успешным живописцем, что отлично держало нас на плаву, пока я оканчивала аспирантуру, но еще он был одержим фотографией. Ему нравилось собираться со своими такими же помешанными фотографами в дождь, добывая идеальный снимок удара молнии, и многие из этих изображений украшали стены нашего дома. Даже атмосферные грозы Великих равнин не сравнятся с юго-западными пустынными штормами. Так что кое-что о молниях мне известно. Я знаю их непредсказуемость. И что они опасны. И мне известно, почему это происходит.

Молния хочет заземлиться. Она хочет отправить свой мощный электрический разряд в физический объект, а именно в землю. Причина, по которой она ударяет в высокие здания, такие как телекоммуникационные вышки или небоскребы, чаще, чем скажем, в человека в поле, заключается в том, что называют степенью воздействия. Иными словами, чем выше объект, тем больше шансов получить удар молнией. Например, металлический шпиль на высотке имеет больше шансов схлопотать разряд, чем плоская крыша одноэтажного здания поблизости.

Но вот она я, перед этим одноэтажным зданием, которое полностью разрушено, в то время как соседняя высотка стоит нетронутой.

Заставляет задуматься, не так ли?

— Нет, — громко заявляю я брюзжащему голосу в голове. — Ничего удивительного.

Да-да. Именно поэтому ты здесь. Потому что тут нет ничего удивительного.

Снова заставляю заткнуться саму себя и возвращаюсь в машину.

Портленд — красивый город, но движение здесь — отстой. Мне приходится кружить вокруг новомодного района с торговыми центрами в течение двадцати минут, чтобы найти место куда приткнуться машину, не заработав при этом штраф. Затем я бесцельно блуждаю по переполненным улицам с магазинами, надеясь, что меня что-то привлечет.

Единственное, что крутиться у меня в голове — это растущий список странных событий и совпадений, которые произошли с тех пор, как я перебралась в Сисайд.

Я — фанат всяческих списков. Мой мозг наслаждается порядком, планированием и чувством удовлетворения, которое приходит от выполнения вещей из списка дел. Но череда событий, о которых я думаю, складывающихся одна за другой, как свидетельство странной силы, ведущей меня прямо к Тео Валентайну, совершенно меня не устраивает.

Это просто смешно. Пустая трата времени и энергии. И все же...

И все же ты надеешься, что есть нечто большее, чем ничто, которое поглотило тебя пять лет назад.

— Не будь душой, — шепчу я, замерев перед небольшой художественной галереей.

Через окно видно большую красивую живопись. Это пейзаж, выполненный в смелых тонах. Косые линии фиолетового и индиго изображают горный хребет на заднем плане, его кончики зазубрены, как край охотничьего ножа. На переднем плане — сухое русло реки из полос грязно-желтого, переходящего в зеленый. Красные цветы венчают гигантский кактус карнегии на коричневом пустынном холме, который простирается далеко вдаль, заставляя глаз зрителя переместиться к блестящим белым вспышкам, разрезающим холст с грозowymi облаками над горами и земли в паутине неровных, раздвоенных линий.

Название картины «Счастливый удар», инициалы художника — Т. В.

Пытаюсь убедить себя, что ни название, ни инициалы ничего не значат, что сам пейзаж ничего не значит, но волосы на руках встают дыбом, а стук сердца отдает где-то в районе

горла.

Телефон оповещает о входящем сообщении.

«Для тебя груз. Мне расписаться за него?»

Тео. Я смеюсь, затаив дыхание, потому что, конечно же, это он.

«Да, пожалуйста. Экспресс-почта?»

«Нет, в названии что-то про грузовики и кратеры. Он большой».

Смешинки умирают у меня в горле. Мне приходится прислониться к окну галереи, потому что в коленках появляется внезапная слабость.

Прибыла транспортная кампания, которую я наняла, чтобы перевезти картины Касса из Феникса. Часть коллекции находилась в художественном хранилище, но несколько экспонатов были выставлены в холле местного отеля. Я договорилась с гостиницей, чтобы до конца года картины повисели у них, а затем перевозчики забрали бы сразу всю коллекцию и отправили бы все в Сисайд в январе. К тому времени ремонт «Баттеркупа» должен был приблизиться к завершению.

Но картины прибыли сейчас.

На три месяца раньше.

Утром я побывала в головном здании «Капстоуна», разрушенного необычным ударом молнии. А сейчас, пока я торчу перед художественной галереей и таращусь на пейзаж шорма в пустыне, прямо как на фотографиях моего покойного мужа, который написал художник с инициалами Т-гребанное-В, приезжает доставка.

В какой момент последовательность совпадений приобретает значение и складывается в нечто большее, чем случайность?

Убираю телефон в сумочку и направляюсь к машине. Внезапно мне хочется поскорее вернуться домой.

* * *

Когда я приезжаю, ребята обедают на веранде. В дополнение к Купу и рыжеволосому Тоби Тео привел двух здоровенных латиноамериканцев, скорее всего братьев, и одного высокого, жилистого парня с татуировками на обеих руках. Все они перестают жевать и смотрят на меня, когда я появляюсь в дверном проеме.

— Привет, ребята.

Куп и Тоби улыбаются, латиносы почтительно кивают, а жилистый парень машет и сразу же возвращается к своему бутерброду.

Тео смотрит на меня со слегка прищуренными глазами. Как и другие, он сидит на древнем садовом кресле, но каким-то образом ему удается сделать его похожим на трон.

Куп представляет мне неизвестных мужчин и спрашивает:

— Хочешь бутерброд с колбасой? У меня есть лишний.

Я еще ничего не ела, но совершенно не голодна. Желудок скручивают странные домыслы, чтобы он мог справиться с едой.

— Нет, спасибо. Как дела с проводкой?

Куп пожимает плечами.

— Для нас это проще пареной репы. Потому что мы потрясающие. Это ж очевидно.

Это выталкивает улыбку из моих сжатых губ. Перевожу глаза на Тео. Он все еще изучает меня этим оценивающим взглядом, как будто чувствует, что что-то не так.

— Где доставка?

— О, — выдыхает Куп, — мы попросили курьеров загрузить все в гараж. Подумали, раз

там пусто, а в доме будет полно грязи...

— Отличная идея, спасибо, — я уйду, прежде чем он сможет сказать что-нибудь еще. Спешу в гараж, игнорируя его испуганный взгляд и неустойчивое, пристальное внимание Тео к моему лицу.

Гараж отделен от основной части дома. Сооружение поновее, построено несколько десятилетий назад, которое может вместить три автомобиля. Вхожу через боковую дверь и нажимаю на выключатель. Вот он, в одиночестве на цементной подушке, большой сосновый ящик около полутора метров в высоту и двух с половиной метров в длину, с надписями «хрупкий груз» и «осторожно обращаться» по бокам.

Я подхожу к нему и складываю руки на вершине. Затем забираюсь на него, откидываюсь на спину и закрываю глаза.

Позже позвоню в транспортную кампанию, чтобы выяснить, какого хрена произошло, но мне необходимо время, чтобы собраться с мыслями. Мне нужно время, чтобы восстановить связь с этими реликвиями из прошлого.

Наверняка, ошибка служащих. Кто-то что-то просто натупил, вот и все. График сдвинулся, отель нашел другие картины, чтобы украсить свои стены, всему есть разумное объяснение. Все эти совпадения ничего не значат, Меган. Мысли трезво. С Тео это никак не связано.

Я ощущаю его присутствие еще до того, как открываю глаза. Он стоит в дверном проеме, притихший, но, тем не менее, осязаемый.

— Не обращай на меня внимания. Просто прилегла вздремнуть.

Шаги медленно приближаются. Я поворачиваю голову и встречаю его смущенным взглядом. Тео примерно на голову меня. Он изучает слова на боках ящика и возвращает свои темные глаза к моим. Его брови вопросительно взлетают.

Я вздыхаю и прячусь от его пронизывающего взгляда, рассматривая обнаженные деревянные балки на потолке.

— Тут вещи из старого дома. Не ждала их так рано, — из горла вырывается смешок, полный черного юмора. — Список вещей, которых я не ожидала, в последнее время растет в геометрической прогрессии.

Спустя секунду Тео уже поглаживает пальцем край ящика. Периферийным зрением я вижу, что его выражение лица стало задумчивым. Ему раздражает от любопытства, что спрятано внутри.

Я не собираюсь ему это говорить.

Да, я веду себя до нелепого суеверно и ненавижу себя за это, но еще одно странное совпадение мне не вынести. Если я скажу ему, что ящик полон картин, написанных маслом, а он пришлет мне смс, гласящую: «Эй, да я тоже художник!», у меня случится сердечный приступ и я умру на месте.

— Там... Эмм. Керамика.

Молчание. Не двигая головы, я скольжу глазами в сторону Тео.

С преувеличенной медлительностью он произносит губами слово «лжешь».

Я делаю вдох, сажусь, скрещиваю ноги под собой и провожу руками по волосам. Опираясь локтями о колени, опускаю голову в руки и снова закрываю глаза.

— Окей. Вот правда: это вещи, о которых у меня нет желания говорить. Это то, о чем мне больно думать, а смотреть на них будет еще больнее, — сглатываю. Все это произнесено хриплым голосом. — Там вещи моего мужа.

Я слышу, как он мягко выдыхает. Потом раздаётся звук скрежета ручки по бумаге и разрыва. И вот Тео мягко тыкает мой локоть. Я открываю глаз и вижу небольшой лист из записной книжки на своем колене со словами извинения.

— Не извиняйся. Не твой цирк. Не твои обезьяны⁷. Не переживай.

Он забирает бумагу, строчит на ней что-то еще и возвращает на мое колено. Там написано:

«Могу я что-нибудь сделать?»

Когда я поднимаю на него глаза, он заметно взволнован, его темные брови сдвинуты вместе, а уголки полных губ опущены.

— Лоботомию? Или вызвать внезапный приступ амнезии? Может, сможешь промыть мозги?

Он понимает, что я имею в виду, но резко качает головой в несогласии. Я получаю новую записку с яростными каракулями.

«Если хорошие воспоминания перевешивают плохие, то не стоит забывать прошлое».

Я прочитываю записку дважды, а затем сминаю лист бумаги в кулаке. Смахиваю с глаз слезы и шепчу:

— Я не хочу забыть его. Я хочу забыть, кто я без него.

И начинаю рыдать. Это просто невероятно.

Уродливый плач, потому что я не из тех счастливиц, которые могут хлюпать в носовой платок и выглядеть изысканно. Когда плачу я, это включает в себя непривлекательные звуки и большие вздохи воздуха, как у утопающего. И, конечно, происходят вздрагивания всего тела и сопли. Много соплей.

Большая, теплая рука прижимается к спине между моими лопатками. Равномерно, ободряющие мужчина похлопывает ею до тех пор, пока мои слезы не замедляются. Я пылаю от смущения, что сломалась перед ним. Тео одергивает руку назад, пока я вытираю глаза кончиками пальцев, а нос — рукавом.

Избегая его взгляда, спрыгиваю с ящика и изучаю мысы своих ботинок.

— Прости за это. Ладно... Пойду в дом, — мой голос теперь тонкий и подавленный.

Никто из нас не двигается. Руки Тео сжаты по бокам. Когда я переключаюсь на его лицо, оно заметно напряжено. Будто он пытается удержать себя от того, чтобы не притянуть меня в свои объятия, чтобы успокоить. На меня наваливается еще одна волна грусти.

Мое одиночество так сильно пульсирует внутри меня, что, вероятно, со мной случится охранный психический срыв, если он это сделает.

Одинокая слезинка соскальзывает из-под моего века и пробегает по щеке. Наблюдая за ее падением, Тео выглядит человеком, получившим удар ножом в живот. Я поднимаю руку, чтобы смахнуть ее, но Тео опережает меня и осторожно проводит пальцем по моей скуле.

Все мое тело электризуется от его прикосновения. Меня начинает трясти, дышать становится тяжелее. Медленно дыша, я осознаю тепло мужчины рядом, как хаотично его грудь поднимается и опускается, и ощущаю слабый запах мыла на его коже. Мы вглядываемся в глаза друг друга в потрескивающей тишине, мое сердце как дикое животное пытается вырваться из груди, словно из клетки.

Его рука дрожит у моего лица. Глаза полыхают волнением. Губы приоткрываются, он наклоняется ближе.

Вдалеке один из мужчин выкрикивает его имя, и магия растворяется так же быстро, как и появилась.

Тео одергивает руку, краснеет, разворачивается на пятках с плотно сжатой челюстью и насупленными бровями. Он вылетает из гаража, позволяя двери захлопнуться за ним.

ГЛАВА 15

Оставшееся время до конца дня Тео явно меня избегает. Если я появляюсь в комнате — он выходит. Если я смотрю в его сторону — он отворачивается. Что бы ни произошло между нами в гараже, это напугало его даже больше, чем меня. Он вернулся к хмурым и грозвым облакам, а я опять пребываю в недоумении.

Ближе к пяти вечера Куп докладывает мне об успехах в работе. Потом ребята уходят, Тео впереди всех. Я наблюдаю в окно, как он бросается к своему «Мустангу» и срывается с дороги на максимальной скорости, как будто участвует в Формуле-1.

Я всегда ненавидела тайны. В школе моим любимым предметом была математика из-за своей конкретности и уверенности, что каждый раз дважды два будет равняться четырем. В этом неизменном, доказуемом совершенстве есть своя красота.

Так что отсутствие стабильности и последовательности у этого мужчины, а также ситуации в целом, сводит меня с ума.

Вот почему я принимаю решение покончить с этим. Теперь между нами будут только деловые отношения. Его проблемы — не моя забота, а мои проблемы — не его. Для моей психики нежелательно ввязываться во что бы то ни было.

И неважно, насколько заманчиво это «что бы то ни было».

На следующий день я полностью игнорирую Тео. Занимаюсь своими делами, ни разу не взглянув в его сторону. К пяти часам от стараний не замечать его у меня начинает раскалываться голова. Когда мне кто-то звонит на мобильный, я отвечаю рассеянно, потирая лоб свободной рукой.

— Алло?

— Привет-привет, Меган. Это Крейг.

Дерьмо. Сегодня среда. Он звонит по поводу свидания. Я не потратила ни секунды своего время на обдумывание ответа с нашего разговора в понедельник.

— Привет, Крейг. Как дела?

— Будут лучше, когда ты сообщишь во сколько забрать тебя в пятницу вечером.

Мне приходится улыбнуться на это заявление.

— Ты сразу перешел к делу, не так ли?

— Я ни о чем другом не думал после того разговора. Скажи «да».

Теперь я громко смеюсь, потому что просто не смогла бы сама придумать лучше отвлечение от Тео. Я испытываю облегчение, что мне не приходится ломать голову, чтобы понять, что у мужчины на уме.

— Ну, не знаю. Я еще не определилась.

Теперь его очередь смеяться.

— Ну, все потому что ты женщина.

— Да неужели? Никогда бы не подумала, что дело в этом. Наверное, мой глупый женский мозг не смог сообразить.

Я пытаюсь быть кокетливой, но поскольку я полный ноль во всем, что требует девчачьих уловок, это скорее выглядит как обвинение. Крейг так быстро давит на тормоза машины, что я слышу визг шин по асфальту в трубке.

— Прости, я не хотел сказать, что ты глупая. Просто пытался быть милым. Очевидно, мне это не особо удалось.

Теперь мне приходится вздохнуть, потому что при таком темпе наш телефонный звонок обречен оставить оба наших эго в руинах.

— Нет, не извиняйся, я пыталась флиртовать, но в этом деле профан. Пора перестать притворяться, что хороша в остроумных репликах. Как правило, все заканчивается тем, что я заползаю под стол, чтобы спрятаться, так как чувствую себя дурой.

— Значит, я ничего не испортил, — облегчение в голосе Крейга очевидно.

— Пока нет, — говорю я с теплотой, что заставляет его снова рассмеяться.

— О, хорошо. Теперь я чувствую себя намного лучше.

Улыбаясь, я выхожу из кухни в гостиную, откуда смотрю во двор. Звук молотков, шагов и гул мужских голосов дрейфует сверху, где Куп с парнями работают над установкой нового электрического щитка. Местонахождение Тео мне неизвестно, но так как я все равно не обращаю на него внимания, это неважно.

— На днях я побывала у твоей бывшей штаб-квартиры, — в момент, когда слова покидают мой рот, я понимаю, как они звучат. Судя по радости в ответе Крейга, он считает также.

— Ты поехала в Портленд, чтобы посмотреть на мое сгоревшее здание?

Я закрываю глаза и качаю головой, мысленно награждая себя пинком.

— Мне нужно было кое-что купить, и... я обнаружила себя в том районе.

Теперь смех Крейга наполнен восторгом.

— Ты «обнаружила себя» в промышленном районе? Хм. Тебе, должно быть, пора сменить батарейку в GPS-навигаторе, — дразнится он.

— Боже, — стону я, — я похожа на сталкера. Клянусь, все было не так жутко, каким кажется.

— А мне нравится, как это прозвучало. Не жутко, а мило. На самом деле, думаю, тебе стоит признаться, что ты считаешь меня невероятно красивым и очаровательным, поэтому соглашаешься сходить со мной на первое свидание.

Я ошибалась. Его эго не будет задето ни одной моей хромой репликой. Можно проехать на танке по самомнению этого парня, но оно останется без единой царапины.

— На первое свидание? — чеканю в ответ. — То есть предполагается, что у нас будет больше одного?

— О да, — с полной уверенностью утверждает он. — Ты влюбишься в меня за ужином и будешь умолять, чтобы я снова тебя пригласил. К этому времени в следующем году мы будем спорить на счет цветовой гаммы в свадебных приглашениях.

Моя челюсть ударяется об пол. Затем, пораженная величиной его напористости, я начинаю угарать.

Крейг набрасывается на меня, как лев на газель.

— Или, может быть, ты уже влюблена в меня!

— Ты спятил, — бормочу я между вздохами. — Действительно спятил!

— Точно, ты от меня без ума. Это из-за моей прически, да? У меня такая густая, восхитительная шевелюра... Давай же, признавайся. Я жду.

Я смеюсь до коликов в боках. Не помню, когда в последний раз так веселилась, но Крейг и его супер-раздутое эго напоминают мне, как это делать.

— Да, Крейг. Само собой, я тащусь по твоим роскошным волосам. Ни одна женщина не

устоит!

— Ага! — победоносный крик. — Ты сказала «роскошные»!

— Я просто повторила твои слова.

— Нет, я сказал «восхитительные». Ты придумала совершенно другое прилагательное с совершенно другим корнем! Дело закрыто. Я тебе безумно нравлюсь. Во сколько мне забрать тебя в пятницу?

— Вот это да. Ты всегда такой?

— Забавный, очаровательный и чертовски сексуальный? Так точно. Всегда.

Мои глаза так сильно закатываются, что я, возможно, запросто могу посмотреть, что творится внутри моей головы. Все еще хихикая, решаю уступить.

— Хорошо, Крейг, валяй. Ужин в пятницу. Забери меня в шесть. И не заставляй меня пожалеть об этом. Я не была на свидании лет сто.

Тембр его голоса становится чуть ниже.

— Обещаю, что никогда не заставлю тебя жалеть о чем-либо, Меган. Увидимся в шесть вечера.

Он отключается, прежде чем я могу сказать что-нибудь еще.

— Ну, это должно быть интересно, — бормочу, недоверчиво качая головой.

Когда оборачиваюсь, то вижу в коридоре Тео, который таращится в пол.

— О-о, — пораженно протягиваю, заметив его. — Эм... Я тебе понадобилась для чего-то?

Не глядя на меня, он вытаскивает из кармана мобильный телефон и что-то набирает. С пикиканьем на мой сотовый поступает сообщение.

«На сегодня мы закончили».

— О, отлично. Окей. Что-то еще?

Тео поднимает взгляд и всматривается в самую глубину меня. Затем медленно отрицательно качает головой.

Что-то в его глазах вызывает во мне сильное желание подбежать к нему и обнять за плечи. Чувство настолько сильное, что мне приходится сдерживать себя.

Я уверена, что он подслушал мой разговор с Крейгом. Не знаю, как долго он тут торчит, но судя по выражению его лица, он что-то чувствует по этому поводу. По всей видимости, что-то не очень хорошее.

— Тогда, наверное, увидимся завтра, — шепчу я.

Он делает вид, что не слышит. Продолжает пялиться, затем резко разворачивается и исчезает в коридоре, громко топая ботинками по деревянному полу.

Я делаю вдох и прижимаю руку к сердцу. Но это не помогает остановить его безумного трепетания.

* * *

Сегодня я не могу заснуть сильнее обычного. Не смотря на решение иметь какие-либо отношения с Тео только по работе, мой разум работает словно колесо с хомяком внутри, снова и снова прокручивая каждый e-мейл, смс и записки, которыми мы обменивались, яростно пытаюсь найти что-то между строк.

В полночь я сдаюсь и встаю с постели. Оказываюсь у окна во внутреннем дворике и смотрю на океан, черный, как и небо. Ни единого ответа на эти крутящиеся в голове вопросы я так и не получила. Закрываю глаза и прислоняюсь лбом к холодному стеклу.

Касс. Как бы мне хотелось, чтобы ты был здесь. Я скукаю по тебе. Я люблю тебя. Я

все еще чертовски сильно тебя люблю.

Когда открываю глаза, на пляже в темноте появляется фигура.

Мое сердце начинает стучать быстрее, и я отшатываюсь от окна. Человека едва видно из-за темноты, но лунный свет рассеивается сквозь облака над его головой, набрасывая на него призрачное сияние, венчая темную голову ореолом белого. Кто бы это ни был, он стоит неподвижно и смотрит на дом, руки свободно болтаются вдоль его тела, ноги расставлены на ширине плеч. Я возвращаюсь к окну и прижимаю руку к стеклу.

— Тео? — шепчу.

Фигура делает шаг вперед.

Все волоски на теле встают дыбом. Руки дрожат, я начинаю паниковать.

Он никак не мог услышать, как я говорю, но я убеждена, хоть это и не поддается логике, что он каким-то образом почувствовал, как мои губы прошептали его имя. Сравнимо с моментом, когда мимо проходящий человек на улице кажется знакомым. Но не смотря на то, что вам прекрасно известно, что вы никогда с ним раньше не встречались, что-то подсказывает, что он не совсем незнакомец. Что-то в его глазах вызывает чувство deja vu.

Как будто мы виделись в прошлой жизни.

— Ты не веришь в судьбу, Меган. Ты не веришь в призраков, провидение, гадалок и прочую чушь. Ты рациональный, умный человек. И ты знаешь, он не чувствовал, что ты зовешь его по имени.

Правда? Попробуй еще раз и посмотрим, что произойдет.

— Продолжай приставать ко мне, ты, идиотский маленький голосок в голове, и я поднесу дрель к черепу, чтобы заткнуть тебя, — бормочу я.

Так бы наверняка сделал бы полный псих. Давай, проверь эту теорию, хуже не будет.

Выругнувшись, я отворачиваюсь от окна. Застонав от раздражения, вышагиваю по комнате с прижатыми к голове руками, чтобы они не взяли ближайший предмет и не швырнули его в стену.

— Я больше не буду произносить его имя. Не буду.

Трусиха.

— Пошел ты, голос! Просто катись в ад. Хватит с меня этого дерьма. Мы в реальном мире, я не сплю.

Так докажи это и произнеси его имя еще раз. Докажи, что он сделал шаг именно в тот момент, когда ты окликнула его чисто случайно. Посмотрим, как эта теория покажет себя.

— Я разговариваю сама с собой! — если что, я не кричу ни на что или кого конкретно. — Наконец-то это произошло! У меня совсем поехала крыша! С таким успехом можно приютить несколько десятков кошек и начать носить нижнее белье поверх одежды!

Или ты можешь просто подойти к окну, сказать его имя и разобраться с тем, что будет дальше.

— Нет.

Может быть, он в буквальном смысле писал «я всегда буду рядом»? Может быть, он покончил с прогулками по ночному городу и решил разбить лагерь на пляже перед «Баттеркупом»? И кстати, разве не странно, что транспортная кампания утверждает, что доставила картины Касса согласно заявленной дате? Что я сама указала ту дату, когда подписывала контракт?

Меган, ты серьезно хочешь сказать, будто считаешь, что это было очередное

совпадение?

Наматывая волосы на кулаки, издаю стон, будто меня ударили в живот.

— Совпадения ничего не значат! Это случайность!

Подойди к окну и докажи это.

Я выпускаю череду ругательств, которые заставили бы волосы моей матери скрутиться.

Затем подкрадываюсь к окну и вглядываюсь сквозь стекло.

Он все еще стоит на том же месте.

— Тео, — ровно произношу я.

Он делает еще один шаг вперед.

Я вскрикиваю, как будто вижу привидение, и второпях отбегаю, споткнувшись и чуть ли не упав по дороге.

Постарайся объяснить это, Меган. *Хотя никакая логика в мире не сможет рационализировать связь с Тео Валентайном.*

— У нас нет ничего общего, — шепчу с учащенным дыханием и вспотевшими ладонями. — Мы совершенно незнакомы. Он просто парень, которого я наняла восстановить свой дом.

Который стоит снаружи в полночь и шагает навстречу тебе каждый раз, когда ты произносишь его имя. Отрицание тебя совсем не красит. Перестань вести себя как сыкло и просто смирись.

Дрожа, медленно возвращаюсь к стеклу. Тео неподвижно стоит, всматриваясь в окно и скрываясь в тени. Я открываю стеклянную дверь, выхожу на балкон и хватаюсь за деревянные перила. Ночной ветер подхватывает мои волосы и раздувает их вокруг лица. С бешено бьющимся сердцем и трясущимися ногами, я встречаюсь с ним взглядом, сосредотачивая все свое внимание на слове, которое формирую в своем разуме.

Тео.

Он склоняет голову. Потом начинает трясти ей вперед-назад, прикрыв уши руками. Затем поворачивается и бежит вниз по пляжу. Через несколько мгновений его поглощает тьма.

Я опускаюсь на колени ватных ног и смотрю на пляж в то место, где он исчез, пока в глазах не расплывается настолько, что я больше ничего не вижу.

ГЛАВА 16

Когда у меня снова появляются силы стоять, я захожу внутрь на онемевших от шока конечностях. Так как теперь я точно не засну, прохаживаюсь по этажам «Баттеркупа», проводя долгие часы на задворках своего сознания.

К рассвету мой мозг превращается в спагетти.

Я принимаю душ и одеваюсь, ем маффин на завтрак и выпиваю чашку кофе, читая газету. Все это делается на автопилоте с минимальным уровнем понимания. Все остальные части моей операционной системы заняты мыслями о мужчине, который ничего для меня не значит, и невероятностью ситуации, в которой я оказалась.

Не. Возможно. Понять.

Куп с ребятами прибывают в восемь утра. Без Тео.

— Он сказал, что плохо себя чувствует, — извиняющимся пожатием плеч поясняет Куп. Значит, нас таких двое. Я ощущаю страх, облегчение и разочарование одновременно.

— Мы должны были закончить сегодня днем, но без Тео наверняка понадобятся еще сутки.

— Не торопитесь, — отвечаю, уже отворачиваясь.

Я хватаю ноутбук с телефоном и поднимаюсь вверх в свою спальню. Закрыв дверь, усаживаюсь на пол спиной к кровати, чтобы любоваться океаном, и запускаю компьютер. Затем отправляю Тео электронное письмо, потому что я вижу только два варианта решения данной ситуации: избегание и отрицание или встреча с проблемой лицом к лицу.

Хотя я до смерти боюсь, но борьба с этим лоб в лоб кажется лучшим выбором.

Кому: Theo@hillrise.com

От: Bowie4Evah@yahoo.com

Тема: Мне не до конца понятно

Вот немного радикальной честности для тебя: мне чертовски не понятно.

Я знаю, что это ты был на пляже. Еще один странный полуночный визит моего молчаливого друга. Врага? Мнимого друга? Кого? Что происходит?

Или я все это выдумала у себя голове?

Скажи мне правду или катись в ад. Хоть что-то объясни мне, Тео. Мне кажется, что я схожу с ума.

Пожалуйста, дай мне знать, что это не так.

После нажатия кнопки «Отправить», я начинаю ждать с болезненным ощущением глубоко в животе. Чувствую себя хмельной или под кайфом, как будто последнюю неделю провела, попивая вино за каждым приемом пищи. Когда он не отвечает сразу, я встаю и начинаю вышагивать по комнате.

Через тридцать минут звуковой сигнал оповещает, что у меня есть входящее письмо. Я так нервничаю, что маффин, который съела на завтрак, проситься наружу. Мне с трудом удается совладать с собой и щелкнуть на е-мейл дрожащими руками.

Кому: Bowie4Evah@yahoo.com

От: Theo@hillrise.com

Тема: Re: Мне не до конца понятно

Прости, что не смог прийти сегодня на работу. Я не очень хорошо себя чувствую. Буду завтра, чтобы все закончить.

С наилучшими пожеланиями,

Тео

На работу?

— Ах, вот оно что? — бормочу, возмущенная его безличной реакцией.

Этот ублюдок думает, что может скакать возле моего дома в середине ночи, выносить мою дверь; сваливать от меня в ресторане; газеть на меня словно больной каждый раз, когда наши глаза встречаются; вести себя, как псих в одну минуту и как потерянный щенок в следующую; заявлять, что из-за меня его раны нарываю, и заставлять меня чувствовать себя героиней плохой мыльной оперы, а затем отмахивается от меня, как будто ничего не случилось?

Этому не бывать.

Кому: Theo@hillrise.com

От: Bowie4Evah@yahoo.com

Тема: не смеши меня

Твое отстойное оправдание, что ты не пришел сегодня, я называю фуфлом. Ты хорошо себя чувствуешь, и мы оба это знаем.

На будущее, я ненавижу снисходительности. Наберись смелости сказать мне, что происходит или не утруждай себя возвращением. Куп вполне способен закончить работу без тебя.

Кому: Bowie4Evah@yahoo.com

От: Theo@hillrise.com

Тема: Re: не смеши меня

Я сообщу Купу, что ты предпочитаешь, чтобы он занимался делами с этого момента.

Ответ не занял у него и тридцати секунд. Теперь я не просто в бешенстве. Я съезжаю с катушек.

Поэтому посылаю ему единственное слово: «ТРУС».

Затем закрываю ноутбук и занимаюсь своими делами, убеждая себя, что в следующий раз, когда Тео Валентайн появится у моего дома посреди ночи, я позвоню в полицию.

И практически в это верю.

* * *

— А это центральный контроллер «Умного дома», на котором ты сможешь запрограммировать все устройства и домашнюю электронику, — объясняет Куп, указывая на маленький цифровой планшет, установленный на стене внутри кухонной двери. По комнатам в доме расположено еще четыре такие штуки, которые, как мне сказали, смогут сделать все, начиная от включения отопления и света до отправки сигнала тревоги на мобильный телефон, если система безопасности — которая еще не установлена — взломана.

— Как только закупишь новую технику, мы придем и позаботимся о программировании для тебя, — Куп улыбается. — Без дополнительной оплаты, конечно. А пока твой сотовый подключен к системе, так что ты можешь включать свет и открывать дверь гаража из машины по дороге домой, между прочим.

Впечатленная, я осматриваю экран интерфейса. Есть кнопки для ворот гаража, освещения, кондиционера, бытовой техники, аудио и охранной систем.

— Я могу включать систему каким-нибудь словом, скажем «Алекса»?

— Не проблема. Это легко интегрировать в систему. Все, что тебе нужно будет сделать, это сказать свою команду, например, «Алекса, включи свет в спальне».

— Класс. Это фантастика, Куп, но я не видела этого в смете. Как много нужно будет доплатить?

Куп медленно моргает.

— Нисколько. Это включено. Тео хотел, чтобы у тебя было все самое современное, так что... оно у тебя теперь есть.

Тео, который притворялся больным, чтобы не видеть меня, хотел, чтобы у меня было все самое лучшее. И не взял с меня за это денег. Полагаю, это имеет такой же смысл, как и все остальное.

Улыбка, которой я награждаю Купа, довольно-таки хрупкая.

— Тогда все в порядке. Приятно иметь с тобой дело, Куп. Подожди секунду, я выпишу тебе чек, — я поднимаюсь наверх за чековой книжкой из сумки.

Сегодня пятница, ребята закончили замену проводки пораньше, так что у меня есть час, пока эгоманьяк Крейг не заберет меня на ужин. Я была безжалостна к себе и не позволяла своему разуму задерживаться в Теоленде даже на секундочку, занимаясь интервьюированием дизайнеров интерьеров и исследованием их веб-сайтов для вдохновения. Поскольку мне было неловко встречаться с Крейгом, не сказав Сюзанне, я позвонила ей утром.

— О, ради Бога, — сказала она, вздыхая. — Мне стоило догадаться. Единственные парни, которые когда-либо интересовались мной, были либо женаты, либо маменькиными сынками, либо сидели в тюрьме.

Подробности я уточнять не стала.

Мы попрощались после того, как она стала требовать с меня обещание, что я позвоню ей и расскажу каждую грязную деталь после. Она заявила, что чужой секс лучше, чем его отсутствие. Я на это ответила, что никакого секса сегодня не будет. Точка. Из-за чего мне незамедлительно сообщили, что я тупее, чем кажусь.

Рассчитавшись с Купом и дождавшись, когда мужчины уйдут, я отправляюсь в душ. В моем гардеробе не хватает вечерних ансамблей, поэтому я надеваю платье, в котором была в ресторане «У Бугера» с Сюзанной. Крейг уже видел меня в нем, но другого у меня просто нет. К нему подбираю туфли на каблуках и симпатичный шарф. Накладываю несколько слоев туши, растираю каплю органического ванильного масла за каждой мочкой уха. И вот я готова к свиданию.

В общем, если ночь не закончится слезами, буду считать ее успешной.

Когда Крейг подъезжает к тротуару на дорогом серебристом спортивном автомобиле, я притворяюсь, что не подсматривала из окна у входа. Спешу на кухню, чтобы он не заметил меня по пути к входной двери. Через минуту раздается звонок в дверь. Хотя я знаю, что никто меня не слушает, произношу небольшую молитву, прося сил, чтобы справиться с сегодняшним вечером.

Открываю дверь и вижу Крейга с улыбкой, как у Чеширского Кота. Я удивлена увидеть его в черных брюках и стильном шерстяном пиджаке. Он словно собирается на собеседование. В каком-то смысле, полагаю, так и есть.

Мужчина осматривает меня сверху донизу и присвистывает.

— Прекрасно выглядишь, Меган.

— Ты и сам неплохо держишься.

— Я рад, что ты так думаешь. Я два часа суетился перед зеркалом, прежде чем приехать сюда.

Есть у меня подозрение, что он проводит часы перед зеркалом не независимо от того, будет у него свидание или нет. Но я все равно мило ему улыбаюсь, любуюсь блеском его недавно выбритой челюсти, золотыми волосами, которым, вероятно, потребовалось много лака или воска для достижения этого искусно взъерошенного эффекта.

Этот человек мог бы научить меня парочке фишек личного ухода. Если я не ошибаюсь, даже в его брови втерт гель. Слишком уж подозрительно идеальны эти дуги.

— Готова?

Радуюсь, что он не просится внутрь, киваю и закрываю дом на ключ. Тео без моей

просьбы установил новый дверной замок, за что я благодарна.

И я не думаю о нем, потому что ему запрещено появляться в моих мыслях.

Великолепно. Не прошло и двух минут с Крейгом, а твои мысли уже блуждают в сторону того-чье-имя-нельзя-называть.

Я поворачиваюсь к Крейгу с фальшивой улыбкой, уже зная, что вечер будет катастрофой.

* * *

Крейг повел меня, вероятно, в лучший ресторан в округе. Он в городе к югу от Сисайда и, очевидно, дорогой — с официантами в смокингах, молча скользящими вокруг, и пианистом, играющим тихую мелодию на небольшом рояле в дальней стороне зала. Мы сидим за столом со свечами у окна с видом на океан. Я стараюсь не слишком беспокоиться вкусом Крейга в музыке, с которой я познакомилась по дороге.

Ему нравится полька. Полька, мать вашу!

Помимо этого провала — ну и склонности доминировать в разговоре, о которой мне уже известно, — у него прекрасные манеры и легкость в общении. Он умный, вежливый, привлекательный и забавный. Не говоря уже о стиле и утонченности. Он тот тип мужчин, который мама любой женщины хотела бы видеть в качестве зятя.

— Почему ты так улыбаешься? — спрашивает он, когда хостесс приносит нам меню.

— Как «так»?

Он наклоняет голову, рассматривая меня.

— Как будто у тебя есть секрет.

— Мне просто интересно, — смеюсь я, — почему ты до сих пор одинок.

Он с явным удовлетворением откидывается на спинку стула, улыбаясь.

— Так ты думаешь, что я — отличный улов.

Я не хочу еще больше раздувать его эго, поэтому просто пожимаю плечами. Моя беспечность заставляет его запрокинуть голову и рассмеяться.

— Ты крепкий орешек. Ты знаешь об этом, Меган?

— Меня никто таковой не считал, так что нет. Не знала. Так что... спасибо?

— Это наблюдение, а не комплимент. Но если ты хочешь комплимент, то у меня десятков наготове.

Я вскидываю брови.

— О, у тебя заранее подготовлены комплименты женщинам? Я чувствую себя такой особенной.

Глаза Крейга вспыхивают.

— Не для женщин в принципе, — бормочет он. — Для тебя. Не буду точно признаваться, сколько времени я провел, думая о тебе, но достаточно много.

Мои щеки горят. Я пялюсь на белую льняную салфетку на коленях, взволнованная его взглядом с откровенным сексуальным подтекстом.

— У тебя это очень хорошо получается.

— Что?

Я снова поднимаю на него глаза. Теперь он склоняется над столом.

— Флиртовать.

Его губы изгибаются. Он моргает словно дебютантка, робкая как грех.

— Я?

— Ага. Ты. Но ты уже знала об этом. А еще очень привлекательная, загадочная и тебя тяжело раскусить.

Это заставляет меня смеяться вслух.

— Загадочная? Едва ли. Я открытая книга по сравнению с некоторыми.

С Тео Валентайном, например.

Я прячу прядь волос за левым ухом, молча проклиная себя за то, что вспоминаю Тео. Как будто он поселился в моей голове и тусуется там, ожидая случайной возможности крикнуть: «Эй, подумай обо мне!»

Крейг наблюдает за движением моей руки задумчивым взглядом, затем встречается с моими глазами.

— Хорошо, раз ты открытая книга, могу я задать личный вопрос?

У меня плохое предчувствие, но я все равно киваю.

— Ты сказала мне во время нашего первого разговора, когда мы обсуждали смету, что переехала сюда, потому что твой муж умер. Как давно это произошло?

Желудок резко скручивает. Я сглатываю и увлажняю губы.

— Пять лет.

— Почему ты все еще носишь обручальное кольцо спустя столько лет? — мягко любопытствует Крейг.

Я кладу руку на колени и прячу большой палец в ладони, крутя простым золотым ободком вокруг пальца. Я чувствую себя незащищенной и уязвимой. Мое сердце застряло где-то в горле.

— Ответ на это, вероятно, не то, что хотел бы услышать мужчина на первом свидании.

Теперь он действительно заинтересован. Его глаза ярко поблескивают.

— Мне действительно интересно. Пожалуйста.

Я делаю вдох, надеясь, что мой голос прозвучит ровно.

— Я не снимаю его, потому что все еще чувствую себя замужней. Я по-прежнему замужем. Просто мужа больше нет.

После паузы Крейг откидывается на спинку стула, кладет одну длинную ногу на другую, складывает руки на коленях и смотрит на меня, пока я не начинаю ерзать от смущения.

— А тебя предупреждали, что тебе не захочется это слышать...

— Но я рад, что ты мне рассказала. Но возникает другой вопрос.

Мне приходится проглотить стон.

— Какой?

— Если ты действительно так думаешь, почему ужинаешь со мной?

Я размышляю об этом долго и упорно. Мне не удастся найти ответ, который не будет звучать жалко или словно я использую его ради бесплатной еды, поэтому говорю ему правду.

— Потому что тебе невозможно сказать «нет».

— Боже, — морщится он, — ты выставляешь меня сексуальным маньяком.

Я выдыхаю воздух, который превращается в смех.

— Что-то пошло не так. Я имела в виду, что ты очарователен.

Он вздергивает лоб, ожидая большего. Очевидно, он не удовлетворен моей половинчатой попыткой спасти разговор, но я потеряла эти навыки и не в настроении стимулировать его самомнение.

Окидываю его оценивающим взглядом.

— Крейг, ты знаешь, насколько хорош. Половина женщин в этом ресторане

посворачивали себе шеи, наблюдая за тобой, пока мы шли к столику.

— Продолжай, — он безмятежно улыбается.

Невероятно.

— Еще забавный. И умный. И много других приятных вещей, которые я не буду перечислять, потому что ты и так безумно самоуверен.

Его смешок — это звук человека, источающего уверенность в себе, который обожает, как другие люди ему льстят. Меня это ужасно раздражает.

Уверенность в себе — это одно. Высокомерие — совсем другое. Пора сбить с него спесь.

— Так что происходит с твоей кампанией? Есть новости о судебном процессе?

Если я считала, что это вмятина в его эго, то жестоко ошиблась. Он отмахивается от моего вопроса, как будто отбивается от раздражающей мухи, и с легкостью переходит к разговору о делах.

— Мои адвокаты всем занимаются. Все разрешится само собой. Давай вернемся к тебе и к тому, почему ты на самом деле пришла на свидание со мной.

Я ненадолго закрываю глаза, желая, чтобы заблудившийся астероид пробил потолок и убил меня.

— Я только что сказала тебе почему.

Он наклоняется через стол и хватает меня за руку. Так резко, что я вскрикиваю. И почему у него такие холодные руки? Да у этого мужчины температура тела как у трупа!

— Меган, ты мне нравишься. Меня уже много лет так не привлекала ни одна женщина. Возможно, никогда.

Я приоткрываю рот для ответа, но все, что мне удастся выдать, это испуганное «э-э...»

Он так сильно сжимает мою руку, что я уже чувствую, как образуются синяки.

— И я просто хочу, чтобы ты знала, что я все понимаю.

Он пристально смотрит на меня. Мне ясно, что сейчас должна быть моя реплика, но я понятия не имею, о чем он говорит.

— Что, эм, понимаешь?

Он понижает голос и наклоняется ближе.

— Что никто не сможет заменить твоего покойного мужа. Очевидно, он занимает особое место в твоём сердце. Но я очень надеюсь, что ты дашь мне шанс. Я хочу узнать тебя получше, — его взгляд скользит вниз к декольте моего платья, а его голос на октаву снижается. — Я забронировал отель неподалеку, чтобы мне не пришлось возвращаться в Портленд сегодня вечером. После ужина мы должны сходить туда выпить.

Ах. Так вот оно что.

Он хочет пристроить свою тычинку в мой пестик.

И чем скорее, тем лучше, судя по тому, как он облизывает губы и таращится на мои сиськи. А мы еще даже не заказали закуски!

Сильно улыбаясь, я вынимаю руку из его ледяных лап.

— Прошу меня извинить, мне нужно в дамскую комнату.

Я не жду реакции на свою реплику. Просто встаю из-за стола, беру с собой сумочку, отворачиваюсь и ухожу.

Я сохраняю хладнокровие, пока не вхожу в туалет. Он оформлен в спокойных бежево-белых тонах, раковина украшена свежими цветами. Тут никого нет, поэтому я позволяю себе швырнуть сумку на бархатный диван у стены и крепко выругаться.

Я стараюсь не думать о Крейге плохо. В конце концов, он мужчина. У них есть потребности. И мы оба свободны. Он не делает ничего плохого, ясно выражая свои намерения. Но все было так... расчетливо. Так мелочно.

В отличие от всего, что я вижу в глазах Тео Валентайна.

— О, ради Бога, Меган, — бормочу я с отвращением к себе. — Хватит уже!

Я мою руки в раковине, затем медленно сушу их, оттягивая время. Я не хочу в туалет, но еще не подготовилась морально к интересному подходу Крейга в свиданиях. Мне так и не понятно, почему он не пригласил для этого Сюзанну. Он мог бы вообще обойтись без ужина и поехать прямо в отель!

Потом вспоминаю, что он назвал ее «очевидной», а меня «загадочной». И тут до меня допирает. Крейг любит вызов.

А для мужчины, которому нравится сложные задачи, секс на первом свидании в гостиничном номере с инвалидкой по флирту, которая все еще носит обручальное кольцо после пяти лет вдовства, это вероятно, какая-то игра на олимпийском уровне.

Я — Эверест, а он альпинист, нацелившийся на покорение вершины.

Хватит глупых метафор, Меган. Что ты собираешься делать?

— Просто переведу разговор на что-то другое. Заставлю его поговорить о себе. Вряд ли это будет трудно.

Проклятие. Я снова отвечаю голосу в голове.

Хорошо, что я отличный слушатель.

Официально заявляю: у меня едет крыша.

С раздражением хватаю сумочку с дивана, поворачиваюсь на каблуках и выбегаю из уборной.

И врезаюсь прямо в Тео Валентайна, который выходит из мужского туалета.

ГЛАВА 17

Воздух покидает мою грудь со слышимым хрипом от столкновения с Тео. Я роняю сумочку, спотыкаюсь и пытаюсь поймать равновесие на каблуках. Он хватается меня за руки до того, как я падаю, и прижимает к себе. К своему большому, твердому, теплему телу.

Затаив дыхание, я впиваюсь в него взглядом и поражаюсь чистым физическим удовольствием от близости. Каждая его частичка приковывает меня к себе, выжигая в моем мозгу эти ощущения: его лицо, запах, пульсирующую вену на шее. Его сильные руки, которые сжимаются вокруг моих бицепсов. Стук его сердца, который отдается в моей груди.

Дрожащий выдох сходит с моих губ, но в целом моя способность говорить потеряна.

Каждая дремлющая клетка моего тела пробудилась и стала кричать.

Мужчина делает вдох, раздувая ноздри. Не могу сказать в каком он состоянии — в ярости, шокирован или возбужден — потому что никто никогда не смотрел на меня так.

Затем он осторожно отдаляет меня от себя и отступает.

Тео одет в свои обычные выцветшие джинсы, сапоги и кожаную куртку. Черные волосы снова в полном беспорядке. Трехдневная щетина проступает на челюсти, глаза мрачнее тучи одновременно с дикой яркостью тысячи пылающих солнц.

Он такой красивый, что мне приходится приложить руку к стене, чтобы удержать баланс.

Тео разглядывает меня с головы до ног. С тем же успехом он мог бы проделывать это

своими руками. Меня начинает трясти. Во рту пересыхает. Кожа вибрирует электричеством. Не удивлюсь, если мои волосы встали дыбом, образуя корону вокруг головы.

Я, наконец, собираю остатки разума, чтобы произнести пару слов.

— Что ты здесь делаешь?

Не отводя от меня взгляда, он дергает подбородком в сторону бара.

Он не мог знать, что я буду здесь с Крейгом. Даже я не знала, куда Крейг поведет меня. Так что, если только он не преследовал нас, то это просто еще одно чертовски удивительное совпадение.

Тео поднимает подбородок в мою сторону, типо спрашивая: «Как насчет тебя?»

— У меня ужин с Крейгом Кеннеди.

Втягивание верхней губы легкое, но безошибочное. Этим своим действием он произвел неожиданный для меня эффект — сильно разозлил.

Я отталкиваюсь от стены и поднимаю сумочку с пола. Выпрямившись, смотрю на Тео уничтожающим взглядом.

— Оу, парню, который притворяется больным, лишь бы избежать встречи со мной, не нравится, что я на свидании? Как банально. Ты прав, Тео. У тебя проблемы.

Я пытаюсь проскочить мимо него и вернуться к столу, но прежде чем успеваю сделать три шага, он хватается меня за запястье и разворачивает обратно. Затем толкает меня к стене в маленьком коридоре, где туалеты отделены от ресторана двумя большими пальмами в горшках.

Наши тела полностью прижаты друг к другу. Мужчина вдавливают меня стену и смотрит в глаза. Когда Тео опускает взгляд на мой рот, сквозь его грудную клетку пробегает дрожь. Он выдыхает тихий, похожий на стон, звук, только мягче.

Мое сердце колотится так быстро, что мне становится дурно. Если бы человек мог воспламеняться, я бы уже сгорела.

Я шепчу его имя. Он вздрагивает, словно ему больно слышать это слово, слетевшее с моих губ. С выражением, будто не может никак себя остановить, Тео опускает голову мне на шею и глубоко вдыхает у моего горла.

Инстинктивно, словно кошка, которую гладят по спине, я выгибаюсь к нему и мурлычу.

Он выдыхает легким порывом. Его теплое дыхание обдувает мою шею, от чего нежная дрожь пробегает по всему телу. Малейшее прикосновение его губ к моей коже заставляет меня задыхаться.

Я.

Вся.

В.

Огне.

Тео поднимает голову и вглядывается в мои глаза. В его же можно разглядеть тоску и страдание, эту бездонную тьму, от которой что-то в моей груди тает.

— Почему я причиняю тебе боль? — быстро шепчу я, изучая его. — Почему мне кажется, что я тебя знаю? Почему ты повсюду, несмотря на то, что хочешь меня избегать?

Он кладет пальцы на мои губы, чтобы я замолчала. Он это делает рефлекторно, потому что сразу моргает и вскидывает брови, когда понимает, что творит. Тогда Тео словно не может оторвать взгляд от вида своих пальцев на моих устах. Он зачарованно смотрит, медленно двигая дрожащим указательным пальцем по моей верхней губе.

Я не могла бы пошевелиться, даже если бы захотела. Поэтому просто стою там с

закрытыми глазами, чувствуя каждый удар своего сердца, не зная, что произойдет после: упаду ли я в обморок, рассмеюсь или заплачу.

Я так жажду его поцелуя, что огненная буря прожигает мои вены.

— Если не хочешь отвечать, держись от меня подальше. Ясно? Я не могу... это... это уже слишком, — мой голос звучит тихо и хрипло.

Открываю глаза и смотрю на него. Он замер, уставившись на меня измученными глазами.

— Я сильная, потому что имею обыкновение осторожничать. Но из-за тебя я будто теряю рассудок. Ты заставляешь меня... Чувствовать. Разное. Всякие долбанные чувства, с которыми я не знаю, что делать, ясно? Я не собираюсь вникать во все эти... Тео, во все эти...

Задыхаясь, я борюсь с надвигающимися рыданиями, чтобы сказать это слово.

— Эмоции. Быть рядом с тобой все равно, что оказаться заживо подожженной, сброшенной с самолета, но пережить это ужасное падение, только чтобы после понять, что приземлилась в деревне каннибалов. Во время обеда!

Я отрываюсь от него и спотыкаюсь о пальмы в горшке, сердито отмахиваясь от паутинных листьев. Спешу вернуться к столу, прибыв одновременно с официантом. Крейг просто взглянув на меня, сразу понял, что что-то не так.

— Меган?

— Я в порядке, — опускаюсь на стул, беру меню и делаю вид, что просматриваю его, но единственное, что вижу — это лицо определенного человека, лупящегося на меня. Лицо со слегка изогнутым носом и шрамами, делающие его еще более привлекательным этими недостатками.

— Добрый вечер, — официант обращает на себя внимание. — Меня зовут Майкл, сегодня я буду Вашим официантом. У Вас была возможность ознакомиться с меню?

Крейг берет все в свои руки, чем заслуживает мою благодарность. Сомневаюсь, что смогу поддержать свою часть разговора в данный момент. Мое тело все еще находится в Теормоядерном режиме.

— Добрый вечер. Мы еще выбираем, а пока, будьте добры, для начала бутылку пино нуар⁸ «Сиа Смок» вместе с крабовым рулетом.

— Хорошо, сэр. Вино принесу прямо сейчас.

Он уходит, оставляя меня наедине с Крейгом, который пристально всматривается в меня поверх меню.

— Извини, — говорит он.

Вздрагнув, я поднимаю на него глаза.

— За что?

— За то, что расстроил тебя.

— Имеешь в виду свое предложение? — решаю уточнить.

— Нет, — он удерживает мой взгляд. — Об этом я не сожалею. Только о том, что ты почувствовала себя неудобно.

Краска заливает мое лицо. Я обращаюсь к меню за помощью, но Крейг так легко от меня не отстает.

— Я давно не был на настоящем свидании.

Мое фырканье как у рогатого скота, разлетается по всему залу.

— Я серьезно, Меган. В течение последних десяти лет все мое внимание было

сосредоточено на построении бизнеса.

— Пытаешься сказать мне, что придерживался целибата в течение десятилетия? — резко бросаю я.

— Я пытаюсь сказать, что женщины, с которыми я был, напоминают твою подругу Сюзанну. Легкодоступность и никаких обязательств. Меня все устраивало, потому что я не был заинтересован ни в чем долгосрочном. Но недавно я переосмыслил свои ценности.

Его взгляд серьезный, но искренний. Теперь я еще больше разволновалась. Не зная, как реагировать, начинаю поигрывать вилкой.

— Я скажу свою точку зрения и закончим этот разговор, потому что, судя по цвету твоих щек, он тебе не по душе, — он ненадолго замолкает. — У меня хреново получается делать все медленно. Я абсолютно нетерпелив. Не люблю терять время. И не люблю играть в игры. Я прямолинеен, но реалист. Ты всегда будешь знать, что происходит в наших отношениях, это я тебе обещаю. И прямо сейчас, могу сказать со всей честностью, что ты самая интересная женщина, которую я встречал за последние годы. Ты мне очень нравишься, и думаю, что я тоже нравлюсь тебе, но ты пока что не готова двинуться дальше. Так что не будем торопиться. Мы будем узнавать друг друга постепенно. Просто скажи, если я покажусь тебе властным, потому что я уважаю твои границы. Но во время этого я иногда могу совершать ошибки. Делать или говорить что-то, что ты сочтешь оскорбительным. Ты должна будешь просто сказать мне об этом. Прошло много времени с тех пор, как я хотел чего-то серьезного с женщиной. Мне не хотелось бы все испортить.

Я таращусь на него с открытым ртом. Через несколько мгновений все же собираюсь с мыслями.

— Я польщена. Честно. И ценю твою прямолинейность, — смеюсь коротким смешком неудобства. — Хотя, стоит признать, к такому нужно привыкнуть.

Крейг пожимает плечами.

— Мне нравится выкладывать все карты на стол сразу.

Вот бы и Тео обладал бы такой привычкой.

— Заметно, — бухчу я, удивляясь, как сильно надо мной любит шутить Вселенная.

С одной стороны от меня стоит супер-напористый альфа-самец с эго из твердой стали, который вручает подробности своих чувств на блюдечке с голубой каемочкой. С другой стороны — немой отшельник с таким же неустойчивым поведением, как и его психическое здоровье, предпочитающий вырвать себе все зубы, чем что-либо мне поведать.

Но я не удивляюсь. Моя жизнь перестала иметь смысл много лет назад.

Когда легкое покалывание растекается по моему позвоночнику, я смотрю на бар. Тео, распластав руки и локти поверх барной стойкой, снова на меня таращится. Его взгляд переключается на Крейга. И там и остается.

И ожесточается.

— Ты ничего не говоришь, — замечает Крейг.

— Ой, прости, я просто... — делаю глубокий вдох, затем встречаюсь взглядом с Крейгом. — Раз уж мы такие честные, мне тоже нужно кое-что тебе рассказать.

Крейг наклоняется ко мне и сосредоточено смотрит.

— Окей. Валяй.

— Видишь этого мужчину у бара?

Крейг хмурится и оглядывается направо.

— Какого именно?

— Черные волосы. Черная куртка. Вздымающиеся черные тучи над головой.

— А, Валентайн.

Я моргаю от удивления, что он знает Тео.

— Вы знакомы?

Крейг пожимает плечами.

— Пересекались несколько раз. Мы делаем предложения на одни и те же заказы. Я видел его на парочке конференций строителей. У него репутация странной птицы. А что?

— Он делал предложение на восстановление моего дома.

— Наняла его?

— Я попросила его команду сделать электропроводку после пожара...

— Пожара? — громко повторяет Крейг. — Какого пожара?

Я отмахиваюсь.

— Длинная история. Никто не пострадал. Я хочу сказать... — делаю еще один глубокий вдох. — Думаю, между нами что-то происходит.

Крейг вскидывает бровь.

— Что-то происходит? Хочешь сказать, что вы встречаетесь?

— Нет. И не собираюсь. На самом деле, я убеждена, что совсем ему не нравлюсь.

Он прищуривается и словно пытается прочесть что-то в моих глазах.

— Ничего не понимаю. Что же между вами происходит, если ты ему не нравишься и вы не встречаетесь?

Я вздыхаю, потому что из его уст это звучит бредом, чем в принципе и является.

— Поверь мне, я тоже этого не понимаю. Но... просто посмотри на него. Посмотри, как он на тебя таращится. Как бы ты это описал?

Крейг переводит взгляд в сторону бара. Спустя несколько секунд он мягко говорит:

— Я бы сказал, что он хочет оторвать мою гребаную голову.

— В точку!

Через мгновение Крейг шевелит губами. Затем смотрит на меня сверкающими глазами.

— Хорошо.

— Хорошо? Ты сказал «хорошо»?

— Ага.

— Ладно, теперь я в замешательстве.

— Это мужская тема. Неважно. Более важным вопросом является то, насколько серьезно эта ваше «что-то» между вами двумя. Другими словами, если у нас тут соревнование за твое внимание, кто впереди?

Я откидываюсь на спинку стула и смотрю на него.

— Боже. Ты — сама невозмутимость!

Крейг расплывается в улыбке.

— Спасибо. Это одно из моих лучших качеств. Ответь на вопрос.

— А еще ты любишь покомандовать, — я гримасничаю, словно съела лимон.

— Не одно из моих лучших качеств. Пожалуйста, ответь на вопрос.

— Нет никакого соревнования, — я стараюсь не смотреть в сторону бара, чтобы наблюдать за действиями Тео, хотя могу сказать по разрядам электричества, бегущим вверх и вниз по моим рукам, что он переместил свой взгляд от Крейга ко мне. — Как я уже говорила, не думаю, что нравлюсь ему.

— Но? — подсказывает Крейг, когда я слишком долго молчу.

— Но... думаю... — принимаюсь изучать скатерть, пытаюсь найти объяснение, которое возымеет хоть какой-то смысл. — Его тянет ко мне. И к «Баттеркупу». Против его воли.

Когда поднимаю глаза на Крейга, он задумчиво на меня смотрит, а его голова наклонена к плечу.

— Я слышал, что он попал в аварию.

Я киваю, жуя губу.

— Думаешь, что он опасен? Психически неуравновешен?

— Нет, — твердо отвечаю я, отвечая лишь на первый вопрос. Он определенно нестабилен, но это не то, о чем следует болтать с Крейгом. Не стоит допытываться почему, но некоторые секреты Тео я собираюсь хранить вечно.

— Как думаешь, возможно ли, что он нацелился на тебя? — с любопытством спрашивает Крейг.

Этот вопрос меня пугает.

— «Нацелился» на меня для чего?

Все еще тихим голосом, пристально в меня впиваясь, Крейг говорит:

— Ты молодая, красивая вдова. Одна, в новом городе, очевидно, с некоторыми финансовыми средствами, если можешь позволить себе отель «Баттеркуп Инн». Список заинтересованных мужчин вроде него может быть очень длинным.

Мне совсем не нравится, как Крейг сказал «мужчина вроде него», но я сама начала этот разговор. Поэтому не могу отступить.

— Нет, мне не верится, что он «нацелился» на меня. Честно говоря, я думаю, он был бы более чем счастлив, если бы я собрала свои манатки и никогда не возвращалась в этот город.

Крейг в этом явно сомневается.

— Точно. Он так тебя ненавидит, что может растопить лед своей ревностью. Да ладно тебе, Меган. Если бы кто-то вручил бы ему бейсбольную битку, он бы уже давно впечатал ее в мою голову.

— Почему ты так спокоен по этому поводу? — его самодовольная улыбка отвечает сама за себя. — Конечно. Потому что ты привык к зависти других мужчин.

Он хихикает.

— Ты так сказала, словно это плохо.

Прячу лицо в ладони, опираясь локтями о стол.

— Прости, мой мозг, по-видимому, сейчас в отпуске. Поболтай пока с моей салфеткой.

— У меня есть идея получше.

— Не могу дождаться, — постанываю я.

— Давай переговорим с ним и выясним в чем проблема.

Я в ужасе поднимаю голову и смотрю на Крейга.

— Нет.

Он сжимает подлокотники на своем стуле и приподнимается на несколько сантиметров с места.

— Уверена?

— Сядь, Крейг, — шиплю я, — пока я не приставила свой обеденный нож к твоим яичкам!

Тео выпрямляется возле бара. Он злится на Крейга за то, что тот расстроил меня, хотя он даже не знает причину моего огорчения. Интересно, где в жизни я ошиблась, чтобы сейчас торчать здесь, разбираясь с этими двумя?

— Полегче, тигрица, — хохотнул Крейг. — Я бы хотел сохранить свои яйца, если не возражаешь. Если дела пойдут так, как я надеюсь, они нам понадобятся.

Потом он наклоняется через стол, захватывает руками мое лицо и целует.

Задыхаясь от шока, я вовремя отстраняюсь, чтобы увидеть, как Тео отходит от барной стойки с опущенными бровями, сжатыми губами и полыхающими глазами.

Он направляется прямо к нашему с Крейгом столику. Между мужчинами происходит безмолвная дуэль убийственными взглядами.

ГЛАВА 18

В панике я вскакиваю со стула и наблюдаю за приближением Тео. Крейг понимает, куда направлено мое внимание, и выпрямляется в полный рост, поворачиваясь к «сопернику». Официант приносит наше вино, как только Тео подходит к нашему столику. Когда все в сборе, начинается самое неудобное в мире состязание по меренью пиписьками.

Тео и Крейг стоят лицом друг к другу, смотря глаза в глаза и прижимаясь грудь к груди. Они оказываются одного роста, но на этом любое сходство заканчивается. Во всех других возможных отношениях эти двое полные противоположности. Они день и ночь: один темный, другой светлый; один грубый, другой лощеный; один глубокий океан секретов, другой с душой нараспашку; один молчит, другой, наоборот, не затыкается, даже когда стоит.

Официант смотрит на меня, потом на двух ошетилившихся самцов. Разворачивается и уходит, не проронив ни слова. Нас окружают шепотки с соседних столиков.

— В чем бы ни была твоя проблема, дружище, может быть намного хуже, — напряженно чеканит Крейг.

Руки Тео по бокам сжимаются в кулаки. Он пристально впивается в меня глазами, в которых горит целая Вселенная.

Я медленно поднимаюсь, не опуская свирепого взгляда Тео, и подхожу к нему ближе. Упираюсь рукой в его широкую грудь. Его сердце стучит под моей ладонью.

— Тео, все в порядке, — успокаиваю его.

Низкое рычание покидает его легкие. Он обвинительно смотрит на Крейга.

— Да, он меня разозлил и поцеловал без моего разрешения. Спасибо за заботу, но я уже большая девочка. Справлюсь сама.

У Тео дергается левый глаз. Клянусь, если бы не моя рука на его груди, Крейг уже был бы грудой костей на отполированном деревянном полу.

— Что случилось, Валентайн? Язык проглотил? — ехидно бормочет Крейг.

— Заткнись, Крейг, — затыкаю его, лишь бы Тео не взорвался.

Это удивляет обоих мужчин. Они смотрят на меня, отвлекаясь от начала рукопашного боя.

— Вот что сейчас произойдет, — я нежно толкаю Тео. Это не сдвигает его с места, но я уверена, что смысл этого жеста ему понятен. — Ты отойдешь и возьмешь себя в руки, — перевожу взгляд на Крейга. — А ты сядешь и перестанешь быть придурком.

Когда никто не двигается, я ожесточаю свой голос.

— Быстрее, джентльмены!

Наступает длинная, тяжелая пауза, в которой Тео и Крейг просто тарашатся друг на друга. Тестостерон опасно потрескивает в воздухе. Затем Крейг улыбается, словно ведущий

игрового шоу, и занимает свое место. Он складывает руки на коленях, изображая спокойствие и невозмутимость, и поглядывает на Тео с вскинутой бровью, как бы говоря: «Твой ход, приятель».

Вибрируя яростью, Тео глубоко вдыхает. Его руки изгибаются, как будто зудят и желают свернуться вокруг горла Крейга.

Мне начинает казаться, что Крейг не такой умный, как он считает.

Но, в конце концов, Тео успокаивается, разворачивается на пятках и уходит. Я, наконец, выдыхаю, даже не понимая, что задерживала воздух в легких. Прикладываю руку к животу в тщетной попытке избавиться от чувства тошноты.

Наблюдая за ним, Крейг размышляет вслух:

— У тебя не особо большой опыт с мужчинами, не так ли?

Я фыркаю, изображая обиду, хотя его тон не обвинительный, скорее он просто высказал свое наблюдение.

— Это что-то должно значить?

— Это означает, что из всех чувств, которые твой друг Тео Валентайн испытывает к тебе, неприязнь определенно не является одной из них.

Крейг поворачивает голову и смотрит мне в глаза. Предупреждение в них вызывает у меня озноб.

— Будь осторожна, Меган. Самое опасное существо на Земле — человек с одержимостью. Нет предела тому, что он способен уничтожить в погоне за этим.

* * *

Можно было бы предположить, что после потенциально жестокой конфронтации ужин будет испорчен. Но Крейгу удается держать разговор на плаву, направляя его на менее подстрекательные темы, не связанные с его желанием попасть в мои трусики, или моим мертвым мужем, или неловким инцидентом с мускулистым немцем, который хотел его убить.

Происходит небольшая заминка, когда он пытается налить мне вина в бокал. Мне не хочется пить, поэтому я быстро отказываюсь, сообщая, что выпиваю только дома. Уверена, его разрывает от любопытства почему, но он ничего не спрашивает. Вместо этого просит официанта запечатать бутылку, сказав, что передумал и заберет ее с собой.

Он не делает ни глотка этого вина. Как по мне, то он поступил достойно.

Но уже к той минуте Крейг перестает для меня существовать. С каждой секундой мое желание увидеть Тео распространяется по всему телу, как лесной пожар. К моменту оплаты счета за ужин я практически чешусь от нетерпения.

На выходе я блуждаю глазами в поиске Тео у бара, но его там нет.

Крейг везет меня домой, непрерывно болтая под отвратительный ритм польки, орущий из его стерео. Он оставляет меня у входной двери, клюнув в щеку и пообещав позвонить.

Первое, что я делаю — скидываю каблуки и платье, после чего переодеваюсь в спортивный костюм. Затем босиком направляюсь на кухню и открываю бутылку вина. Подкрепленная стаканом жидкой храбрости, посылаю Тео сообщение.

«Земля в «Сумеречной зоне». Валяй, приятель со странностями».

Не проходит и тридцати секунд, как я получаю ответ.

«Он не принес тебе цветы».

В конце нет вопросительного знака. Это утверждение, а не вопрос, как будто ответ ему уже известен.

«Это не имеет никакого отношения к делу. Мы можем поговорить о том, что

происходит?»

«Он не принес тебе цветы. И смотрит на тебя как на кусок плоти. Он даже поцеловал тебя, потому что знал, что я наблюдаю. Он никогда не будет заботиться о твоём сердце».

Это его способ объяснить свои поступки? Делаю глоток вина дрожащими руками. Перечитываю несколько раз его писанину, пытаюсь решить, как лучше ответить.

Но я уже высказывала свои мысли. Он знает, что я сбита с толку и расстроена, но отказывается хоть что-либо мне объяснить.

— Я не могу этого сделать, Тео, — шепчу, читая его смс в последний раз. — Тут я умываю руки из этой чертовой неразберихи.

«Я отдала своё сердце давным-давно. С тех пор я уяснила, что некоторые открытые двери никогда не закроются. А двери, которые не могут открыться, никак не для меня».

Как я и предполагала, он хранит молчание. Его ответом становится тишина.

Тео Валентайн — это дверь, которая останется закрытой навсегда.

* * *

Вечер хандры в состоянии излечить только ведро мороженого и просмотр в постели старых фильмов. Несколько раз в течение ночи я чувствую, как меня тянет к окнам, но прижимаю подушку к лицу и дышу, пока желание посмотреть, нет ли Тео на пляже, не проходит.

То же самое происходит и в субботу. Обе ночи я сплю очень мало, но увиденные мною сны наполнены странными, тревожными образами.

В них я вижу свою свадьбу. Как иду по проходу к Кассу с букетом фиолетового душистого горошка в дрожащих руках. Но встречаюсь взглядом не с его небесно-голубыми глазами, когда он поднимает вуаль с моего лица, Они темные, как отражение луны на дне колодца, с плавающими тайнами и болью.

Еще я бегу по лабиринту высоких зеленых кустарников в лунном свете, следуя за кем-то, кого слышу, но не вижу. Шаги человека по влажной траве уверенные и быстрые, и с каждым поворотом я отдаляюсь от него все больше. В холодном ночном воздухе я выдыхаю белое облако, а сердце болезненно стучит, желая вырваться из груди. Я пытаюсь выкрикнуть его имя, но вместо этого горло покидает жалкий вой, похожий на печальный крик волчицы, ищущей свою потерянную половинку.

Мне снятся дети. Роддом с новорожденными, завернутыми в розовые и синие одеяльца. Я смотрю на них через окно, стучу кулаками по стеклу и кричу так громко, что пробуждаются призраки в радиусе километра.

Сны о денверских омлетах и лимонном пироге, о молниях в пустыне, о черных мощных машинах, проезжающих с ревом мимо меня на максимальной скорости.

И как часто бывает, мне снится кровь. Она просачивается в паутину трещин на асфальте, скользит по ладоням моих рук, тихо стекает по обнаженным бедрам во время моих рыданий. Я понимаю свою потерю еще до того, как гинеколог бормочет свои сожаления.

Я просыпаюсь, запыхавшаяся и потная, чувствуя, как будто что-то жизненно важное парит вокруг меня, чему я никак не могу внять. Когда звонит телефон, я все еще дезориентирована. Не глядя, отвечаю на звонок.

— Алло?

— Привет, Меган, это Сюзанна!

— О. Привет, — провожу рукой по лицу и щурюсь от яркого утреннего солнца, заливающее комнату через окна спальни.

— Боже, судя по твоему голосу, ты безумно рада меня слышать, — сухо тараторит она.

— Прости. Я только что проснулась. Который час?

— Семь тридцать.

— Почему ты звонишь мне на рассвете в воскресенье, Сюзанна? — я зеваю, срывая одеяло, чтобы переместиться в ванную.

— Хотела узнать, не хочешь ли ты сгонять со мной в церковь.

— Нет.

Она смеется.

— Ты не хочешь уделить обдумыванию моего предложения хотя бы миллисекунду?

— У нас с Богом некие разногласия, — невозможно оставаться друзьями с кем-то после того, как он убивает любовь всей твоей жизни. — Моя мама однажды сказала, что если на меня упадет тень креста, я превращусь в пепел. Не думаю, что она шутила.

— Да ладно тебя, там будет весело!

— Весело? Церковь и веселье не шли рука об руку за всю историю религии. По правде говоря, мне кажется, что в ней противозаконно все, кроме страдания.

Она снова смеется. По какой-то причине мое плохое настроение, кажется, радует ее.

— Вау, за этим заявлением стоит какой-то серьезный багаж! Но эта церковь отличается, обещаю.

— Пфф. Они раздают косяки в проходе?

— Ха-ха. Такое счастье, увы, нас миновало. Нет, они просто классные.

Я издаю шум, демонстрирующие мое мнение насчёт классности ее церкви.

Сюзанна хихикает.

— Ты завела огромное недовольное животное? Потому что тот звук был безумно похож на бородавочника.

— Откуда такой искушенный горожанин, как ты, знает, какие звуки издает бородавочник?

— Ты будешь удивлена тем, что мне известно, — таинственно шепчет она.

Могу сказать, что это сильное заявление.

— Хорошо, давай сыграем. Например?

— Например, Тео Валентайн поставил Купа во главу «Хиллрайз Конструкшн»... — она резко останавливается. — И покинул город.

Я так удивлена, что практически роняю телефон.

— Уехал? Когда?

— В пятницу вечером, согласно слухам.

— Куда? — мой голос настолько громкий, что эхом отдается от стен.

— Как будто Куп расскажет кому-нибудь, — бормочет она раздраженно. — Он почти такой же молчаливый, как Тео. Они словно братья. Но из дошедших до меня сплетен, Куп провел экстренную встречу с командой «Хиллрайз» вчера и сказал им не ожидать возвращения Тео в ближайшее время.

Слишком потрясенная, чтобы продолжать стоять, я плюхаюсь на крышку туалета и смотрю в пол. Меня ослепляют изображения боли на лице Тео, когда он смотрел на меня в пятницу вечером, и ярости, когда он смотрел на Крейга.

— Что еще?

Ее голос становится деловым.

— Нет, ты должна пойти со мной, чтобы я что-то еще рассказала, дорогуша. В

противном случае мой рот на замке.

Я углубляю вдохи, но смиряюсь.

— Договорились. Во сколько заедешь за мной?

— В час. И не надевай джинсы и футболку.

— Почему нет? С каких пор Богу не насрать на моду?

— Это дом поклонения, милочка, а не вечеринка в общежитии. Прояви к Господу уважение.

— Скажи ему, чтобы это нужно заслужить, — мрачно бормочу и вешаю трубку.

ГЛАВА 19

Когда Сюзанна звонит в дверной звонок, я захожу уже, наверное, на сотый круг по гостиной, едва ли не протерев дыру в дереве. Когда я открываю дверь, она быстро осматривает меня и одобрительно кивает на мои консервативные черные брюки и кашемировый свитер цвета слоновой кости.

— Классно выглядишь.

— Я выгляжу как чья-то секретарша.

— Ни одна секретарша не похожа на тебя, бомба. Перестать жаловаться и тащи свой зад в машину. Мы опаздываем.

Я закрываю входную дверь, и мы стартуем. Выдерживаю всего две минуты поездки, прежде чем начинаю приставать к ней с расспросами.

— Так... Что еще ты слышала о Тео?

Она искоса поглядывает на меня. Могу сказать, что она пытается не улыбаться.

— Почему ты так внезапно заинтересовалась Тео Валентайном?

— Я бы не стала называть это «внезапным», — когда она поджимает губы, я добавляю:

— Скажем так, он прилип ко мне.

— Точно. Как банный лист.

— Сюзанна, пожалуйста!

— Нет, серьезно, это занимательно. Ты перестала считать его засранцем и теперь умоляешь меня жалобными Бэмби-глазками рассказать подробности его отъезда. Очевидно, что что-то происходит.

Она останавливается и ждет от меня пояснений. Я понимаю, что не добьюсь от нее ничего, пока она не получит от меня желаемого. Сползаю ниже на сиденье и плююсь в окно.

— Ладно. Да, кое-что происходит.

— Что? — она так громко вскрикивает, что я подпрыгиваю.

— Господи, Сюзанна, нельзя ли потише?

Хихикая, она стучит кулаком по рулю.

— Я так и знала! Знала, что кто-то в конце концов доберется до него! Мне нужны все подробности. Ты с ним переспала? Ты влюблена в него? Подожди, нет, сначала вот что — у него большое хозяйство?

Она поворачивается ко мне с нетерпеливым выражением лица и горящими глазами. Как же мне хочется ей треснуть!

— Во-первых, ты сумасшедшая. Во-вторых, у нас ничего не было. В-третьих, никто ни е кого не влюблен. Мы просто... как бы... осторожно ходим друг за другом.

Она строит гримасу, которая, возможно, и была бы смешной, если бы так не бесила.

— О, как романтично. «Осторожно ходят друг за другом». Прямо как пара диких кошек!

— Я не знаю кто мы. Никто, — закрываю глаза, вспоминая Тео на пляже в темноте,двигающегося на шаг ближе каждый раз, когда я называла его имя. — Но что-то есть. Какая-то связь. Не могу объяснить, Сюзанна. Все, что я знаю, это то, что нас тянет друг к другу, и это сводит его с ума. Каждый раз, когда я рядом с ним, он словно из кожи вон лезет.

— Я же говорила, что ты ему нравишься, — самодовольно заявляет она.

— Хотелось бы мне, чтобы все было так просто, — затем рассказываю ей всю историю, начиная с нашей с Тео первой встречи в закусочной Кэла вплоть до свидания в ресторане с Крейгом.

Когда я заканчиваю, она какое-то время молчит с нахмуренными от раздумий бровями.

— Как я поняла по твоему рассказу, между вами невероятная химия, которая не радует вас обоих.

Я задумываюсь. Ситуация кажется слишком простой, хотя это не так.

— Полагаю, да. Да.

— И ты взяла и сказала Тео держаться от тебя подальше, потому что тебе некомфортно.

— Нет, я сказала ему держаться от меня подальше, если он не прояснит, почему ему так некомфортно.

Она смотрит на меня, вскинув бровь.

— Тебе когда-нибудь приходило в голову, что он чувствует себя не в своей тарелке, потому что не может говорить и у него не было отношений в течение многих лет?

Когда я ничего не отвечаю, она продолжает.

— Он попал в ужасную аварию, Меган. Мужчина пережил тяжелую травму. И насколько я понимаю, он был сильно обожжен...

— Обожжен? — вторю в ужасе.

— Ага. Тео был заперт в машине какое-то время, прежде чем его смогли вытащить. Наше видны небольшие шрамы, но кто знает какие отметины у него под одеждой? Самое простое объяснение его странного поведения в том, что он не уверен в себе. У него полюбому есть все эти физические и психологические шрамы. К тому же, он понимает, что уже не тот парень, каким был когда-то, а тут появляется девушка, которая переворачивает его мир... — ее голос смягчается. — Девушка с собственной травмой. Возможно, он думает о твоих интересах, пытаясь держаться подальше.

Неужели это так? Тео пытается защитить меня? Я размышляю над тем, как он вел себя в ресторане, когда увидел, что Крейг расстроил меня, и мне становится стыдно.

— Я сказала ему, что из-за него чувствую себя сумасшедшей.

— Что бы ты сделала, если бы он сказал тебе, то же самое?

Я проглотила внезапный комок в горле.

— Отстала бы от него.

— Ключевое слово — «отстала». Что он и сделал. И, похоже, теперь мы понимаем почему.

Я поворачиваюсь к ней с глазами по пять копеек.

— Не могу же я быть причиной, по которой он ушел! Мы даже ни разу не поцеловались! У нас было несколько странных разговоров, пара случайных переписок и смс, плюс одна или две неловкие ситуации! Никто в здравом уме не выйдет из бизнеса, не бросит дом, не уедет от друзей...

— Ты права. Никто в здравом уме. Но мы говорим о Тео Валентайне, дорогая. Этот

человек не в себе уже много лет.

Я стону и опускаю лицо в руки.

— Двигаемся дальше... Как прошло свидание с Крейгом?

— Он слушает польку! И слишком серьезно относится к маникюру. У него безумно холодные руки. А его это размером с континентальную часть Соединенных Штатов. Подозреваю, он считает, что когда женщина говорит «нет», она имеет в виду «да».

— Боже, ты сильная, — бормочет Сюзанна.

— Мы можем вернуться к Тео на минутку? Что еще ты хотела рассказать мне о том, что слышала?

Мы въезжаем на стоянку, и Сюзанна паркует машину. Она поворачивается ко мне с улыбкой.

— Ничего. Я просто хотела, чтобы ты сгоняла со мной в церковь.

Она открывает дверь, игнорируя мой гневный рык.

— Да ладно, сердцеедка, давай отведем тебя под тень креста и проверим, не наврала ли твоя мама.

Она хлопает дверью и уходит, не оставляя мне выбора, кроме как следовать за ней.

* * *

Я ожидала увидеть церковь со шпилем, типа той, что посещала каждое воскресенье в детстве, но вместо этого вижу здание, которое больше напоминает огромный магазин. Приземистое и непривлекательное, выкрашенное в болезненно бежевый цвет и не имеющее окон. Церковь в одиночестве стоит посреди газона, огороженного забором из проволочной сетки.

— Похоже на какой-то следственный изолятор для опасных преступников.

Шагая рядом со мной через парковку, Сюзанна смеется.

— Признаю, что особой визуальной привлекательности здесь нет, но обещаю, отсутствие красоты церковь компенсирует своей удивительностью.

Я морщу нос.

— Бее. Ты действительно свято в это веришь.

Сюзанна тянет меня за рукав свитера.

— О, как тяжело с людьми без веры.

Я налепляю приятную улыбку на лицо по мере приближения к группке людей, стоящих возле открытых дверей. Один из них — Куп, который прекрасно выглядит в темно-сером костюме.

Он замечает меня и усердно машет.

— Меган. Какой сюрприз!

— Привет, Куп. Я здесь по принуждению, — бросаю взгляд на Сюзанну, которая остановилась рядом со мной. — Эта девушка, кажется, слишком обеспокоена состоянием моей души, поэтому я тут.

Куп смотрит на Сюзанну. Одним быстрым взглядом он замечает ее обтягивающее черное платье, каблуки размером с небоскреб и ослепительную улыбку. Его щеки становятся пурпурного цвета, хотя у ее платья совсем скромное декольте. Сюзанна умеет себя подать и в любом наряде будет сексуально-привлекательной.

Очевидно, Куп это замечает. Он прочищает горло и принимается изучать безоблачное небо.

— Ну, это здорово, — хрипло тараторит он. — Мы всегда рады новым людям.

Интересно, смогу ли я отвлечь Купа на минутку, чтобы разузнать у него о Тео. Все мои идеи сходят на нет, когда Сюзанна дотрагивается до его руки.

— Жаль, что у вас с Кристин все так вышло, — шепчет она.

Мужчина переступает с одной ноги на другую, морща лицо и переводя взгляд с неба на туфли.

— Да. Спасибо за понимание.

О, боже. Звучит все не очень хорошо. Куп крутится, что совсем на него не похоже. Полагаю, Кристин — его бывшая жена. Моя догадка подтверждается при продолжении разговора.

— Как дети отреагировали?

— Держатся молодцом, — хрипит он, проводя рукой по своей непослушной светлой бороде. — С ними все будет в порядке. Они живут с матерью, пока мы не договорились об опеке.

— Пожалуйста, дай мне знать, если я могу чем-то помочь. Ты знаешь, я всегда протяну руку, Куп.

Она не пытается его завлечь, но лицо Купа принимает более глубокий оттенок красного при этих словах, словно он влюбленный подросток.

— Моет, пора зайти внутрь? — пытаюсь заполнить неловкую паузу.

— Да, служба вот-вот начнется.

Сюзанна отворачивается, но Куп не дает мне последовать за ней.

— Меган, можно с тобой поговорить? Это займет всего секунду.

Мое сердце трепещет. Я прекрасно понимаю, о ком он хочет пообщаться.

— Конечно. Сюзанна, я сейчас подойду.

Она пожимает плечами.

— Окей. Я сяду в первом ряду, слева. Найди меня, как закончишь.

Первый ряд. Я проклята.

Сюзанна улыбается Купу, тот кивает в ответ. Когда она отходит на достаточное расстояние, Куп берет меня под локоть и ведет в сторону входа. Мы останавливаемся в нескольких шагах от людей, заходящих через передние двери. Он начинает разговор без преамбулы.

— Тео уехал.

— Я знаю. Сюзанна сказала мне. В чем дело?

Куп мгновение всматривается в мое лицо. Его обычно яркие голубые глаза затуманены.

— Я надеялся, что ты мне расскажешь.

— Я?

Его пристальный взгляд встречается с моим.

— Тео был стабилен, пока ты не переехала сюда, — бормочет Куп. — Временами что-то происходило, но в основном он был стабилен. А однажды дождливой ночью в прошлом месяце он стучит в мою дверь, как сумасшедший. Никогда не видел его таким взволнованным. Он сказал, что ему необходимо выпить. Что не доверяет себе и боится делать это в одиночестве, а ему необходимо забыться. Когда я поинтересовался, что именно он должен забыть, он сказал: «Не что, а кого».

Мурашки начинают путешествовать по моим рукам. Сердце колотится где-то в горле.

— Я никогда не видел настолько измученного человека, — продолжает Куп, понизив голос. — А я служил в Афганистане. И видел, как у парней сносило крышу. Когда тебя долго

пытаются убить, твой мозг начинает закипать. Но это... это другое. Это напугало меня, Меган, а меня не так-то просто напугать.

У меня пересыхает во рту. Ладони потеют. Вокруг нас люди, которые болтая и смеясь входят в церковь, но все, что я вижу — лицо Купа. Слышу только его слова под аккомпанемент моего стучащего сердца.

— Итак, мы напились. В конце концов, он отключился на моем диване. Дрых как мертвец, даже ни разу не пошевелился. Я сидел и наблюдал за ним. Я боялся, что если он проснется один, то сделает какую-нибудь глупость. На следующий день Тео не захотел разговаривать. Не стал есть. Просто несколько часов просидел на диване с низко опущенной головой, обхватив ее руками. Я уже думал, что мне придется вызвать врача. Потом он внезапно встал в семь часов и ушел. Просто ушел, без объяснений. Я отправил ему сообщение: «Куда ты идешь?» Нет ответа. Несколько часов спустя он вернулся в худшем состоянии, чем был. Направился в мою кухню прямо к шкафу с алкоголем. Выпил бутылку «Джека» на одном дыхании.

— Это может убить лошадь, Меган. Но я позволил ему это сделать, потому что знал, если встану у него на пути — мне не поздоровится. Обычно Тео не вспыльчив, но в тот момент он был на грани. А потом снова вырубился. Следующим утром снова ушел, не сказав ни слова.

— Случайно, я завтракал в закусочной Кэла в тот день. Джин Маккоркл сказала, что она встретила милую молодую женщину двумя ночами ранее, которая купила отель «Баттеркуп Инн». А потом упомянула, что Тео тоже видел новую хозяйку отеля. И бросила вскользь, что ушел он явно не в себе.

Голос Купа падает еще ниже.

— Еще она поведала, что чуть ли не переехала Тео следующим вечером около дома Сэнди Андерсен. Она сказала, что остановилась всего в нескольких сантиметрах от его ног. Он появился из ниоткуда и до смерти ее перепугал. Но даже не поднял глаза. Позже я узнал, что ты была на вечеринке Сэнди... в тот же вечер, когда Джин Маккоркл чуть не сбила Тео.

У меня настолько учащенное сердцебиение, что мне трудно дышать. Я помню выражение лица Тео, когда он смотрел на меня из тени заднего крыльца Сэнди.

Всю эту враждебность в его глазах. Всю эту странную, тревожную жажду.

Куп проводит рукой по голове, поправляет галстук и делает глубокий вдох.

— Проходит пара недель и Тео превращается в разъяренного быка, которого приходится все время как-то успокаивать. На самом деле быка. Он был нервный, спал меньше обычного — что и без того было не так уж много — и стал выпивать. Что-то было не так, и это важно. Я не видел его таким долбанутым со времен аварии. Поэтому прижал его к стенке и сказал, что беспокоюсь за него. Знаешь, что он ответил?

Боясь того, что Куп скажет, качаю головой.

— «Как можно кого-то помнить, если никогда не встречал?»

Это поражает меня, я не могу ничего сказать. Мой разум формирует слово «что», но изо рта ничего не выходит. Язык онемел, как будто ледяная вода заструилась по моим венам.

Куп продолжает говорить. Он не замечает моей внезапной неподвижности или того, как вся кровь отхлынула от моего лица.

— Поэтому я сказал ему, что нельзя. Что это невозможно. Просто человек наверняка напоминает тебе какого-то знакомого. Он согласился с этим, но у меня осталось ощущение, что он так сделал, лишь бы я от него отвалил. Я надеялся, что на этом все закончилось, что,

возможно, у него был всего лишь трудный период...

Куп фокусируется на мне.

— ...но потом он вдруг сказал, — тихо продолжает он, — что мне нужно заглянуть к новому клиенту. Сказал, что не может сделать это сам, но не объяснил почему. Но Тео позаботился, чтобы я понял, что это не обычный клиент. Сказал, чтобы я убедился, что «Хиллрайз» получит этот контракт. Даже если нам придется работать бесплатно. Я чуть ли не рассмеялся над такой глупостью, но Тео был настроен чертовски серьезно. Следующим утром я обнаружил, что стучусь во входную дверь гостиницы «Баттеркуп»... остальное ты знаешь. И вот теперь Тео ни с того ни с сего уехал.

Куп делает паузу и пронзительно смотрит на меня.

— Ты приезжаешь в город, и что-то происходит с его головой. Он убежал по-любому из-за этого, так что это не совпадение.

Совпадение.

Опять это слово. Слово, которое я повторяю снова и снова, объясняя все, что касается Тео.

— Я знаю, что ты предан ему, Куп, — отвечаю дрожащим голосом. — Я не жду, что ты ответишь на мой вопрос. Но он сказал что-нибудь перед уходом? Что-нибудь обо мне?

Куп пристально вглядывается мне в глаза. Кажется, пытается что-то решить. Затем лезет в карман пиджака, достает сложенный лист бумаги и протягивает его мне.

— Он оставил это для тебя. Я понятия не имею, что это значит, но он сказал, что ты поймешь.

Я беру записку. Бумага ослепительно белая в ярком утреннем солнечном свете. Руки трясутся, когда я разворачиваю ее и читаю.

«Просите и воздастся вам, ищите и найдете. Стучитесь и дверь отворится перед вами».

Мир опасно начинает вращаться.

Куп был прав: я знаю, что это значит. Это седьмая глава, стих седьмой из Евангелия от Матфея, но не этим строфа необычна.

Я помню ее, потому она была набита на спине Касса.

Я слышу, как спрашиваю:

— Куп, как давно произошел несчастный случай с Тео?

Он странно на меня смотрит.

— Пять лет назад. Почему ты спрашиваешь?

По коже расползается огонь. Мне жарко. Дыхание учащается.

— Случаем... — мне приходится остановиться, чтобы набрать побольше воздуха в легкие. — Случаем, не помнишь дату?

— Помню. Семнадцатого мая.

Все переворачивается вверх дном.

Авария Тео произошла ровно пять лет назад, в день смерти Касса.

ГЛАВА 20

— Здравствуй, Меган. Это доктор Сингер.

— О, слава Богу! Спасибо, что перезвонили так быстро!

— Я был на встрече, иначе позвонил бы раньше. Ты показалась расстроенной в

оставленном сообщении. Что случилось?

Сейчас я в дамской комнате в церкви, куда сбежала, не сказав ни слова бедному Купу. Он, должно быть, считает меня душевнобольной. Сейчас вышагиваю туда-сюда рядом с раковинами, нажевывая ноготь большого пальца. Не смотрю на себя в зеркало, потому что боюсь того, что может скрываться в отражении моих глаз.

— Мне нужно Ваше честное, профессиональное мнение кое о чем.

— Конечно. Я слушаю.

Я прекращаю ходить, закрываю глаза и делаю глубокий вдох, чтобы успокоить бешеное сердцебиение.

— Я сумасшедшая?

Молчание доктора Сингера почти такое же громкое, как у Тео. Это заставляет меня нервничать.

— Скажем, по шкале от одного до десяти, где один — полностью здоровый, функциональный человек, а десять — смотритель гостиницы из «Сияния», который пытается убить семью, куда я попадаю?

— По моему профессиональному мнению, ты — два с четвертью. Возможно, два с половиной.

Вспотев от облегчения, я провисаю у раковины.

— Честно? Даже не тройка? Это ведь хорошо, правильно?

— В клинической психиатрии нет такой шкалы, но я так ответил, потому что ты бухгалтер. Я знал, что ты оценишь мою точность.

— Была бухгалтером. В моей прежней жизни. Которой больше не существует. Как и большинства мыслительных способностей моего мозга.

Я смеюсь. Звучит безумно. Прекрасно понимаю, что доктор Сингер говорит своим самым нежным голосом, как будто общается с пациентом с поехавшей кукушкой:

— Почему бы тебе не рассказать мне, что происходит?

Я снова начинаю маршировать, потому что от этого чувствую себя деятельной. Как будто хотя бы одну маленькую вещь в своей жизни я в состоянии контролировать. Не могу управлять своими мыслями, фантазиями или психотическим голоском в голове, шепчущим невозможные вещи о Тео Валентайне. Но совершенно точно могу вышагивать назад и вперед по этой ужасающе уродливой коричневой плитке.

— Гм. Блин. С чего начать? — на этот раз мой смешок нервный.

— Давай с самого начала.

— Окей, — у меня перехватывает дыхание. — Здесь есть мужчина.

— Ах.

Я перестаю ходить.

— Что вы имеете в виду по этим «ах»? Это очень важно.

— Могу я задать несколько вопросов об этом человеке?

— Ага. Спрашивайте.

— Он тебя привлекает?

Ой, блин.

— Я... я...

После того, как становится ясно, что больше я ничего добавлять не собираюсь, доктор Сингер заявляет:

— Признать это — нормально, Меган. Ты не предаешь память Касса, если находишь

другого мужчину привлекательным.

Я начинаю расхаживать с новой силой. Туда-сюда, стуча каблуками по плитке с трясущимися руками и влажными подмышками.

— Скажем так, он влияет на меня.

— Продолжай.

— Он... мы... Я постоянно с ним сталкиваюсь. Везде. И, эм, есть много вещей в нем... много-много вещей... которые как бы... напоминают мне... — я втягиваю воздух и глубоко выдыхаю, — Касса.

— Это абсолютно нормально.

Доктор Сингер звучит совершенно спокойно. Я же тем временем вот-вот рухну на отвратительную коричневую плитку и никогда не встану.

— Нормально? — кричу. — Это нормально, что незнакомец напоминает мне моего мертвого мужа?

— Помнишь наши беседы о том, что произойдет, когда ты начнешь с кем-то встречаться?

— Помнится, я говорила, что лучше буду кормом для стаи волков, чем начну с кем-то встречаться.

Доктора Сингер не обращает внимания на мой резкий тон.

— Действительно. И в течение пяти лет, будучи в самом расцвете сил, ты отказывалась даже смотреть на другого мужчину. Я говорил, что отказывать себе в возможном счастье нездорово. Если мне не изменяет память, твой ответ был: «Без Касса для меня нет счастья». Так что, не зная ничего, кроме того, что этот новый мужчина «влияет на тебя», могу предположить из того, что я знаю о тебе, Меган, что тебя просто охватило чувство вины.

На меня обрушивается холод, как будто меня облили ведром ледяной воды.

— Чувство вины? — шепчу я.

— Мы уже установили, что ты страдаешь виной выжившего. Тебе плохо, потому что мужчина, которого ты так сильно любила, погиб. Теперь, кажется, к нашему списку мы можем добавить вину за чувство нормального, естественного влечения к человеку, не являющемуся Кассом. Честно говоря, я удивлен, что это не произошло раньше.

Нет. Нет, это слишком просто. Слишком просто. Чувство вины не может быть объяснением всего, о чем я думаю и чувствую, всего этого безумия, бушующего в моих венах.

— Но... есть вещи, которые нельзя объяснить... Такие как «медвежий коготь» и душистый горошек, посаженный вдоль крыльца, а еще он знает, что я обожаю кофе! И там была эта картина с молнией, на которой были его инициалы, и он потушил огонь в моем доме... И денверские омлеты! Записка со строкой, как на татуировке Касса! Семнадцатое мая!

В этом нет никакого смысла. Я начинаю волноваться о докторе Сингере, потому что его тон меняется на суровый, который он использовал, настаивая в N-й раз на приеме антидепрессантов.

— Давай поговорим о твоих панических атаках. Были ли они у тебя после переезда в Сисайд?

— Да, — бормоча ответ, меня охватывает чувство, что меня полностью повергли.

— Я заметил. А кошмары? Бессонница?

Он явно доволен собой, придурок. Я начинаю скрипеть стиснутыми зубами.

— Хм.

— Буду считать это положительным ответом. И из того, что я понял из твоего перечисления, которые невозможно объяснить, у тебя все еще происходят эпизоды мистических домыслов?

О да. Печально известное мышление, наполненное всякой паранормальщиной, в котором мой мозг особенно искусен.

— Это другое, — жалко защищаюсь я. — Этот мужчина, он... слишком много всего произошло. Не похожее на совпадение. Это не может не иметь смысла. Или может?

— Меган, я хочу, чтобы ты внимательно выслушала меня. Ты пережила невероятно жестокую автомобильную аварию, в которой потеряла мужа. Он умер у тебя на руках. В день его похорон у тебя случился выкидыш — дитя, которое вы отчаянно пытались зачать — и чуть сама не умерла от потери крови. Впоследствии тебе сказали, что шансов на повторную беременность практически нет.

— Тебе был поставлен диагноз посттравматического расстройства и клинической депрессии, но ты отказалась от лекарств, которые помогли бы тебе справиться с ситуацией. Ты стоически и упрямо жила со своими страданиями, как ни один другой пациент, которого я когда-либо встречал. Ты не дала мне ни единого шанса за два года еженедельных сеансов помочь сделать даже самые маленькие шаги к твоему исцелению. Ты приняла свою боль, потому что альтернативой было отпустить ее... И в твоём сознании, отпустить боль означает отпустить Касса, ребенка и все, что ты потеряла.

— Теперь ты переехала в новый город. У тебя новый дом, новая жизнь. Тебя понравился другой мужчина. И поскольку ты не преодолела своего горя, единственный способ, которым твой разум может справиться с тем, что он воспринимает как предательство мужа — это попытаться убедить тебя, что этот другой мужчина — твой муж.

Доктор делает паузу, и особо подчеркивает следующие слова.

— Подсознательно ты веришь, что каким-то образом через какое-то мистическое сочетание событий Касс вернулся к тебе в теле другого человека.

Вот она. Уродливая правда, вытасченная из скалы, под которой я ее прятала.

Я не могу дышать от полной глупости этого.

Таким же мертвым, как и мое сердце, голосом, ворчу:

— Скажите, что мне делать.

— Для начала, запишись на прием к доктору Андерсу, как только мы закончим звонок. Я говорил с ним в начале недели, и он сообщил, что ничего о тебе не слышал.

Как будто издалека я слышу, как говорю «хорошо».

— И, пожалуйста, я хочу, чтобы ты начала прием «Эсциталопрам». Это не совсем лекарственное средство от депрессии, но оно поможет справиться с симптомами. Я также могу выписать что-нибудь от бессонницы. Тебе нужна помощь, Меган. В этом нет ничего постыдного.

Он терпеливо ждет, пока я назову ему название местной аптеки, чтобы он мог отправить им рецепты. Затем в пол уха слушаю, когда он разглагольствует о возможных побочных эффектах, инструкциях по дозировке, уровнях серотонина, бла-бла-бла. К тому времени, как он перестает трещать, я заметно измотана.

— Спасибо, доктор Сингер. Спасибо, что перезвонили.

— С тобой все будет в порядке, Меган. Обещаю. Твой звонок — это положительный знак того, что ты готова начать лечение. Посвяти себя терапии с доктором Андерсом, пожалуйста. Ты замечательная женщина. У тебя вся жизнь впереди. Так много всего, что

тебе еще предстоит. И помни, когда захочешь поговорить, я всегда буду рядом.

Я всегда буду рядом.

Да меня разыгрывают!

Еще раз благодарю его, прощаюсь и вешаю трубку. Поворачиваюсь, чтобы посмотреть на себя в зеркало. У меня дикие глаза, бледное лицо и я все еще дрожу. Думаю, доктор Сингер не до конца был честен, когда оценил меня всего лишь на два с половиной балла по шкале чокнутости.

Я все десять из десяти. Может быть, даже одиннадцать.

— Меган?

Легкий стук в дверь уборной заставляет меня отвернуться от зеркала с бьющимся сердцем.

— Да?

— У тебя там все в порядке?

Это Куп. Возьми себя в руки. Иди к нему. Постарайся вести себя нормально.

Я приглаживаю волосы руками, поправляю свитер, нацепляю фальшивую улыбку на лицо и направляюсь к двери. Открываю ее и вижу Купа, неловко топчущегося на месте и выглядящего обеспокоенным.

— Извини. Не хотел мешать. Просто пришел убедиться, что с тобой все в порядке.

— Ты должен сказать ей о своих чувствах, — бормочу я и сразу же хочу треснуть себя по лбу.

Куп в смущении морщит лоб.

— Кому? Что?

Ну, сказала «а», говори и «б».

— Сюзанне. Ты должен сказать ей, что к ней чувствуешь.

Теперь у нас с Купом одинаковое выражение лица — как у людей, которые вывесили свое постиранное белье на обозрение всего района. Оно выражает удивление и боль.

— Блин, Куп. Прости. Сегодня я сама не своя. Не обращай на меня внимание.

— Думаешь, она могла бы...? — он оставляет свой вопрос в подвешенном состоянии с глазами, полными надежды.

— Я думаю, она была бы душой, если бы не отреагировала.

Он выглядит смущенным. Засовывает руки в карманы и разглядывает туфли. Затем тихо бормочет:

— Я всегда... Она просто... Она слишком хороша для меня, вот, — его кроткий смешок полон застенчивости. — Никогда не мог набраться смелости пригласить ее на свидание в старшей школе. Потом начал встречаться с женой в выпускном классе, после чего мы второпях поженились. Появились дети...

Куп щурится вдаль. Затем пожимает плечами.

— Знаешь, всякие события...

— Все бывает, — говорю я мягко. — Никогда не поздно начать все сначала.

Жаль, что ты сама не следуешь своим советам.

Куп переводит свой взгляд на меня. Она выглядит обеспокоенным.

— Тео попросил меня присматривать за тобой. Сказал убедиться, что у тебя все хорошо. Но сейчас не похоже, что с тобой все нормально.

— О, Куп, — я тронута его заботой. — Мы со «все хорошо» в разных вселенных, но я справлюсь.

— Ты собираешься позвонить ему?

Теперь моя очередь смотреть вдаль.

— Я, вероятно, последний человек, которого он хочет услышать прямо сейчас.

— Поверь мне, ты единственная, кого он хочет услышать.

Удивленная пылкостью его тона, я перевожу взгляд обратно на Купа.

— Слушай, — говорит Куп. — Я не знаю, в чем, черт возьми, корень ваших проблем, но то, что нас ломает, может и собрать по кусочкам.

Если это правда, то все антидепрессанты мира не в состоянии мне помочь.

Меня переполняет грусть.

— Я велела ему держаться от меня подальше, Куп. И обозвала трусом.

— Ты это и имела в виду?

Горло сжимается. Горячие слезы покалывают в уголках глаз.

— Нет. Я просто... испугалась, наверное. Я напугана и растеряна.

Куп кладет руку мне на плечо в подбадривающем жесте.

— Позвони. Оставь сообщение. Напишите ему на электронную почту. Скажи то, что только что сказала мне. Пожалуйста, сделай это для меня в качестве одолжения. Думаю, это могло бы помочь.

Музыка разливается внутри святилища. Люди начинают петь, их голоса проносятся сквозь закрытые двери. Это гимн, который я хорошо знаю.

Когда я начинаю тихо и грубо посмеиваться, Куп спрашивает:

— Что смешного?

— Песня.

— «О, благодать», по-твоему, смешная?

— Мама пела ее на моей свадьбе.

— Ничего не понимаю, — хмуриться Куп.

Я вздыхаю, качая головой.

— Не бери в голову. Пошли внутрь, пока Сюзанна не отправила поисковый отряд.

Я сжимаю его ладонь, и мы проходим через пару двойных дверей в церковь. Здесь полно народу. Все дружно стоят и поют «О, благодать», что напоминает групповое прослушивание для реалити-шоу о церковных хорах. Я замечаю Сюзанну в первом ряду, быстро улыбаюсь и подкрадываюсь к ней.

За деревянным подиумом на большом ковровом возвышении стоит пастор — женщина лет пятидесяти с красивыми серебристо-белыми волосами. Когда гимн заканчивается, и все занимают свои места, она рассматривает толпу с видом безмятежности. Затем говорит голосом, который доносится до последнего ряда.

— Любовь не рождается из плоти. Она рождается от духа, и поэтому может выйти за пределы плотских уз, жизни и времени. Поэт Руми сказал: «Не печалься. Все, что ты теряешь, приходит обратно в другой форме».

Только когда каждая голова в комнате поворачивается ко мне и двести пар испуганных глаз фиксируются на моем лице, я понимаю, что меня раздирает маниакальный смех.

ГЛАВА 21

Когда я вырываюсь через внешние двери церкви, солнце исчезает за облаками и начинается проливной дождь. Я бреду домой босиком, держа туфли в руках. Чувствуя себя

мокрой и несчастной, игнорирую непрерывное жужжание мобильного телефона в сумочке и гораздо более громкое жужжание в голове.

Тео своей запиской отвечал на мое сообщение про закрытые двери. Цитата из Библии не имеет ничего общего с Кассом, как и гимн. Или проповедь. Или семнадцатое мая. Это все совпадения.

Да-да, конечно. А я — Элвис Пресли.

Заткнись.

Ты заткнись!

Я воспринимаю это как свидетельство ухудшения моей психики. Мой ворчливый внутренний голос раздвоил личности, и теперь они спорят друг с другом. Мистическое мышление вонзило щупальца в мой мозг. Неважно, сколько раз я буду себя убеждать в невозможности происходящего, что объяснение доктора Сингера похоже на правду и это мое горе устанавливает связи там, где их нет, моему сердцу на все это наплевать.

Мое слабое, глупое сердце. И мой бедный, сломанный мозг. Настоящее чудо, что с ними двумя я продержалась так долго.

К моменту возвращения домой, я получаю кучу сообщений на голосовую почту от Сюзанны. Не удивительно. Я выбежала из церкви, как будто меня преследовали горгульи. Приношу ей свои извинения, пишу, что плохо себя почувствовала, добавив шутку про тень креста. Потом вырубаю телефон, снимаю мокрую одежду и заползаю в кровать.

Я все еще там, когда окутанное облаками солнце погружается в океан, превращая комнату из серой в черную.

Черную, как *его* волосы. Черную, как *его* глаза. Черную как скукоженные остатки моего сердца.

Особенность депрессии — ее бремя. Это так чертовски тяжело. Каждый вдох — борьба. Каждый шаг дается с трудом и требует усилий. Это как передвигаться по мокрому песку. Гораздо проще лечь и позволить песчаным крупинкам заполнить рот, уши и глаза, чтобы они просочились в душу и уничтожили все небытие.

Всматриваясь во тьму и боясь дать себе волю, продолжаю мысленно прокручивать слова Купа.

То, что нас ломает, может и собрать по кусочкам.

Когда часы показывают 12: 02, я встаю с кровати, беру ноутбук и печатаю письмо.

Кому: Theo@hillrise.com

От: Bowie4Evah@yahoo.com

Тема: Сломанные кусочки

Дорогой Тео,

Когда мне было шесть лет, я влюбилась в мальчика. Он был умным, милым и самым добрым человеком на свете. Он стал моим лучшим другом. Когда мне было двадцать четыре, я вышла за него замуж. Три года спустя он умер, как и я во всех смыслах.

Я не знаю, кто я без него. Он был моей лучшей частью. Человек, которого ты встретил, — лишь оболочка, призрак в облике женщины с бьющимся сердцем и бегущей по венам кровью. Но мое сердце — камень, а в венах нет ничего, кроме пыли. Все внутри меня покрыто пеплом.

Не позволяй призраку выгнать тебя из собственного дома. Если это вообще то, из-за чего ты ушел. Мне трудно поверить, что я стала тому причиной, но что я знаю? Как

оказалось, абсолютно ничего.

Здесь живут люди, которые любят тебя. Тот же Куп, ну ты знаешь. Он хороший друг. Он поможет тебе выбраться из личного ада. Мой муж говорил: «Если ты проходишь через ад, продолжай». Думаю, он имел в виду продолжать идти, пока не увидишь свет на другой стороне. Мне хочется верить, что свет все-таки есть, но увидеть его практически невозможно. Ад такой чертовски большой...

Прости, что заставила твои раны нарываться. Если тебе от этого станет легче... я чувствую то же самое.

Важное признание: я — трусиха, не ты. Если бы у меня была хоть капля мужества, я бы положила конец пустоши страданий в моей жизни, но у меня нет сил. Я ненавижу себя за слабость. Быть или не быть. Что за вопрос? Глупый Шекспир.

Если ты вдруг подумал, не пьяная ли я, то нет. Просто немного устала. Я так устала пытаться разобраться во всей этой путанице. Моя точка зрения — ага, она у меня всегда есть — заключается в следующем.

Ты первый, кто заставил меня почувствовать себя живой за долгие годы.

Меня все это ужасает. Мой психотерапевт говорит, что мое влечение к тебе провоцирует во мне вину. Типа я предаю память мужа. Но, честно говоря, мне кажется, что мой доктор идиот. Я пробовала и пыталась поверить, что совпадения ничего не значат. Что жизнь — это просто одно большое дерьмовое проявление хаоса, что вера в судьбу, Бога и доброжелательную Вселенную — для сосунков, но вау! Встреча с тобой все изменила.

Но есть определенная вероятность, что я сумасшедшая, так что принимай комплименты с долей скептицизма.

Я заключу с тобой сделку. Ты не спрашиваешь о моем сумасшествии, а я не спрашиваю о твоём. Не спрашиваем, не рассказываем. Такая тема отлично работала для военных в течение многих лет. Так что это должно сработать и для таких психов, как мы.

Сегодня я видела наклейку на обратной стороне знака остановки, которая гласила: «Иногда следовать своему сердцу — значит потерять рассудок». Это заставило меня улыбнуться, прямо перед тем, как я разревелась.

Вернись, Тео. Если ты ушел из-за меня, то возвращайся. Один мудрый человек недавно сказал что то, что ломает тебя — единственное, что может вернуть к жизни. Если мы молотки друг для друга, может быть, у нас получится и быть друг другу клеем?..

Меган.

После нажатия кнопки «Отправить», на меня наваливается странное и подавляющее чувство облегчения. Я засыпаю, как только голова касается подушки. Мне ничего не снится.

Я резко встаю задолго до рассвета с покалывающей кожей, осознавая, что я больше не одинока.

Сидя в кровати, прислушиваясь к темноте. Тело начинает наполняться адреналином. Сердце бешено колотит, а руки дрожат. Я слышу только нежный стук капель дождя в окна и беспокойный гул прибора.

И...

Этот знакомый треск электричества, скитающийся по моей коже.

Он здесь.

Я не вижу его, но абсолютно уверена, что Тео где-то поблизости.

Я поражаюсь диким восторгом, от которого ощущаю легкость во всем теле. Как будто я

перышко, как будто в любой момент могу уклониться от законов гравитации и испарить до потолка, словно воздушный шар.

Какая-то часть меня ждала этого. В конце концов, я сама отправила ему клич. Произнесла заклинание тем письмом, которое знала, что сотворит магию. Оно приведет его ко мне, моего полуночного Валентайна, преследующего темноту за пределами моего дома и внутри моего сердца.

Трясущимися руками отодвигаю в сторону одеяло и выскальзываю из постели. Босиком выхожу из комнаты и спускаюсь вниз по лестнице с кричащими нервами, рев которых схож с громом у меня в голове. У подножия ступенек я останавливаюсь, положив одну руку на перила. Закрываю глаза и освобождаю разум.

Открываю глаза и смотрю на входную дверь.

И меня поражает вид этой закрытой двери. Не смотря на все наши загадочные разговоры о странных вещах, кое-что мы с Тео упустили.

Некоторые двери необходимо открыть изнутри.

Я пересекаю фойе, открываю замок, поворачиваю ручку и тяну...

И вот он здесь.

Весь мокрый и продрогший, стоит со склоненной головой и руками по обе стороны дверной рамы, а капли дождя стекают с кончика его носа. Голову облепляют мокрые волосы. Лужа воды мерцает вокруг его ног.

Он поднимает голову и смотрит мне в глаза. Его лицо влажное не только от дождя.

Он плачет.

Не говоря ни слова, я беру его за куртку и притягиваю в свои объятия.

Он вжимается в меня со стоном, яростно содрогаясь. Мужчина обнимает меня так крепко, что становится трудно дышать. Его одежда ледяная, но кожа горячая. Лицо же, прижатое к моей шее, просто огненное.

— Все в порядке, — шепчу я, обнимая. — Все будет в порядке.

Не могу сказать точно, кого из нас двоих я успокаиваю.

— Входи. Тео, спрячься от дождя. Ты весь мокрый. Давай я помогу. Позволь мне помочь.

Он неохотно позволяет мне провести его через дверной проем, отказываясь отпустить меня. Он словно испуганный зверь — голодный и боящийся оказаться в клетке, но отчаянно нуждающийся в пище. Я захлопываю дверь, и мы стоим в затемненном фойе, сжимая друг друга, дрожа и беспорядочно дыша, пока стук капель дождя не становятся сильнее и он не начинает звучать как град пуль по крыше.

Руки Тео зарываются в моих волосах. Он хватает их в большие горсти, окунается в них лицом и вдыхает. Когда он издает невнятный звук тоски, я снова мягко успокаиваю его.

Я настолько невозмутима, настолько безмятежна, что на мгновение это ставит меня в ступор. Я медленно понимаю, что тот же покой охватывал меня наверху в постели. словно моя душа наполнилась воздухом, и я ожила.

словно я наконец-то могу дышать, проведя огромное количество времени задыхаясь от безнадежности.

— Нам нужно высушить тебя. Ладно? Ты сможешь постоять здесь минутку?

Он делает глубокий вдох и кивает. Но Тео не делает ни шагу, чтобы отойти. Его руки по-прежнему остаются в моих волосах. Мне приходится аккуратно освободиться из его объятий. Я оставляю мужчину стоять там, как статую, смотрящую в пол, и спешу наверх за

толстыми банными полотенцами. По возвращении вижу, что он не сдвинулся с того места, где я его оставила.

Снимаю с него мокрую куртку и позволяю ей упасть на пол. Затем набрасываю одно из полотенец на его плечи. Когда накидываю другое на голову и начинаю нежно вытирать им его волосы, он закрывает глаза и вздыхает.

Время мира заключено в этом вздохе. По тому, как его плечи провисают, могу сказать, что его одолевают те же чувства, что и меня. Странное облегчение. Ноющее блаженство наконец-то отпустить то, что тебя грызло.

Мы молчим, пока я трепетно и нежно вытираю его лицо и волосы, как если бы он был ребенком. Его хрупкость такая неожиданная, его уязвимость настолько сильна, что я тронута до слез. Тео мог бы раздавить меня своими большими руками и мощными мускулами, но вместо этого эмоционально обнажен и позволяет мне заботиться о нем.

Его доверие разрушительно.

— Ты горишь, — шепчу я, морщась от беспокойства, когда касаюсь его лба. — Тео, у тебя жар.

Он прижимается лбом к моей ладони. Такой милый жест, такой интимный. Не могу удержаться: поднимаюсь на цыпочки и нежно прижимаюсь к его губам в поцелуе.

Тео захватывает мое лицо своими руками. Держа мой подбородок, он прижимается своим лбом к моему. Мужчина дрожит, но его руки пылают, как и все остальные.

Я снова его целую. Это нужда. У меня просто нет выбора. Его рот — это необходимый для выживания кислород, и мне уже на все наплевать. Кроме...

...его мягких, дрожащих губ.

...его низких, сладких стонов.

...его тепла и его вкуса, удивительной интенсивности того, как мне все это нравится, как быстро я становлюсь зависимой от ощущения его рта против моего.

Все исчезает. Дождь, ночь, каждая унция моих сомнений, любой страх перед будущим или что случится потом. Существует только сейчас. Сейчас и ничего больше. Только мы и этот момент.

Я стягиваю свою футболку через голову и швыряю ее на пол.

Тео тяжело вдыхает. Широко раскрытыми глазами он изучает мое тело, скользя взглядом по моей обнаженной груди. Он застывает, словно не хочет или не может пошевелиться. Мне приходится взять дело в свои руки. Я хватаюсь за край его мокрой рубашки и тяну ее вверх и над головой, мимо его подбородка, дергая сильнее, когда его руки проходят сквозь рукава. Рубашка и полотенце оказываются у нас под ногами.

Мужчина стоит передо мной с голым торсом, раскаленными, святающимися в темноте глазами, как у какого-то ночного животного.

Я прижимаю ладони к его груди. Кончиками пальцев прослеживаю шрамы, отметины и морщины плоти, эту дорожную карту древней травмы. Сюзанна угадала: он был обожжен, сильно. Левая сторона его тела от плеча до бедра — свидетельство несчастного случая, укравшего его речь.

Но для меня его шрамы прекрасны. Эти памятники боли красноречивей любых слов. Может это и извращение, но мне жаль, что у меня таких отпечатков нет. Хотела бы я посмотреть на свое тело в зеркале и подумать: «Да. Вот они — физические доказательства моих страданий. Все происходило не просто в моей голове, потому что боль вырезана на моей коже, как гравюры на стекле».

Но нет. Все мои раны внутри, спрятаны там, где не затянутся во веки.

Я прижимаюсь с поцелуем к его груди, прямо над его пульсирующим сердцем. Затем откидываю голову назад и встречаюсь с его горящим взглядом.

— Меня не волнует, что мы сумасшедшие. Благодаря тебе я снова верю, что все, во что я перестала верить, может существовать. Ты даешь мне веру, Тео. Пока я не потеряла ее, я и не представляла, как сложно без нее жить.

Его веки закрываются. Он медленно выдыхает. Затем открывает глаза, берет меня на руки и направляется к лестнице.

Играючи, он перепрыгивает через две ступеньки. Я цепляюсь за его сильные плечи, рассматривая его профиль с абсолютно чистым разумом, где ворчливый голос, к счастью, милостиво помалкивает. Добравшись до спальни, Тео подходит к кровати. Затем укладывает меня на матрас, опускается на колени рядом с постелью, скользит одной рукой под меня, а другой обвивает мои бедра. Голову опускает мне на живот.

И просто дышит.

Я касаюсь его влажных волос, провожу пальцами по прядям. В это время дождь скатывается по стеклам окон длинными серебристыми тропинками, похожими на слезы.

Тео поворачивает голову так, что его губы прикасаются к моему животу. Он быстро и тихо ими двигает, словно читает молитву.

Только когда я чувствую скользкую воду по моим вискам, я понимаю, что плачу.

Тео поднимает голову и смотрит на меня. Его глаза так же сильно полыхают, как и его кожа.

— Пожалуйста, — шепчу, не зная о чем прошу.

Все еще находясь на коленях, он подтягивается, захватывает мое лицо в ладони и нежно целует. Это благоговейный поцелуй, мягкий и целомудренный. Во всяком случае, он такой сначала. Тео колеблется, когда его губы едва касаются моих, пока я не оборачиваю руками его шею и не притягиваю ближе.

Я прижимаюсь к его телу и засасываю его язык в рот. Желание пронзает меня, как детонация.

Звук удовольствия раздается из глубины его горла, а пальцы Тео наматывают мои волосы.

Снаружи громыхают раскаты грома. Волны ударяются о берег с диким, мощным звуком, который соответствует биению моего сердца.

Губы Тео исчезают, но я снова ощущаю их на нежной коже моего внутреннего бедра. Их жар шокирует. Он ласкает это место, заставляя меня ахнуть, когда он прикусывает меня.

— Тео. Тео.

Его имя звучит как мольба под шум барабанищего дождя. Мужчина скользит пальцами за пояс моих шорт, а затем медленно их опускает вместе с трусиками мимо бедер и вниз по ногам. Его большие, грубые руки проносятся по всему моему телу. По их пути следуют губы.

Грудь, живот, бедра, шея — трясущиеся руки и жадный рот Тео обводят контуры моего тела. Я дрожу с закрытыми глазами и распухшими губами, пытаюсь втянуть воздух, пока он пожирает меня. Когда его рот добирается мне между ног, я выпускаю низкий, гортанный стон, который заставляет мужчину вонзить пальцы в мою задницу.

Как и горе, удовольствие находит волнами. Оно возвышается, отступает и снова возвышается, пока не обрушивается. Можно либо всплыть, либо потонуть. Я каталась на волнах высотой в километры, наполненных горем, видя лишь бесконечную линию волн,

ожидающих скручивания, прежде чем свалиться и заново начать движение, поэтому мне известно, каково это — падать вниз.

Чего я не ожидала, так это удовольствия, которое превосходит высоту и силу волн печали. Я не ожидала, что с радостью перестану барахтаться в воде, желая утонуть.

Когда мои ногти впиваются в его плечи, из моего горла вырывается крик капитуляции, и я бьюсь в конвульсиях, охваченная вспышкой яркого, горячего удовольствия, ощущающейся между ног. Я полностью погружаюсь в свое наслаждение. Это похоже на смерть — больше ничего нет. Пустота.

Затем Тео опускает свое обнаженное тело на меня. Каким-то образом он умудрился раздеться. Должно быть, это произошло, когда я медленно умирала и возвращалась к жизни.

Он горячий, мощный, но трясется как осиновый лист, и мне все это нравится. Мне нравится, что происходящее так же важно для него, как и для меня, что он чувствует импульс и силу удара молнии между нами так же глубоко, как и я.

Я обхватываю ногами его бедра. Тео прижимается лицом к моей шее. Все это так же естественно и легко, как и дыхание. Одним рывком его член проскальзывает внутрь меня, отчего мы оба стонем.

Как и его поцелуи, все начинается нежно, но быстро разгорается, превращаясь в страсть. Мы оба неистовые, жадные и безумные, дикие от потребности. Я встречаю каждый толчок его бедер своим собственным, притягивая его за задницу, чтобы погрузить как можно глубже. Прекращая противиться, он поднимается на руки и запрокидывает голову назад. Я поджимаю колени к его талии и с удивлением осматриваю его точеное тело, мышцы которого сжались и напряглись, основание горла побледнело от луча лунного света, просачивающегося сквозь облака.

Он стонет, замявшись.

— Что случилось?

Опустившись на локти, он опирается на меня и прижимается к моей шее. Он протягивает одну руку между нашими телами и расплющивает ее на моем животе. Затем поднимает голову и задает глазами немой вопрос.

— Не переживай, — шепчу я, понимая. — Я не могу... мы в безопасности.

Мы оба знаем, что говорим не о болезнях.

Он обнимает мое лицо и целует, вдыхая в поцелуй всю свою печаль.

От этого у меня снова начинают литься слезы. Мне тоже жаль. Жаль то, что я потеряла и то, чего больше не могу. Жаль, что если Тео включал в свою жизнь планы на отцовство, то это по умолчанию означает, что его жизнь исключает меня.

Он целует мои влажные щеки с нежностью, и мне кажется, что я могу разбиться вдребезги. Затем смотрит мне в глаза, снова начиная двигаться небольшими, совершенными толчками, которые вскоре заставляют меня задыхаться.

Все сужается до пространства между нашими лицами. Комната исчезает, как и шторм снаружи, как и любой последний клочок моего сопротивления.

Я перехожу через грань раньше него. Мои глаза закрываются, голова откидывается на подушку, тело выгибается против его. Как будто издалека я слышу, как выкрикиваю его имя. Он набухает и пульсирует внутри меня, хрипя все быстрее и быстрее, пока звуки не сливаются, чтобы стать одним длинным, колеблющимся стоном, в то время как все его тело напрягается.

Он взрывается внутри меня горячим, пульсирующим всплеском, как молния разрывает

неровным белым шрамом полуночное небо. Моя душа поет песнь воскрешения.

ГЛАВА 22

Утром, открыв глаза, я вижу чистое небо.

Тео ушел.

В стакане с водой на тумбочке стоит пучок фиолетового душистого горошка.

Я неподвижно лежу в постели и долго смотрю на цветы. Слушаю, как разбиваются волны и крики чаек, чувствую пульсацию и болезненность во всем теле. Впервые за долгое время мой разум ясен и спокоен.

Сажусь и подношу стакан к носу, вдыхая сладкий медовый аромат. На дворе октябрь. А значит не сезон душистого горошка, но почему-то букет оказался в моей спальне.

Я не буду спрашивать откуда.

Не спрашивать, не рассказывать. Такова договоренность.

Словно находясь во сне, я поднимаюсь, принимаю душ и одеваюсь. На кухне меня ожидает свежесваренный кофе. Еще один сюрприз от Тео. Улыбаясь, наливаю себе кружку и всматриваюсь в чернильную жидкость, вспоминая его руки на моей коже.

Когда звонит телефон, я подплываю к нему на седьмом небе от счастья.

— Алло?

— Здравствуйте, это мисс Данн?

— Миссис Данн, — мечтательно поправляю я. — Кто это?

— Я звоню из аптеки Сисайда. Препараты по Вашему рецепту собраны. Можете приходить.

Делаю глоток кофе, прежде чем ответить, смакуя это совершенство. Он черный и крепкий, именно такой, как я люблю.

— Точно. Мои безумные таблетки. Попрдержите их несколько дней, ладно? Я пока выясняю, как далеко течение реки чокнутых меня занесет, прежде чем начать их принимать. Этим утром мне отлично удастся грести вверх по течению.

И вешаю трубку, прежде чем молодая женщина на другом конце провода что-то ответит.

* * *

Около одиннадцати утра кто-то долбит в мою входную дверь. Я смотрю на океан из внутреннего окна патио с кристально чистым, как лист бумаги, разумом. Открыв дверь, обнаруживаю Купа и всю команду на крыльце. На всех них пояса с инструментами, а в руках ланч-боксы. Рабочие грузовики выстилают бордюр по обе стороны улицы.

— Доброе утро, Меган, — здоровается Куп. Небольшая улыбка сияет в уголках его губ.

— Привет, Куп. Привет, ребята.

Мужчины торжественно кивают. Я продолжаю на них таращиться, но никто ничего не произносит.

— Вы, парни, потерялись? Вышли на утреннюю прогулку и свернули не туда?

Улыбка Купа становится шире.

— Никаких неправильных поворотов.

Мое лицо нагревается, а сердце бьется быстрее.

— Тео? — шепчу я.

Глаза Купа кристально голубые. Цвета неба над головой. Он кивает, улыбаясь.

— Единственный и неповторимый. Послал сообщение, что мы начинаем работу над

гостиницей «Баттеркуп Инн», как только я всех соберу. Итак, я нас собрал. Вот и мы! Начнем с главной спальни. Тео велел заняться ею прежде всего.

Мужчины меня рассматривают, от чего мои и без того горящие щеки становятся пунцовыми.

— Ты готова? — спрашивает Куп.

Я сглатываю и быстро киваю.

— Ага. Пожалуйста, проходите, — распахиваю дверь шире, и мужчины проникают внутрь.

Куп последним переступает порог. Он останавливается и смотрит на меня изучающим взглядом. Он так тихо говорит, что только я могу слышать его слова.

— Я так понимаю, вы с Тео решили ваши проблемы.

Из меня вырывается дрожащий смешок.

— Эм... можно сказать и так. Он... он собирается приехать?

Куп медленно качает головой.

— Нет, но ему, кажется, лучше. Это заметно из его писем. Уверен, что должен поблагодарить тебя за это.

— Ну, ты знаешь, что говорят, Куп. То, что нас ломает, может и собрать по кусочкам.

— Точно, думаю, Эйнштейн это сказал, верно?

Я поднимаюсь на цыпочки и целую его в щеку, заставляя его покраснеть.

— Да. Конечно, Эйнштейн.

Куп усмехается, по-дружески сжимая мою руку.

— Ты разговаривала с Сюзанной с тех пор, как выбежала из церкви, как будто тебя преследовал Святой Дух?

— Нет, — я задумываюсь на мгновение. — Должно быть, это было интересным зрелищем.

— Не хотелось бы расстраивать тебя, Меган, но сейчас только об этом и говорят. Новенькая девушка в городе начинает смеяться как гиена в начале проповеди, а затем выбегает из дверей со скоростью ста километров в час. Все сошлись на том, что ты либо на наркотиках, либо атеистка. Кстати, наркотики — лучший вариант. Люди здесь довольно беспристрастны, но никто не любит безбожников. Нельзя доверять человеку, который не верит в Бога.

Я улыбаюсь на это.

— Уверяю тебя, Куп, сегодня утром я не атеистка.

— Значит, дело в наркоте, — дразнится он. — Думаю, мне стоит заставить заплатить тебя за работу наперед, а то вдруг тебя посадят в тюрьму за хранение. Таким образом, мы продолжим заниматься гостиницей, пока ты мотаешь срок.

Я смеюсь, прижимая руку ко лбу, потому что чувствую, что мозг плавится под черепом.

Куп качает головой и вздыхает.

— Ладно, обдолбыш, прочь с дороги. Мне надо работать, — он щипает меня за нос и проходит мимо, грохоча ботинками по деревянному полу.

* * *

Ночью я жду Тео, но он не приходит. И не приходит ни в следующую, ни через ночь. К пятнице я лезу на стену от отчаяния, потому что хочу увидеть его.

Плыть против течения слишком тяжело.

Между тем, люди «Хиллрайз Конструкшн» усердно трудятся, превращая мое видение «Баттеркуп Инн» в реальность.

Одна бригада работает над главной спальней, начав с уничтожения раковины и душевой в ванной комнате, а другая команда латает крышу. Кампания по прокату мусорных контейнеров припарковала два грузовика с огромным кузовом для мусора вдоль бордюра. Каждый божий день здание заполняется все большим количеством рабочих и техники. Куп держит меня в курсе всех планов и прогресса, но я обращаю внимание на его отчет только одним полушарием.

Другая половина в Теотауне отчаянно ищет своего тезку.

Десяток раз я сажусь за компьютер, чтобы написать ему письмо, но в итоге его удаляю. Поднимаю трубку, чтобы позвонить Тео, но быстро скидываю звонок, получая лишь липкую от холодного пота кожу. Голос в моей голове продолжает истерически предупреждать, что дареному коню в зубы не смотрят.

Я заключила сделку, написав в письме, что мы не будем обсуждать сумасшествие друг друга. Я обязана держать свое слово, даже если его выполнение делает меня еще более безумной.

Наконец, в пятницу вечером он возвращается.

В самый темный период ночи я лежу на кровати и разглядываю потолок, как вдруг внизу раздаются шаги. Мой пульс резко учащается, я сажусь и смотрю на закрытую дверь спальни. В течение нескольких долгих минут прислушиваюсь, как кто-то бродит в темноте, переходя из одной комнаты в другую, ненадолго останавливаясь, прежде чем двинуться дальше.

Я знаю, что это Тео, и я знаю, что он делает. Тео проверяет, как проводятся работы в его отсутствие.

Когда тяжелые ботинки начинают подниматься по лестнице, мое сердце колотится до боли в груди.

За дверью шаги замирают. Волоски на моей коже электризуются. Затем дверная ручка спальни поворачивается.

Ему потребовалась целая жизнь, чтобы распахнуть дверь. Когда она открывается шире на несколько сантиметров, Тео бесшумно пробирается в комнату. Мы пристально смотрим друг на друга сквозь тени с затаенным дыханием, и все, о чем я думала до этого момента, растворяется, когда я замечаю страсть в его глазах.

Я вскакиваю с кровати и влетаю в его распростертые объятия.

Мое внезапное нападение не сдвигает его ни на сантиметр. Он просто стоит с широко расставленными ногами и держит меня, словно я ничего не вешу. Мои ноги оборачиваются вокруг его талии, руки вокруг его плеч, а лицо утыкается в его шею. Дрожа, я втягиваю воздух, впитывая его древесный аромат.

— Ты здесь.

Он кивает. Его пульс бьется на моих губах, а его сердце также бешено стучит возле моей груди, как и мое.

— Тебя так долго не было, — шепчу я. — Такое чувство, что прошла целая вечность.

Он прижимается в нежнейшем поцелуе к моему виску, легко касаясь губами моей кожи. Затем медленно относит меня на кровать.

Уложив меня, избавляется от моих шорт и футболки, отбрасывая их с низким хрипом. Он срывает с себя куртку и рубашку, затем так же быстро их откидывает. Наблюдая за его

неуклюжими попытками расстегнуть верхнюю пуговицу на джинсах, я начинаю ерзать от нетерпения. Сев, убираю его руки в сторону и помогаю ему с ширинкой.

Признак его возбуждения — большая, напряженная выпуклость под белыми боксерами. Я прижимаюсь к ней щекой, упираясь носом в пульсирующую вену под трусами. Тео погружает дрожащие пальцы в мои волосы.

Я опускаю вниз пояс боксеров, высвобождая его великолепный член. Сжав его, начинаю облизывать от основания до верха, вращая языком вокруг набухшей головки. Тео тяжело дышит сквозь зубы.

Когда я беру его в рот, мужчина начинает стонать. Он стискивает мои волосы в кулаки и приподнимает бедра, заставляя меня взять его глубже.

Но мне нужно больше его стонов. Я хочу довести его до грани, чтобы он выпустил такие же хриплые и нуждающиеся звуки, какие издаю я.

Сжимаю его бархатные шарики в трусах и продолжаю ласкать их одной рукой, поглаживая основание его стержня другой, не прекращая посасывать вершину. И тут же получаю желаемый стон — глубокий, гортанный, в паре с произвольными содроганиями. Я поднимаю глаза и вижу, как он смотрит на меня. Его волосы закрывают часть лица, но видно глаза, наполненные туманным удивлением.

И темной, опасной похотью. Интенсивность этого заставляет мое сердце биться чаще.

Он отстраняется и толкает меня на спину. Мужчина поднимает мои ноги и закидывает обе лодыжки себе на плечи. Затем скользит ладонями от моих голеней до бедер. Глядя на меня горящими глазами, он проводит большим пальцем по моему влажному лону, пока я не задыхаюсь и не начинаю покачивать бедрами навстречу к его ласке.

— Тео. Пожалуйста. Твой рот.

Недолго думая, он опускается на колени и дает то, что мне нужно.

Задыхаясь, я выгибаюсь над матрасом. Он кружит языком, скользя глубоко внутри меня сначала одним, затем двумя пальцами. Мои дрожащие руки находят его волосы. Тихо постанывая и начиная потеть, я сжимаю их по мере извивания своего тела от ударов его языка. В комнате прохладно, но мне невыносимо жарко. Кожа уже заметно увлажнилась. Сердце так сильно колотится, что того и гляди выпрыгнет.

— Подожди, хочу тебя внутри, — прошу, задыхаясь.

Я с трудом сдерживаю себя, мне едва удастся контролировать свое тело. Он, должно быть, услышал отчаяние в моем голосе, потому что перестает меня ласкать, хватается за мои бедра и отгаскивает к краю матраса. Стряхнув с себя ботинки, срывает джинсы и боксеры, после чего располагается у моего входа. Затем погружается глубоко внутрь меня, так глубоко, что я откидываю голову назад, чтобы закричать.

Но ничего не выходит. Удовольствие украло мой голос. Я не могу издать ни звука, пока Тео начинает жестко и быстро трахать меня, оттягивая мои волосы и посасывая твердый сосок, периодически царапая его зубами.

Он вдалбливается в меня, как будто владеет мной — и телом, и душой.

Так и есть. И он принадлежит мне. Каждый взгляд и прикосновение — свидетельство его полной капитуляции. Каждый поцелуй — еще одно звено, добавленное к цепи.

Тео отрывается от моей груди и захватывает мой рот грубым, собственническим поцелуем. Из глубины его груди раздаются громкие хрипы, что кажется мне невероятно эротичным. Он близок к кульминации и разрывается на части.

Но сначала это делаю я.

С первым сильным сокращением внутри меня, мужчина начинает стонать. Я бьюсь в экстазе, потеряв контроль над своим телом. Голос возвращается ко мне, я громко и протяженно стону, пока мои мышцы ритмично сокращаются, крадя мое дыхание.

Он кончает вместе со мной, дергаясь и задыхаясь, пока я извиваюсь под ним. Его пальцы сжимаются в моих волосах. Небритая челюсть грубо, но безумно приятно царапает мою кожу, пока Тео совершает заключительные толчки.

После всего, мы оказываемся выжатыми словно лимоны, мокрыми и задыхающимися друг против друга, дрожащие и уставшие. Я начинаю рыдать.

Прижимаюсь к груди Тео и реву как ребенок.

Он гладит меня по спине и волосам, оставляя нежные поцелуи на щеках и шее. Крепко сжимает меня руками и забрасывает на мою талию свою тяжелую ногу. От этого чувствую себя как в коконе, в безопасном и уютном кусочке рая, который мы создали в залитых лунным светом тенях моей спальни.

Когда первые следы истерики остаются позади, я тихо икаю в его объятиях и шепчу:

— Ты все еще думаешь, что мы никогда не сможем быть друзьями?

Тео обхватывает мое лицо и наклоняет его так, чтобы мы посмотрели друг другу в глаза. Потом он целует меня, и от глубины его чувств у меня вновь образуются слезы. Я отрываюсь первой, потому что едва могу вынести эту боль, и прячу лицо в его груди.

Мы так и остаемся запертыми в объятиях друг друга, пока я не засыпаю под звуки его глубокого, ровного дыхания.

Утром он снова пропадает. Снова свежий пучок душистого горошка чудесным образом оказывается в стакане воды рядом с кроватью. Но на этот раз есть кое-что еще. Хокку на соседней подушке, написанное от руки.

«Разве не просто?

Кем бы мы ни были,

Есть только ты».

Я перечитываю его снова и снова, пока глаза не наполняются влагой. Затем аккуратно убираю стихотворение в свой свадебный альбом и беру телефон, чтобы позвонить Сюзанне.

Пришло время выяснить местообитание Тео.

ГЛАВА 23

— Ну и ну, да это сам Усэйн Болт⁹! — сухо приветствует Сюзанна, услышав мой голос.

— Привет, Сюзанна.

— Подруга, да ты побила мировой рекорд в спринте, выбегая из церкви! Готовишься к Олимпийским играм?

— Да, я облажалась. Извини. Но в свою защиту хочу напомнить, что говорила, что не большая поклонница того места.

Она фыркает.

— Если бы я знала, что не быть поклонником означает, что ты будешь ржать как психопатка, и рванешь с места, как только бедный пастор заговорит, я бы ни за что на свете не привела бы тебя!

Я знала, что мне придется как следует унизиться в надежде успокоить Сюзанну.

— Ты права, я была совершенно не в себе. Это было неуважительно и неуместно. Мне действительно очень жаль.

— Ты должна сожалеть о сплетнях, которые из-за тебя поползли. Теперь все думают, что ты псих!

— Ну, они в чем-то правы.

Сюзанна даже не делает паузу, чтобы перевести дыхание, прежде чем ответить пренебрежительным тоном.

— О, пожалуйста, дорогая, ты не сумасшедшая. Если бы ты таковой была, то так бы не думала. По-настоящему безумные считают, что они абсолютно нормальные, а все вокруг сошли с ума. Поверь мне, я знаю о чем, говорю — мой дядя Рой лежал в психушке, потому что был настоящим душевнобольным. Он орал как резаный о том, что правительство планирует над ним кровавую расплату и что пауки выползают из его кожи. По сравнению с ним, ты — яркий пример здравомыслия.

Я начинаю смеяться.

— От этого я чувствую себя намного лучше. Пока я не настолько чокнутая, как дядя Рой, у меня еще есть шанс.

— Именно. Все относительно, детка, — ее голос скисает. — А теперь должна последовать часть, где ты извиняешься за то, что не звонила почти целую неделю, несмотря на кучу сообщений от меня.

Я принимаю торжественный тон и стараюсь звучать как можно более раскающейся.

— Прости меня. Мне искренне, от чистого сердца, стопудово жаль...

— О, ради Бога, перестань болтать, — сердито прерывает она. — Я принимаю твои ужасные извинения, — она вздыхает и меняет тему. — Ты уже поела? Я подумываю позавтракать в «У Бугера».

— На самом деле, я планировала поделаться кое-какие дела. И... хотела узнать адрес кое-кого.

— Кое-кого? — она повторяет смеясь. — Интересно, кто бы это мог быть?

— Пожалуйста, не издевайся надо мной.

— Я считала тебя сильной женщиной. Ты слышала что-нибудь о Тео с момента нашего последнего разговора?

Когда я не реагирую достаточно быстро, Сюзанна вскрикивает.

— погоди, ты с ним переспала?

Теперь моя очередь сердиться.

— Почему твой мозг думает лишь об одном? Seriously, ты как пятнадцатилетний мальчишка.

— Переспала! — трепетно заявляет она. — Милый младенец Иисус на небесах, расскажи мне все!

— Нет, — говорю я решительно. — Не буду.

— Кайфоломка, — бормочет Сюзанна. Затем, звонко: — Хорошо, как насчет...

— Я не собираюсь трепаться о его мастерстве в постели или размере пениса.

— Что ты за девушка такая? И кто говорит «пенис»? Только если доктор...

— Мы можем вернуться к теме?

— О, тема домашнего адреса Тео? — она растягивает слова. — То, чего у тебя нет, а у меня есть? То есть ты хочешь, чтобы я просто так тебе его дала? Без какой-либо взаимности?

Я делаю глубокий вдох.

— Договорились. Я тебе что-нибудь расскажу, — когда она радостно визжит, я в неверии происходящего качаю головой. — Ладно, дай мне подумать, — закрываю глаза,

пытаясь вспомнить что-то, что не слишком откровенно, но удовлетворит озабоченную Сюзанну. Мгновение я теряюсь в воспоминаниях о говорящих глазах Тео, его сильных, собственнических руках и его невероятной мощи.

— От его красоты у меня разрывается сердце, — бормочу я.

— ТЫ ЧТО, БЛИН, ИЗДЕВАЕШЬСЯ? — во все горло орет Сюзанна.

Я начинаю смеяться, что только еще сильнее ее злит.

— Ты ДОЛЖНА рассказать что-нибудь ПОКОНКРЕТНЕЕ, Меган! — кричит она. — меня не было секса ЛЕТ СТО, и я не в настроении слушать, как ты щебечешь «пенис» и «красивый», как долбанная девственница в МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ! Насколько большой мужика ЧЛЕН?

Я отвечаю сквозь смех.

— Он просто огромен. Большой, твердый и работает как чемпион. Удовлетворена?

Она начинает бормотать себе под нос о дерьмовых друзьях, несправедливости жизни и других вещах, пока я не прерываю ее тираду.

— Просто дай мне адрес, Сюзанна. Пожалуйста.

— Почему вы спите вместе, но ты не знаешь, где он живет?

— Мы, эм, на самом деле... — думаю, как лучше на это ответить. — До этого как-то не доходило.

— Верно, — ворчит она. — Потому что ты была слишком занята невероятным, умопомрачительным сексом, которым ты эгоистично не делишься со своей подругой.

— Сюзанна. Адрес. Пожалуйста.

— Подожди минутку, еще вопрос!

— Кто бы сомневался, — бренчу себе под нос.

— Последний раз я слышала, что Тео покинул город. Я бы добавила, что из-за тебя, но через неделю он возвращается в твои трусики. Как такое могло произойти? Что я пропустила?

— Честно говоря, я ничего не знаю, как и ты.

Я представляю, как она закатывает глаза.

— Мне известно, что Куп передал тебе письмо или записку от Тео. Я приставала к нему после церкви, чтобы выяснить что там, но он молчит как партизан. Что было в записке?

— Цитата из Библии.

От этого она затыкается секунд на пятнадцать. Затем с надеждой спрашивает:

— Это была секс-цитата?

— Такие вещи есть в Библии?

— Я не знаю, я не читала эту чертову книгу!

— Но ты сидишь в церкви каждую неделю и слушаешь того, кто читал!

— Обязательно спрошу пастора, не пропустила ли она случаев пикантные моменты, — ее голос источает сарказм.

— Это была цитата о дверях, если тебе так важно знать. Она связана с тем, что мы обсуждали с ним ранее, — а еще связано с татуировкой на спине моего покойного мужа. Но я изо всех сил стараюсь не быть сумасшедшей, поэтому в эту степь мы не забредаем.

Мое объяснение явно вызывает у Сюзанны некие сомнения.

— Итак, он оставляет тебе записку о дверях, затем уезжает в неизвестном направлении, а потом в один миг возвращается поиграть с твоими женскими прелестями? Я не самая умная, милочка, но в этой истории пробелы больше моих сисек!

— Между отъездом и «игрой» я отправила ему электронное письмо.

Какое-то время она обдумывает мои слова.

— Должно быть, что-то такое... в этом письме...

— Да, да! Итак... пропустим детали...

— Плохая подруга!

— Могу сказать, что видела его дважды с тех пор, как он якобы покинул город. Но он не приходит каждый день с остальной командой, чтобы работать над «Баттеркупом»...

— Эй, эй, перемотай назад! «Хиллрайз» делает гостиницу?

— Ох. Ага. Разве я это не упомянула?

Она стонет от раздражения.

— Ты хоть знаешь, как вообще общаются девчонки, подружка?

— Я бы еще раз попросила прощения, но думаю, мои извинения только тебя раздражают.

— Как и твой ужасный рассказ! Моя пятилетняя племянница рассказывает более связные истории о своем воображаемом домашнем питомце — кролике Мистере Зубастике!

— Окей. Давай сначала. Ты видела, как я впала в бешенство в церкви. И знаешь, что Куп дал мне записку от Тео, и теперь ты знаешь, что в ней было. По возвращении домой, я написала Тео e-мэйл с объяснением своих чувств. Потом ночью, он появился и... э-э... мы...

— Не пытайся найти деликатный способ сказать: «Мы трахались до потери сознания», принцесса, — издевается Сюзанна.

— Мы этого не делали, Сюзанна, — тихо говорю я. — Мы занимались любовью. Сладкой, интимной, страстной любовью.

— Боже милостивый, — бормотание, — что я натворила, чтобы заслужить это дерьмо?

— Предполагаю, что это риторический вопрос, поэтому просто продолжу. Оба раза после этого он исчезал. Когда я просыпалась утром, его уже не было.

Она задыхается от негодования.

— Быть такого не может!

Это так ужасно прозвучало, что я чувствую, что должна защитить Тео.

— Но он оставил мне цветы и стихотворение, — когда она не отвечает, я вздыхаю. — Ты права. Произнося все это вслух это кажется отвратительным.

— Уверена? — саркастически замечает она.

— Ты намеренно пытаешься усугубить ситуацию? Потому что это работает.

— Итак, что ты собираешься делать? Отправиться к нему домой и уточнить, какого фига он ведет себя как придурок и бросает тебя после вашей «сладкой, интимной любви»?

Она говорит дело. У меня нет плана, я просто хочу увидеться с ним. Но что, если он не хочет, чтобы я приходила к нему домой? Что если он хочет, чтобы я оставила его в покое?

О Боже, что если я не единственная женщина к которой он заглядывает с ночными визитами? Может быть, из всех его хокку, которые он оставляет на подушках, можно проложить дорогу по всему городу?!

Сюзанна вторгается в мои темные размышления с раздраженным:

— Привет? Здесь кто-нибудь есть?

— Есть, — отвечаю, хотя разум путешествует в Паранойявилле.

— Слушай, я дам тебе его адрес, но почему бы тебе сначала не отправить ему еще одно волшебное письмо?

— Я пытаюсь дать ему пространство.

— Пространство? — недоверчиво повторяет она. — Не должно оно у него быть, потому что мужик побывал внутри тебя! Ты имеешь право зажимать его сколько влезет!

— Хорошее замечание.

— О, таких у меня полно. Вот еще одно: заявиться в дом человека не считается «дать ему пространство». Не то чтобы оно было ему позволено, потому что он уже окунул свой стручок в твой горшочек с медом, но так оно и есть.

— Ты подкальываешь меня за слово «пенис», а сама выкидываешь нелепые эвфемизмы для половых органов, типа «стручка» и «горшочка с медом»?

Она игнорирует меня, переключаясь в режим обеспокоенной подруги.

— Скажи мне правду, дорогая. Ты в порядке? Я переживала за тебя.

Я встаю с края своей кровати и подхожу к окнам во внутреннем дворике. Глядя на беспокойный океан, произношу:

— Можно сказать, что все нормально.

— Это не особо помогает моему душевному спокойствию.

— Я просто запуталась, наверное. Не знаю, как с этим справиться. Я не была ни с кем со смерти мужа, — неловко и коротко смеюсь. — И до мужа ни с кем не была.

Ругнувшись, Сюзанна горячо заявляет:

— И у Тео хватает наглости исчезать, словно он призрак, после секса!

Призрак. Это слово гудит в моих ушах. Я отмахиваюсь от него, как от шипящей змеи.

— Ты сама сказала, Сюзанна, он не в своем уме. Уверена, для него все так же сложно и неожиданно, как и для меня.

— Лучше бы так, — разгорячено бросает она. — Или я сама оторву ему яйца.

Несмотря на то, что я расстроена, улыбка расплзается на моем лице.

— Не так давно ты защищала его, когда я назвала его мудаком. Посмотри на себя сейчас.

— Точно. Это прямо как у лучших подруг, подружка. Мы против них. Братаны важнее шлюх, только наоборот. Теперь возьми ручку, чтобы я могла дать тебе адресок твоего любовничка. Но только сразу позвони мне, как поговоришь с ним! Я не позволю тебе разбираться со всем в одиночку.

* * *

После того, как Сюзанна дает мне адрес, мы прощаемся. Я провожу полчаса, занимаясь своим новым любимым видом упражнений — ходьбой. Я марширую по полу в спальне, нажевывая ногти на руках и доводя себя до иступления.

Почему я не спросила Тео, где он шлялся, когда он был здесь? Почему я не спросила его, когда мы увидимся снова? Ожидать ли свидания сегодня? Будет ли у нас всегда только интенсивный, обжигающий душу секс, после которого он будет исчезать? Ему позавидовал бы сам Гудини. Он опять оставит вместо себя цветы, свежий кофе и загадочное стихотворение на подушке?

Хорошо, цветы и стихотворение — приятные штрихи. Я называю цветы «приятным штрихом», потому что так мне не нужно думать о них как о том, чем они являются на самом деле: важной мистической вещью. Но чем больше я думаю о его исчезновении, тем больше это меня беспокоит.

Очень надеюсь, что он ушел не из-за моего громкого храпа.

С другой стороны, по сравнению с остальными причинами, эта не такая уж и плохая.

— О, ради Бога, Меган, Сюзанна права, — ругаю себя. — Вы с Тео переспали. Если он

не хотел, чтобы ты чувствовала себя странно, то не должен был уходить посреди ночи. Просто свяжись с ним!

Решение принято, я чувствую себя лучше. Беру ноутбук и пишу короткое письмо Тео, сообщающее, что не могу дождаться нашей следующей встречи. Затем следующие пять минут ненавижу себя за каждое слово, потому что при перечитывании они звучат жалобно.

Но я забываю все о своем отчаянии, когда получаю автоматический ответ от почтового сервера Тео, который информирует, что абонент не в сети и не отвечает на электронную почту.

Странное чувство формируется в моем нутре. Я решаюсь позвонить на мобильник Тео. Когда попадаю на голосовую почту, к странному чувству прибавляется беспокойство.

Я не знаю что, но явно что-то не так.

Услышав низкий гул шума двигателя, доносящийся с улицы, бросаюсь вниз. Сегодня суббота, но «Хиллрайз» работает по выходным, чтобы как можно больше успеть до начала сезона дождей. Распахнув входную дверь, вижу уже поднимающегося по ступенькам крыльца Купа со своей фирменной улыбкой.

— Доброе утро, Меган!

— Доброе, Куп. Вопрос на миллион: почему мой чек для «Хиллрайз» до сих пор не обналичен?

Одетый в свою обычную фланелевую рубашку и джинсы, он прислоняется к дверной раме и ухмыляется.

— Потому что я пока не добрался до банка.

Я осматриваю его лицо.

— Мне кажется, что есть некая причина, из-за которой ты не успел добраться до банка.

Его улыбка расширяется. Когда он не отвечает, в моей голове раздается тревожный сигнал.

— Нет. О, нет, Куп, этого не может быть!

— О чем ты вообще? — он моргает, прямо-таки само воплощение невинности.

— Ты обязан первым делом в понедельник утром заехать в банк. Этим парням нужна зарплата. Получи деньги! Этот проект требует слишком много материальных и трудовых затрат, чтобы делать тут все бесплатно!

— О, это действительно мило. Но не беспокойся обо мне и ребятах. Нам заплатят. И счета за материалы и оборудование оплачиваются регулярно. У «Хиллрайза» куча бабла.

Я поднимаю руки вверх.

— Если ты не берешь мои деньги, я увольняю тебя!

Он лишь громко смеется.

— Настоящая женская логика! Если бы кто-нибудь сказал мне, что бесплатно отремонтирует дом, я бы прыгал от радости на лужайке во дворе!

— Я серьезно, Куп, это неправильно!

Он пожимает плечами, как будто ничего не может поделать с ситуацией.

— Извини, мадам, это не в моей компетенции. Обсуди проблему с владельцем.

Я задыхаюсь от ярости.

— Я бы с удовольствием, да вот только никак не могу с ним связаться. У тебя есть идеи, как это можно сделать?

Он смотрит на меня задумчивым взглядом.

— Почтовый голубь?

— О, ты действительно смешной. Ха-черт-возьми-ха, — испепеляю его глазами.

Он сжимает губы вместе, чтобы попытаться перестать смеяться, что только сильнее раздражает меня.

— Куп, что, мать твою, происходит? Где Тео?

Рабочие начинают подходить по тропинке к входной двери, разговаривая и шутя друг с другом. Куп отводит меня в тихий уголок, а потом шепчет:

— Ему нужна помощь, понимаешь?

— Помощь? Что это должно означать?

Куп проводит рукой по светлой голове и вздыхает. Затем складывает руки на бедрах и смотрит мне прямо в глаза.

— Это означает, что он остановился в одном учреждении в Мелвилле.

Учреждение. Я сглатываю, борясь с тревогой.

— Что это за место?

— Ты понимаешь, какого оно рода, — мягко сообщает он.

— Психиатрическая больница? — я в ужасе.

— У них отличная программа. Много шансов на успех. И это не на целый день, он может уходить ночью и в выходные, если захочет, — похоже, что Куп испытывает дискомфорт, посвящая меня во все это, особенно когда я продолжаю пялиться на него с недоверием. — Это не предписано судом или что-то еще. Он сам согласился.

Я плюхаюсь на лестницу, проклиная отсутствие стульев в доме. Развалившись на второй ступеньке и держась за перила, пытаюсь остановить вращение комнаты.

Тео в психушке. Согласно тому, что Куп сказал мне в церкви, он был стабилен до того, как я переехала сюда, а теперь отправляется на каникулы в дурдом.

Образы возвращаются, преследуя меня с тошнотворной четкостью: боль в глазах Тео при каждой нашей встрече; вот он стоит мокрый и плачет перед моей дверью; e-мейл, который привел его ко мне в середине той ночи и все, что я понаписала о потере рассудка, договоре про вопросы о безумстве, о молотках и клее друг для друга.

— О Боже, — дрожащим голосом выдыхаю я. — Неужели это я виновата?

Куп садится рядом со мной и берет за руку.

— Послушай меня. После несчастного случая Тео изменился. Он как будто стал другим человеком. Но никогда не обращался за помощью, в которой явно нуждался, потому что чертовски упрям.

Доктор Сингер сказал бы, что у нас с Тео много общего. Я смеюсь, наверняка как безумец.

— Все хорошо, Меган. Он наконец-то делает что-то, чтобы помочь себе. Он не признался мне сразу, когда уехал, но я потом все из него вытянул. И надеюсь, ты не поймешь меня неправильно, но... да. Это все из-за тебя. Ты вдохновила его на попытку выздороветь. Он хочет избавиться от своих демонов раз и навсегда.

Демонов.

Тео хочет избавиться от своих демонов.

По моим жилам проносится арктический холод.

Догадка зарождалась в потрескавшихся и затененных коридорах моего мозга и быстро выходит из-под контроля. Теория, объясняющая все от начала до конца, с первого момента, как я увидела Тео. От момента странной реакции на мое присутствие вплоть до его добровольного заключения в клинике.

Предположение, которое привело бы доктора Сингера к припадку.

Мистическое мышление пишет версию заглавными буквами в мигающих неоновых огнях.

Версию, которая выглядит так:

Возможно, я не единственная, кто думает, что мой погибший муж вернулся ко мне в теле другого мужчины.

ГЛАВА 24

— Меган? У тебя такое странное лицо. Принести воды или еще чего-нибудь?

Куп обеспокоен. И должен, потому что я в двух секундах от полномасштабного краха. В голове всплывают все написанные слова Тео, как пар, который выдыхает призрак.

Помните фразу из письма: «...если бы мы говорили о проблеме, это не было бы романтичным или забавным. Это было бы чертовски страшным»?

И давайте не будем забывать об удостоенного наградами психов вопроса: «Как можно помнить кого-то, кого никогда не встречал?»

Потому что вы были знакомы в другой жизни. Именно так считает мое психическое заболевание.

— Мне пора, — я неуверенно поднимаюсь на ноги.

Куп тоже встает, все еще держа меня за руку.

— Пора? Куда ты собралась?

— Мне нужно... заглянуть... в аптеку.

Если Куп надеялся на более связное объяснение, он его не получит. Мой разум — это нагромождение раздробленных мыслей и воспоминаний, каждое из которых тревожнее предыдущего. Я словно упала в кроличью нору, из которой, боюсь, никогда не выберусь. Я — Алиса, только далеко не в Стране Чудес.

Я в Психтауне, где меня избрали на почетную должность мэра.

Хватаю свою сумочку, ключи и направляюсь к машине, спотыкаясь о ноги из-за спешки. Как только получу назначенные медикаменты в аптеке, позвоню доктору Андерсу, чтобы записаться на экстренный прием.

Моему мозгу нельзя позволять брать вверх. Он движется по крутой узкой горной дороге, слишком быстро сворачивая на поворотах опасно близко к краю.

Я мчусь через город, как летучая мышь из ада, взвизгнув шинами перед аптекой и в панике забегая внутрь. Кассы находятся в задней части магазина, так что мне приходится пройти поздравительные открытки и полки с болеутоляющими, витаминами и суппозиториями, около которых трутся маленькие старушки. Когда, наконец, нахожу окно выдачи лекарств по рецептам, бросаюсь к нему, как пассажир «Титаника» на последний спасательный шлюп.

— Меган Данн, привет, я Меган Данн, у Вас должен быть для меня готовый рецепт! — выпаливаю все это в один длинный заход со сбившимся от спешки дыханием, нетерпеливо барабанив пальцами по прилавку.

Фармацевт — худой лысый мужчина лет ста, который движется со скоростью холодной патоки. Он изучающе смотрит на меня, медленно моргает, затем опускает очки на переносицу.

— Вам придется встать в очередь, мэм.

Тогда я понимаю, что несколько человек стоят позади, глядя на меня с разной степенью раздражения.

— О. Простите, — избегая зрительного контакта, я прокрадываюсь в конец очереди.

— Меган?

Подняв глаза вверх, вижу симпатичную брюнетку с пронзительными голубыми глазами.

— Привет. Я Колин Эллиотт. Мы встречались на вечеринке Сэнди Андерсен, помнишь?
Боже милостивый. Бывшая невеста Тео.

— О-о, п-привет! — заикаюсь я. — Как поживаешь? Рада снова тебя видеть!

Мой голос слишком громкий. Колин приподнимает брови, ее улыбка слабеет. Женщина в очереди перед ней поворачивается и дарит мне надменный взгляд, высказывая свое неодобрение.

Интересно, она видела мое выступление в церкви?

— Я тоже рада тебя видеть, — говорит Колин. — У нас не было возможности пообщаться на вечеринке. Ты вроде довольно быстро ушла после прихода, верно?

— Она действительно быстрая, — женщина перед Колин поддается вперед.

Черт, определенно прихожанка. *Долбанные маленькие городки.*

— Не лезьте не в свое дело, любопытная Варвара! — стреляю ей в ответ.

Она оборачивается еще раз, надменно посмотрев и покачав головой.

Теперь Колин выглядит так, будто сожалеет, что поздоровалась со мной, но находится в ловушке очереди и не может уйти. Ее улыбка становится хрупкой.

— Итак, как ты обустроилась? Слышала «Хиллрайз» работает над гостиницей «Баттеркуп»?

Боже, вот оно.

— Да, да, «Хиллрайз» работает над «Баттеркупом», и ребята действительно молодцы! — гремлю я, не в состоянии контролировать свою громкость. Я так сильно улыбаюсь, что мое лицо вполне может порваться.

Глаза Колин расширяются, она отступает назад.

— Да, — слабым голосом шепчет она, прижимая руку к горлу. — Тео всегда все замечательно делал.

Кристально ясный мысленный образ Тео, толкающегося и стонущего надо мной, формируется в подсознании. Издаю еще один неуравновешенный смешок, потому что, само собой, он *все* делает замечательно.

Любопытная Варвара бросает на меня неодобрительный взгляд через плечо. Мне нужно отвести разговор от своей персоны, прежде чем я окончательно тронусь умом.

— В любом случае, как дела?

Лицо Колин приобретает мечтательное, загадочное выражение. Она смотрит на корзинку в руках и улыбается.

— У меня все хорошо, спасибо.

Я заглядываю в корзинку, замечаю комплект для теста на беременность, и подавляю желание блевануть.

Колин тихо смеется, ее щеки розовеют.

— Это уже четвертый. Через несколько дней у меня назначена встреча с гинекологом для подтверждения, но я просто не могу перестать их делать, — она смотрит на меня из-под ресниц голубыми сверкающими глазами. — Я всегда хотела быть матерью.

Я тоже.

— Поздравляю, — мой голос потерял все веселье и теперь звучит мертвым.

— В мое время, если женщина забеременела, будучи не замужем, это не было поводом для поздравлений, — снова вклинивается Любопытная Варвара.

— Не лезьте не в свое дело! — одновременно с Колин орет на нее.

Когда женщина поворачивается с задранной носом, Колин раздраженно вздыхает, давая понять, что это не первый раз осуждения от узколобомыслящих женщин Сисайда. Мне хочется проявить к ней чуть больше доброты, даже немного защитить.

Я прочищаю горло и стараюсь звучать не как та дамочка.

— Сильный токсикоз?

— Очень, — признается она, гримасничая.

— Это хорошо.

Она удивленно моргает.

— Хорошо?

— Да. Это признак высокого уровня гормонов. Мне тоже было очень плохо, — потрясенная своим признанием, я прикусываю язык.

— О, я не знала, что у тебя есть дети, — брови Колин собираются на переносице.

Я снова прочищаю горло, желая умереть.

— У меня нет.

Мы смотрим друг на друга. Я вижу момент, когда она устанавливает связь.

— Сожалею, — шепчет она с состраданием в глазах.

— Давняя история, — ломающимся голосом отвечаю я.

— Ну, ты все еще молода. То есть, еще не поздно...

Она замолкает от неуверенности, возможно потому что я выгляжу глубоко несчастной. Делаю вдох и расправляю плечи.

— У тебя уже появились какие-нибудь пристрастия к еде?

— Фу. Нет. Я едва могу что-то в себе удержать.

Фармацевт вызывает первого человека в очереди к окну, остальные продвигаются вперед.

— Ешь соленые крекеры и пей минералку. Добавляй свежий имбирь в чай. И не забудь про витамины для беременных. Это на самом деле важно.

— Спасибо, — мягко говорит Колин.

Господи. Кажется, она хочет меня обнять.

Но очередь снова движется вперед, шадя меня. Мы с Колин стоим в неловком молчании в течение нескольких минут, пока она не делает неожиданное признание.

— Честно говоря, меня беспокоит не столько утренняя тошнота. Больше мой парень.

Парень? Сюзанна говорила, что Колин все еще тоскует по Тео. Хм.

— Я так понимаю, ваши отношения стали неожиданными?

Она вздыхает, накручивая прядь темных волос между пальцами.

— Да. Мы только начали встречаться, а тут...

Итак, у нас тут крупная драма-мама.

— Как ты думаешь, он обрадуется?

Изгиб ее губ демонстрирует неуверенность.

— Я не знаю. Я бы не назвала его семейным человеком. Он одержим своей работой. Это его первые серьезные отношения. Честно говоря, мне казалось раньше, что такие мужчины не мой тип, — ее смех довольно тихий. — Наверное, меня просто привлекают подрядчики.

Удар молнии пробивает крышу и поражает меня миллионом вольт заряженного электричества.

— Порядчик?

Покраснев, она мечтательно улыбается мне.

— Ага. Он владелец «Капстоун Конструкшн» в Портленде. Его зовут Крейг.

Я прибываю в таком шоке, что не могу хоть как-то ответить. В смятении таращусь на Колин, что, должно быть, воспринимается ею за интерес, потому что она продолжает трещать голоском, упавшим до тона «только между нами, девочками».

— Он отвез меня в очень милый отель в прошлую пятницу. Он тогда впервые признался мне в любви.

В прошлую пятницу этот козел пригласил меня на ужин, а потом прогуляться до отеля. С тех пор он так и названивает мне каждый день, но я не отвечаю.

«Я бы хотел оставить свои яйца, — говорил Крейг, когда я угрожала ему ножом для масла. — Если все пойдет так, как я надеюсь, они нам понадобятся».

Надо было кастрировать этого напыщенного петуха, когда была возможность.

Гнев ожесточает мой голос.

— Знаешь, Колин, я бы не переживала о его реакции. На самом деле, я бы не переживала о нем в принципе. Сосредоточься на себе, на том, что заставляет тебя чувствовать себя хорошо, на том, что лучше для ребенка. Эту ему стоит переживать, как бы не потерять тебя, а не наоборот. А если он будет вести себя как мудака, когда ты расскажешь ему о ребенке, — *что он точно сделает*, — брось его как горячую картошку, живи своей жизнью. Ты слишком хороша, чтобы мириться с любой ерундой.

Колин выглядит пораженной моей маленькой пылкой речью.

Не оборачиваясь, Любопытная Варвара громко бормочет:

— Аминь.

Я откапываю бумажку и ручку из сумочки, карябаю на ней свой номер и отдаю Колин.

— Если захочешь поговорить, позвони мне. Я действительно хороший слушатель.

— Это так мило. Спасибо, Меган.

Она выглядит удивленной, как будто не может поверить, что девушка, о которой треплется весь город, может быть такой хорошей. Очередь снова продвигается вперед, скоро черед Колин. Прежде чем она подходит к кассе, она быстро и неловко обнимает меня, ее корзина тыкается мне в грудь.

— И если ты захочешь поговорить, то можешь тоже звонить мне, — говорит она тихо. — У Сюзанны есть мой номер. Seriously, в любое время.

Потом она беседует с фармацевтом, а мне остается только гадать, сколько времени пройдет, прежде чем она узнает по сарафанному радио, что мы с Крейгом ходили на свидание. Что еще более важно, сколько ругательств и угроз расчленения я могу использовать при телефонном разговоре, когда я позвоню этому бесполезному, эгоистичному, любящему польку павлину.

Отвлечшись на мгновение от своего психического расстройства, я получаю медикаменты и возвращаюсь в дорогу. Только когда я проезжаю мимо поворота к «Баттеркупу», я понимаю, куда направляюсь.

Я не знаю дорогу, поэтому съезжаю на обочину и вбиваю домашний адрес Тео в свой GPS-навигатор.

* * *

Не знаю, чего я ждала, но уж точно не современного шедевра из стекла и стали, выступающего с крутого скалистого утеса с видом на океан и окруженного с трех сторон густым лесом. Мужественный, строгий и поразительно красивый, прямо как из журнала «Архитектурный дайджест».

Я захлопываю водительскую дверь, а затем медленно поднимаюсь по подъездной дорожке к дому, хрустя под подошвами гравием. Бодрый морской бриз обдувает мои волосы. Солнце светит ослепительно ярко. В ста ярдах от дома находится старый сарай не к месту со своим обветшавшим состоянием и стилем. Он будто стоял заброшенный на опушке леса в течение ста лет. Если бы не блестящие, недавно отчеканенные замок и цепь, намотанные на ручки раздвижных дверей, я бы решила, что внутри него никого не было несколько десятилетий.

Прохожу по тропинке из белого мрамора, обрамленной с обеих сторон водоемом, напоминающим бурлящий ручей. Он протекает от входной двери и исчезает в почти невидимом провале в камнях на краю подъездной дорожки. Сама дверь представляет собой массивную плиту из стали, как минимум, в три метра с тонкой стальной ручкой такой же высоты. Окна по обе стороны от двери демонстрируют внутреннюю обстановку в белом цвете, современную, как и все снаружи. Мебели немного, но она идеально вписывается в просторное современное пространство. Внутренние стены лишены произведений искусства или картин. Окна доминируют в доме.

Вся западная стена сделана из стекла и создает у зрителя впечатление парящего в воздухе над океаном дома.

Почувствовав непонятный страх, я звоню в дверь.

Спустя несколько минут становится понятно, что никого нет, поэтому решаю обойти коттедж. Огибая посадки бамбука, хвоща и дзен-подобных каменных садов, я прогуливаюсь, пока не дохожу до высокой стеклянной стены. Дверей нет. За стеной находится прямоугольный живописный бассейн с видом на море.

Отсутствие мебели на гладкой цементной платформе заставляет меня подозревать, что этот бассейн никогда не использовался. Разве что для показухи.

Он выглядит так же одиноко, как я себя чувствую.

Я рассеянно начинаю шагать. Понятия не имею, что я надеялась здесь найти. Возможно, ключ к разгадке тайны Тео Валентайна. Но этот дом никак не намекает о природе или характере своего оккупанта. Он невероятно стерилен, как если бы его построили, чтобы владелец мог начать все с чистого листа.

Или хотел быть чистым листом.

Может его строгость и является ключом к разгадке. Наверняка именно такой дом и приобретают, чтобы начать все заново. Место, где притворяются, что прошлого не существует.

Место, чтобы возродиться.

— Перестань, — наказываю себя, резкий звук моего голоса сотрясается в тишине. Здесь нет другого шума, кроме шепота ветерка сквозь деревья и журчания волн, разбивающихся о скалистый берег далеко внизу.

И темного, знакомого голоса моего безумия, который задается вопросом, *зачем Тео держит замок и цепь на ветхой двери сарая. Кого он пытается туда не пустить?*

Или что он там прячет?

Я долго смотрю на сарай, гадая, мое ли это воображение или же я действительно

чувствую запах душистого горошка, пропитывающего прохладный утренний воздух.

ГЛАВА 25

Одним из побочных эффектов прописанного доктором Сингером препарата является тошнота. Сильная тошнота, с накатами как при морской болезни, только хуже, потому что она не отступает. В сочетании со звоном в ушах и тревожным ощущением головокружения, лекарство делает меня амебной.

После шести дней рвоты и хождения как в тумане, я смываю оставшиеся таблетки в унитаза. Звоню доктору Сингеру за другим рецептом, но его секретарь сообщает, что он в отпуске и не вернется еще две недели.

Вот тебе и «я всегда буду рядом».

У доктора Андерса нет свободного места еще несколько дней, так что на данный момент моя протекающая психо-шлюпка дрейфует в водах, кишущих акулами.

Я знаю, что не здорова. Я опасно одержима Тео, и его постоянное отсутствие только усугубляет ситуацию. Я все время проезжаю мимо его дома, надеясь увидеть его, но там никого нет. Отправляюсь в Мелвилл и нахожу учреждение, в котором он зарегистрировался. Сажу в машину и глазею на здание, пока не приближается осторожный охранник, желая знать, какого хрена я тут отираюсь.

На что отвечаю, что сама не знаю.

Беспрерывно строчу e-мейлы Тео, которые до него не доходят. Я сохраняю их в папке «черновик», не желая удалять, как будто это может усугубить ситуацию.

Все это время Куп и его работники заняты превращением «Баттеркупа» из гадкого утенка в прекрасного лебедя, используя эскизы Тео в качестве руководства.

Хозяйская спальня — впечатляющий люкс, который заставляет меня падать в обморок своим великолепием — закончена в рекордно короткие сроки. Кровля крыши и штукатурные ремонтные работы идут с невероятной интенсивностью. Каждый день я поражаюсь прогрессу, но если слышу знакомые шаги внизу посреди ночи, то точно знаю, что это только игра моего воображения, потому что Тео попросту не может там быть.

Он появляется на Хэллоуин. Наконец-то.

* * *

— Это вечеринка в честь Хэллоуина, Меган. Что означает, что ты должна надеть костюм, а не свой каждодневный прикид!

Сюзанна складывает руки на бедрах. Она осматривает на меня сверху донизу с выражением отвращения. Сегодня вечер вторника, я только что приехала к ней домой, и мы должны уже быть на пути к ресторану «У Бугера» для ежегодного празднования. Я до сих пор не до конца уверена, что Сюзанна собирается выпустить меня из своего дома, не вырядив в какой-то нелепый наряд, типа того, что сейчас на ней.

— Я отказываюсь выходить на люди, выглядя как рулон туалетной бумаги, Сюзанна.

— Я мистическая мумия! — она явно в ужасе.

— Мистическая? Это объясняет кучу блесков в твоём декольте.

— Серьезно, я не могу выпустить тебя в таком виде, — она машет рукой на мои джинсы и футболку с Боуи, морщась от моего своеобразного чувства стиля.

— Давай представим, что у меня наряд роуди¹⁰. Если у тебя есть портативный усилитель, я могла бы таскать его с собой в качестве доказательства.

Она преувеличено сильно закатывает глаза.

— О, точно. Уверена, он где-то у меня завалился.

— Посмотри под своим париком.

На ее голове огромный, светлый парик, размером с десять ковбойских шляп, украшенный клочьями такой же белой марли, которая обмотана вокруг ее тела. Обрезки должны напоминать льняные бинты, которые использовали для мумификации, но создается впечатление, что Сюзанна получила травму в несчастном случае на фабрике туалетной бумаги.

— Не смей оскорблять мой парик. Эта штука стоила целое состояние! — она приглаживает возвышающуюся стену из синтетического волокна, заставляя ее покачиваться. Затем ее глаза округляются, и она кричит: — О!

С этими словами она бежит по коридору к своей спальне, оставляя за собой кусочки марли.

Я смотрю на Де Ниро, Пачино и Сталлоне, валяющихся на диване и относящихся ко мне со своим обычным кошачьим презрением.

— Не волнуйтесь, мальчики. Из нас двоих здесь нормальная ваша мамочка.

Через несколько мгновений Сюзанна появляется из спальни с настолько ярким фиолетовым париком, что кажется, будто он светится. Она бросает его в меня, я ловлю.

— Надень это.

— Такой цвет не встречается в природе, — искривляю губы.

— Я скажу тебе, чего нет в природе — этих туфлей! — она выставляет ногу в босоножке на пятнадцатисантиметровой шпильке с кожаными ремнями, которые пересекают длину ее голени от лодыжки до колена. Думаю, они задумывались как египетские, но имеют поразительное сходство с одеждой госпожи. Госпожа «Зева-де-люкс»¹¹ Мистическая Мумия.

— Ну так одень балетки! — предлагаю я, заставляя ее рвать и метать.

— Балетки! Ха! День, когда я их надену, будет означать, что я потеряла всякую надежду привлечь мужчину!

— Кстати о мужчинах, — говорю я, пытаюсь придать тону непринужденность, — думаешь, Куп будет сегодня в «У Бугера»?

Сюзанна принимается усердно копаться в своей сумочке. Вытаскивает оттуда помаду и пудреницу, а затем приступает к перекраске губ в оооочень аппетитный оттенок красного.

— Куп? Не знаю. Возможно.

— Хочу сказать... Разве ты бы не хотела повидаться с ним?

Она отводит взгляд от пудреницы и прищуривает глаза, изучая меня.

— Что это значит?

Учитывая свое раздражение, когда она пыталась свести меня с Дагом, невысоким пожарным инспектором, я должна действовать осторожно, иначе рискую быть обвиненной в лицемерии.

— Ничего. Только...

Сюзанна швыряет пудреницу и губную помаду обратно в сумку, потом поворачивается ко мне со сложенными руками.

— Только что?

Она уже что-то подозревает. Просто выплюнь это.

— Только я уверена, что он будет рад видеть тебя там.

Ей требуется время, чтобы осознать мои слова, затем она поддается назад, как будто я

ударил ее по лицу.

— Не смейся!

— И почему же это смешно?

— Престон Купер — последний человек на Земле, который заинтересовался бы такой девушкой, как я, вот почему! Ему нравятся сладкие, ванильные девчонки, — закипает она, хлопая ресницами. — Унылые домоседки, о которых никто никогда не сплетничает, потому что они никогда не делают ничего интересного! Типа как его жена!

— Бывшая жена.

— Надень этот чертов парик.

В связи с ее раздражением темой разговора, я не настаиваю на его продолжении.

— Кто еще будет на вечеринке?

— Если ты беспокоишься о дамочках из церкви, которые о тебе беспрестанно сплетничают, то да, большинство из них там будет. Как и все остальные в этом городе. Ежегодный карнавал в «У Бугера» уступает только рождественскому параду лодок по популярности. Поэтому тебе необходим костюм!

Я нацепляю парик на голову, поправляю его, чтобы фиолетовые пряди не лезли в глаза и невозмутимо бормочу:

— Та-дааа. Костюм!

— Какая же ты несносная! — она перекидывает сумочку через оголенное плечо и направляется к двери. — Давай уберемся отсюда, пока кошки не решили, что я столбик для царапок и не искромсали меня.

Оказавшись в машине, Сюзанна слишком долго разглядывает мой профиль, что я начинаю волноваться.

— На что пялишься?

— Мы не виделись после церкви. Ты похудела.

— Стало быть, это мне стоило вырядиться мумией, — бормочу я, слишком сильно выворачивая руль на повороте.

— Ты заболела?

— Господи, неужели все настолько плохо?

— Нет, ты на самом деле отлично выглядишь, сучка, просто похудела. И... похожа на призрак.

Я втягиваю воздух и крепче стискиваю оплетку руля машины.

— Я принимала «Эсциталопрам» нескольких дней, но от него мне было плохо, поэтому я перестала их пить. В желудке ничего не задерживалось.

— Меган, я же говорила тебе, что ты не сумасшедшая, — ее тон прямо как у мамочки перед поркой.

— Мой психиатр не согласен.

— Во даёт!

— Жаль, что он не в моем вкусе.

— Хватит умничать, серьезно! Трудный период, не значит, что тебе нужно принимать наркотики!

— Эти лекарства спасают жизни людей, Сюзанна.

— А еще убивают их! — страстно парирует она. — Ты когда-нибудь видела список ужасных побочных эффектов у антидепрессантов? Неконтролируемые мысли о самоубийстве на первом месте!

Полагаю, сказывается ее опыт общения с безумным дядей Роем, но я слишком раздражена, чтобы понимать, что она пытается донести до меня. Люди, у которых никогда не было депрессии, понятия не имеют, каково это. Я не могу сосчитать, сколько раз мне говорили друзья с самыми благими намерениями: «просто смирись» или «сосредоточиться на положительном».

Но потом она заявляет то, что останавливает мое раздражение.

— Хочу сказать, черт возьми, если бы мой парень заперся в психушке, я бы тоже расстроилась, но я бы не занималась подавлением... — она замолкает от тишины и смотрит на меня глазами по пять копеек.

— Откуда ты знаешь, что Тео в психушке?

— Эм...

Понимание ударяет меня в солнечное сплетение.

— О мой Бог. Все в Сисайде знают, где Тео, не так ли?

Она ссутуливается и выглядит виноватой.

— Может быть?

— Каким образом? — ору я.

— Ну, дорогая, только не расстраивайся... У парикмахера кухни Линны, Максин, есть сводный брат. Так он находится в том учреждении, немного отдыхает после продолжительного кокаинового забытья. Максин пошла навестить сводного брата на прошлой неделе и увидела Тео, блуждающего по территории. Она сказала, что он выглядел не очень хорошо. Этим она поделилась со всеми своими клиентами в салоне, одна из которых была кухня Линны, потом кухня Линны рассказала это Линн, а та в свою очередь — она, кстати, любит нести всякую отсебятину, поэтому запросто могла что-то приукрасить — рассказала все в своем книжном клубе и кружке вязания, и...

— Ясно! — кричу с красным лицом. Я не представляю, кто эти люди, но знаю, как работает сарафанное радио и как быстро распространяются пикантные новости.

— Прости. Понимаю отстойность всей ситуации. Если тебя утешит, никто не знает с вас двоих.

Я стону.

— Я не беспокоюсь за себя, я беспокоюсь за него! Что будет с его бизнесом? Будут ли люди относиться к нему по-другому? Как он будет себя чувствовать, зная, что все осуждают его и шепчутся за спиной?

— Вероятно так же, как он чувствовал себя в течение последних нескольких лет, когда происходило то же самое.

Я снова постанываю от мыслей, что Тео подвергался косым взглядам и шушуканьям.

Сюзанна гладит меня по руке.

— Верись или нет, но люди к нему все равно тянутся. Возможно, это даже пойдет на пользу. Ему уже давно была нужна помощь.

В течение нескольких минут я пытаюсь остыть в гробовой тишине, пока Сюзанна не спрашивает с осторожностью:

— Итак, была у него дома?

— Боже, — резко выдыхаю, — я почувствовала себя идиоткой, сделав это. Надеюсь, у него нет камер наблюдения. Последнее, что нужно бедному мужчине, это непрерывные звонки и прогулки по его собственности от женщины, с которой у него был случайный перепихон.

Не говорю о том, что частенько к нему навещаюсь, потому что хреново себя почувствовала, сознававшись даже в одном посещении.

— Да уж. Будем надеяться, что он не видел «Рокового влечения».

— Спасибо, — горько говорю я.

— Насчет случайного перепихона...

— Нет.

— «Нет» — значит не будешь об этом говорить, или «нет» — что кроме тех двух больше ничего не было?

— Оба варианта.

— Обломщица, — вздыхает она.

— И не говори.

— Не знаешь, когда снова его увидишь?

— Нет.

— Что он говорит, когда ты его спрашиваешь?

— Я не спрашиваю у него. Он не отвечает на письма, его телефон выключен. К тому же, я вроде как установила это «не спрашиваем, не рассказываем» в наших отношениях, — когда она принимается тарачиться на меня, наступает моя очередь вздохнуть. — В голове такое звучит лучше, чем вслух.

— Итак... что? — Сюзанна выглядит обеспокоенно. — Тебе просто нужно ждать, пока он ни почтит тебя своим присутствием?

— Принцип такой.

— О, черт возьми, вот это жесть! Ты не какая-то легкомысленная диснеевская принцесса, которая тратит свои лучшие годы, тоскуя по рыцарю в блестящей джинсовой ткани! — она задумывается на мгновение. — Может отправить ему письмо в больницу?

— Ты бы так поступила?

— Ох, нет, дорогая, — смеется она, — я бы уже вломилась в это гребанное место и лишила бы его нижнего белья.

— Конечно, — въезжаю на парковку ресторана «У Бугера», останавливаюсь перед стойкой парковщика, и мы направляемся внутрь.

Ресторане уже переполнен. От стенки до стенки тусуются зомби и ведьмы, призраки и пираты, феи и вампиры. Можно увидеть даже несколько персонажей «Звездных войн» и Вселенной «Марвел». Все смеются и общаются, толпятся на танцполе, пьют напитки. Сюзанна тащит меня через толпу к столику в дальней части комнаты рядом с временным баром, установленным в углу, чтобы хоть как-то справиться с толпой. За стойкой стоит парень в ярко-фиолетовом костюме Джокера. Мне хочется подарить ему свой парик.

И еще я хочу уехать.

Здесь слишком громко, слишком шумно, и моя социофобия вступает в силу с удвоенной силой. Какого черта я на это согласилась? *Ненавижу вечеринки.*

— О нет, — заявляет Сюзанна, заметив выражение моего лица. — Ты никуда не пойдешь, подруга. Сядь на стул и сделай вид, что тебе весело. Я собираюсь выпить. Что будешь?

— Имбирный лимонад.

Она толкает меня в кресло и направляется к Джокеру, волоча за собой клочья марли, как снег. Как только она исчезает, на стул напротив моего опускается мужчина.

Крейг.

Он единственный человек здесь в нормальной одежде: коричневых брюках и черном кашемировом свитере. Идеальная прическа. Идеальная улыбка. Но в глазах голод, как у крокодила.

Я стискиваю зубы, не веря, как сильно Вселенная любит надо мной издеваться.

— Что ты здесь делаешь?

— Ты избегаешь моих звонков.

— Так точно. Забавно, но я не хочу разговаривать со лживым, развратным придурком.

Если он удивлен моей враждебностью, то этого не показывает.

— Почему я лжец?

— Убирайся.

— А развратник?

— Ты оглох? Я сказала: «Уходи».

Мышца в его челюсти изгибается.

— Хотя бы объясни. После ужина я подумал, что все замечательно. Мне казалось, между нами возникло притяжение.

Я насмешливо смеюсь, от чего его глаза темнеют.

— Ты превосходный актер, отдаю тебе должное. Все твои разговорчики в стиле «я не играю в игры» и «ты всегда будешь знать, чего ждать» наверняка действуют. Женщины точно схавают это дерьмо. В смысле, мне казалось, что все звучало искренне. Bravo!

Я останавливаюсь, и смотрю, надеюсь, что с чистым отвращением.

— Уверена, Колин тоже так думает. Скажи, сколько времени тебе понадобилось, чтобы набрать ей, высадив меня у входной двери? Десять секунд? Двадцать?

После паузы он откидывается на спинку стула, скрещивает ноги, складывает руки на колени и улыбается.

— Ты очаровательна, когда ревнуешь.

Он думает, что я ревную? Самовлюбленный эгоистичный петух! Ему повезло, что на столе нет столовых приборов, иначе в его лбу красовалась бы вилка.

— Время свалить, Крейг, — холодно говорю я. — И если ты не хочешь, чтобы я рассказала твоей девушке Колин, какой ты огромный кусок дерьма, сделай это быстро.

— Она не моя девушка.

— Если ты не уберешься с моих глаз в течение пяти секунд, я найду, чем в тебя пырнуть.

Его улыбка становится снисходительной, как будто он имеет дело с милым, шkodливым ребенком.

— Не глупи. Ты не сделаешь ничего подобного.

Я опираюсь на локти, кладу подбородок на сжатые кулаки и улыбаюсь ему, демонстрируя все свои зубы.

— Разве ты не слышал, Крейг? Я-нахрен-чокнутая.

Вот он момент, когда до него доходит.

— О, Крейг! Привет! Не ожидала тебя здесь увидеть! — Сюзанна встает сбоку от стола с двумя напитками в руках и смотрит на Крейга с теплотой айсберга.

Я не рассказала ей о разговоре с Колин в аптеке, так что ее реакция связана с его отказом после первого ужина в «У Бугера». Всегда любила женщин, которые умели затаить обиду.

— Здравствуй, Сюзанна, — мягко говорит он, вставая. — Как приятно снова тебя видеть. Прекрасно выглядишь, — он пялится на ее декольте, не утруждая себя хотя бы в

капельке сдержанности.

Господи. Человек в одиночку подрывает мою веру в человечество.

— Я в курсе, — бросает Сюзанна и проталкивается мимо него, чтобы сесть.

Затем Вселенная решает, что недостаточно повеселилась, и тут как тут появляется Колин.

На ней обтягивающий черный костюм Женщины-кошки, который фантастически на ней сидит. Никакого намека на ребенка в поле зрения.

— Привет, девочки, — улыбается она. Затем смотрит на Крейга, стоящего с искусственной улыбкой на лице. — Вы знакомы с Крейгом?

— Да! — одновременно с Сюзанной сознаемся и награждаем его пристальным взглядом.

Улыбка на лице Колин гаснет от растерянности и странном напряжении в воздухе, в то время как музыка меняется. Попса растворяется в медленном, знойном голосе Этты Джеймс, поющей свою фирменную блюз-песню.

Закрыв глаза, я погружаюсь в страстный вокал и звуки размашистой скрипки. Я снимаю дурацкий фиолетовый парик и опускаю голову в руки, мечтая оказаться где-нибудь в другом месте, чтобы разреветься.

— Милая, — говорит Сюзанна, касаясь моей руки. — Что случилось?

— Песня, — отвечаю ломающимся голосом.

— Что с ней?

Я начинаю хихикать маленькими, мучительными вздохами, которые больше похожи на рыдания, чем на смех.

— Это была наша песня. Моя и Касса. Она играла на радио, когда он делал мне предложение и подарил кольцо, нам тогда было по пятнадцать. Мы танцевали под нее на свадьбе. Каждый раз, когда ее где-то включали, он говорил, что любит меня.

Я люблю тебя, милая. И буду любить до конца времен.

Я слышу его голос так, как будто он стоит рядом со мной. Слезы, горячие и жгучие, быстро скапливаются в глазах. Блин... Я сейчас расплачусь. Мне нужно выбраться из этой комнаты, пока у меня не началась истерика.

Но вместо того, чтобы убежать, я открываю глаза и застываю, импульс бежать испаряется одним жестким, рефлекторным движением.

На входе на танцпол, наполовину скрытый в тени дверного проема, стоит Тео.

Он смотрит прямо на меня.

Он улыбается.

ГЛАВА 26

Комната погружается в темноту. Все и вся исчезает, остается лишь он, стоящий неподвижно и смотрящий на меня с теплой улыбкой и сияющими глазами.

Он недавно побрился. От этого твердый угол его подбородка блестит словно новехонькое лезвие. На нем его обычный наряд: сапоги, черная кожаная куртка и джинсы, но волосы расчесаны и подстрижены. Он выглядит вычищенным. Обновленным.

Сбивающая с ног, крадущая дыхание, заставляющая вождельть красота.

— Это Тео? — кто-то спрашивает. После чего его имя разносится в каждом уголке помещения. Удивленное повторение «ТеоТеоТео» десятками приглушенных голосов, но из-

за большого количества говорящих прогремевшее очень громко.

Он выходит из тени дверного проема и грациозно пересекает танцпол, его взгляд устремлен на меня. Люди разбегаются, освобождая ему путь, а когда он подходит к столику, ему освобождают место. Мужчина останавливается возле моего стула. Не нарушая зрительного контакта, протягивает руку.

Когда наши пальцы соприкасаются, знакомый треск статического электричества искрится между нашей кожей. Тео берет меня за руку, и я, затаив дыхание, поднимаюсь на ноги.

Тео ведет меня к середине танцпола и обнимает, мы стоим неподвижно, глядя друг другу в глаза. Музыка нарастает вместе с ударами моего сердца.

— Привет, — говорю я.

В качестве ответа он склоняет голову к моей шее и глубоко вдыхает.

Я обнимаю его за плечи и прячу лицо в его груди, не заботясь о том, что у нас сотни свидетелей-зевак. Мое сердце колотится так сильно, что я чувствую это кончиками пальцев.

— Ты знаешь, как эффектно появиться, Солнышко.

Низкий гул проходит через его грудь. Хихиканье?

Он переступает с ноги на ноги, и мы начинаем покачиваться. Наши тела прижаты друг к другу и медленно двигаются в такт музыке без каких-либо усилий, будто парят.

— Я скучала по тебе.

Он кладет палец мне под подбородок и наклоняет голову, чтобы мы встретились взглядами, затем хлопает себя по груди и поднимает два пальца. *Он тоже.*

— Ты выглядишь... лучше.

Он медленно кивает, а затем также лениво моргает. Его зрачки расширены.

Да он под кайфом!

Как ледяная вода, холодный поток ужаса пронизывает мои вены. Когда я напрягаюсь у него на руках, он наклоняет голову, глядя на меня полузакрытыми глазами.

— Тео, ты принимал какую-то дурь?

На лице его появляется легкое удивление, затем он качает головой. Пытается что-то объяснить, спустя немного времени я понимаю, что он имеет в виду медикаменты.

Он на таблетках. Сама не понимаю, почему это так меня шокирует, ведь, как правило, когда человек проводит время в учреждении для оказания психиатрической помощи, лекарства всегда принимают в этом участие.

— Ты... ты в порядке? — шепчу я.

Мечтательно улыбаясь, он снова кивает. Тео постукивает по виску и делает движение «пфф» рукой. Если бы он был кем-то другим, я бы не догадалась о значении этих жестов, но этот мужчина однажды сказал мне, что слышит голоса и видит призраков. А теперь сообщает, что они исчезли. Лекарства изгнали их.

Должно быть, сильные лекарства.

Такие сильные, что убивают демонов.

Страх окутывает мое сердце. Песня заканчивается, музыка сменяется, и внезапно все, что было таким волшебным становится раздражающим и чуждым.

— Я хочу уехать, Тео. Поедешь со мной?

Когда он берет мое лицо в руки и нежно целует, я воспринимаю это как «да». Я приказываю ему оставаться там, где он стоит, сама бегу к столику, чтобы предупредить Сюзанну об уходе.

— Дорогая, я удивлена, что ты вообще все еще здесь, — она потягивает свой напиток и улыбается.

— Как ты доберешься до дома?

Она отмахивается.

— На такси. Или может быть, на Джокере — он симпатичный, — она поднимает бокал и произносит тост за бармена, подмигивая ему.

Я не удосуживаюсь посмотреть, подмигнул ли он ей в ответ. Просто чмокаю в щеку подругу и бегу обратно к Тео, игнорируя пристальные взгляды, следящие за каждым моим шагом. Хватаю его за руку и увожу с танцпола, прорывав на кого-то о медлительности и попросив свалить с дороги.

Сейчас мне не до вежливости. Я должна побыть наедине со своим мужчиной, иначе совершу убийство.

Дорога домой занимает в два раза меньше времени, чем обычно, потому что я нарушаю все существующие правила дорожного движения. Все это время Тео просто смотрит на меня, гладит по волосам и улыбается, совершенно ни о чем не тревожась, даже когда мы с визгом срезаем углы.

Мне не нравится его неестественное спокойствие. Мне не нравится стеклянность в его глазах, странная новая дымка, которая заняла место всего, что когда-то было таким интенсивным. Мне не нравится, как его правая рука подрагивает через равные промежутки времени, или как его плечи иногда дергаются, или как он продолжает сглатывать, словно у него дикий сушняк.

Здравомыслие всегда имеет цену, но в этом случае, думаю, она слишком высока.

— Тео, какие лекарства ты принимаешь?

Он залезает в карман пальто, достает два маленьких оранжевых флакона и протягивает их мне. Я щелкаю на верхний свет и прищуриваюсь, чтобы разобрать надписи на этикетках. Один из препаратов — «Валиум», который, вероятно, ответственен за стеклянные глаза, но к утру он должен выйти из организма. Другой носит зловеще длинное название, которого я никогда раньше не слышала. Должно быть, именно он убийца демонов, вызывающий эти подергивания.

Я поднимаю пузырек вверх.

— Это нужно принимать на постоянной основе?

Он кивает.

Вашу ж мать.

Вырубая свет, и бросаю флаконы в подстаканник. Когда я раздраженно выдыхаю, Тео наклоняется и кладет голову мне на колени, обнимая бедра и поглаживая мою ногу, дыша удовлетворением. По приезду в «Баттеркуп» он уже спит.

Заезжаю на подъездную дорожку, глушу мотор и сижу в темноте, слушая тиканье двигателя и глубокое дыхание Тео.

Как, черт возьми, он добрался до ресторана «У Бугера»? В таком состоянии он не мог управлять автомобилем. Куп говорил, что Тео может покинуть больницу на ночь и в выходные по своему желанию, но персонал все равно обязан следить за состоянием своих пациентов. Не могу поверить, что они позволили ему в состоянии укурка свободно выплыть за дверь!

Внезапно я начинаю злиться. Злюсь на сотрудников психушки, злюсь на Вселенную, злюсь на глупые лекарства и глупые побочные эффекты.

Но больше всего злюсь на себя.

Если бы я не переехала в Сисайд, Тео был бы в порядке. Возможно, он был бы не совсем стабилен, возможно, не совсем в здравом уме, но в порядке. На плаву. Это единственное, на что любой из нас может рассчитывать в этом странном, долбанном мире. Но теперь он здесь, без сознания, у меня на коленях. Лев, превратившийся в одурманенного ягненка.

Я роюсь в его пальто, понятия не имея что ищу. Почувствовав что-то внутри кармана, вытаскиваю это нечто. У меня в руках маленькая белая карточка, на которой Тео написал: «Если найдешь, верни домой».

Под надписью указано мое имя, адрес и номер телефона.

Я съеживаюсь. Горячие слезы тихо сползают по щекам. Просовываю карточку обратно в карман и долго сижу в машине, предаваясь размышлениям, перебирая все возможные сценарии того, что произойдет дальше. В итоге решаю, что независимо от правды — имею я дело с чудом или мы просто два человека с психическим заболеванием — Тео тоже мой дом. И ничто в этом мире не заставит меня покинуть его часть.

Сумасшедшие или нет, мы в этом дерьме вместе.

Решение принято, я затаскиваю Тео к себе домой, поднимаю наверх и укладываю спать.

Затем запускаю компьютер, чтобы в Google раздобыть контакты клиники.

* * *

Я не ожидала, что доктор Тео будет доступен. Не ожидала, что кто-то в принципе будет доступен, кроме разве что ночного администратора, но когда я говорю женщине, ответившей на звонок, что я жена Тео Валентайна, проходит длинная пауза, после чего мне сообщают чтобы я оставалась на линии, ибо меня соединяют.

Ожидание кажется вечностью, я успеваю налить себе виски, выпить его и еще раз налить. Затем человек с грубым бостонским акцентом и уверенностью в голосе поднимает трубку.

— Доктор Гарнер. С кем я говорю?

— Меган Да... Валентайн. Жена Тео Валентайна.

Вот уж нелепая авантюра. Нет оснований полагать, что Тео мог указать меня в качестве контакта в своих медицинских документах, и еще меньше оснований думать, что он, возможно, занес меня туда как свою супругу. Но мое мистическое мышление, которое заставляло меня связывать совпадения воедино, как рождественскую гирлянду, побуждает меня считать, что есть шанс, что он это сделал.

И я оказываюсь права.

— Здравствуйте, миссис Валентайн, — говорит доктор Гарнер. — Чем могу помочь?

От облегчения у меня отказывают ноги. Я скатываюсь на пол и сижу там, дрожа и сжимая мобильник в одной руке, а стакан с виски в другой. Единственное, что меня удерживает — кухонный стол за спиной. Я прочищаю горло, стараясь звучать как рациональный человек, а не гавкающий психопат, коим и являюсь.

— Я бы хотела обсудить с Вами план лечения Тео.

— Я не имею права обсуждать это.

— Забавно, доктор Гарнер, потому что закон конфиденциальности позволяет врачу обсуждать состояние здоровья пациента с его семьей.

Если он впечатлен моим знанием федеральных законов о конфиденциальности в области здравоохранения, то никак это не демонстрирует. Сухим, как пыль, голосом он отвечает:

— Да. Позволяет. Но раскрытие информации происходит на усмотрение врача.

Черт возьми. Этот парень — кирпичная стена.

— Мне казалось, Вы хотите сделать все возможное, чтобы помочь Тео выздороветь.

Наступает пауза, после которой доктор Гарнер заявляет:

— Простите меня за прямоту, миссис Валентайн, но я могу сказать то же самое о вас.

Словно взбешенная кошка, я оцетиниваюсь.

— Как это понимать?

— Вы знаете о природе галлюцинаций Вашего мужа?

Я сглатываю, моя оборона исчезает так же быстро, как и появилась.

— Он... он упоминал призраков. Голоса.

— Шизофрения характеризуется бредом...

— Шизофрения?

Мой крик ужаса прерывает доктора Гарнера, затем он продолжает в более резком тоне.

— Я не знаю, насколько Вы знакомы с тяжелыми психическими расстройствами, миссис Валентайн, но Тео нуждается в уходе до конца своей жизни, чтобы справиться с симптомами своей болезни. Это означает медикаментозное лечение, терапию и, самое главное, поддержку со стороны семьи и друзей.

Голос доктора становится еще более резким.

— Он дал понять, что не может говорить с Вами о своем состоянии, так что, если честно, я тоже не склонен обсуждать это с Вами.

Я выливаю остатки виски в свой стакан. Жидкость прожигает горло огненной тропой, отражая пламя безумия, пробивающееся сквозь мой мозг.

Может быть, причина, по которой Тео не может говорить со мной о своих галлюцинациях, в том, что я играю в них главную роль? Может то, что он считает галлюцинациями, это совсем другое?

Например, воспоминания...

— Доктор Гарнер, Вы верите в реинкарнацию? — дрожащим голосом интересуюсь я.

— Нет, — категорически заявляет он, — и также не верю ни в Деда Мороза, ни в Зубную Фею. Если Вы хотите помочь своему мужу, убедите его продолжить свое пребывание в нашей клинике.

— Продолжить? Вы имеете в виду...

— Он завершил курс лечения, на который подписался. Не думаю, что он представляет угрозу для себя или для кого-то еще, поэтому ничего не могу сделать, чтобы удержать его здесь. Но я твердо верю, что стабильная, терапевтическая среда, подобная той, которую мы предлагаем, в его интересах.

Я встаю, пытаюсь сохранить баланс, держась для поддержки за кухонный стол, расправляю плечи и глубоко вдыхаю. Когда выдыхаю, переполняюсь решимостью.

— Я скажу вам, что в его интересах. Находится дома со мной.

Повесив трубку, поднимаюсь наверх и заползаю под одеяло рядом с Тео, который спит на стороне кровати Касса так же тихо и неподвижно, как Смерть.

* * *

Я просыпаюсь в тихий серый час перед рассветом, возбужденная и дезориентированная. Провожу мгновение в этом туманном пространстве между сном и реальностью, мои конечности и веки тяжелы, сердце колотится медленным и устойчивым темпом.

Рука, сильная и грубая, скользит вверх по бедру.

Вот источник всего этого тепла: Тео обернулся вокруг меня, как одеяло. Его ноги вытянуты позади меня, грудь прижата к моей спине, одна мускулистая рука касается моей головы. Губы целуют мою шею.

Его возбуждение — еще одно тепло, твердый и пульсирующий стояк, упирающийся в мою задницу.

Рука поднимается вверх от бедра к грудной клетке, обхватывает мою грудь, лениво поигрывает с соском, пока тот не затвердевает. Его горячий и влажный рот скользит по моему плечу.

— Доброе утро, — шепчу я.

В ответ он нежно впивается зубами мне в кожу.

— Хорошо спал?

Он посасывает там, где только что были его зубы, спускается рукой к моему животу и между ног. Я тихо вдыхаю, когда пальцы добиваются до самой чувствительной точки меня. Они творят чудеса, выводя медленные круги. Через несколько мгновений я негромко постанываю, повернув голову для поцелуя.

Тео захватывает мой рот. Поцелуй глубокий и эротичный, такой же неторопливый, как и его руки. Вскоре из моего горла вырывается хрип, мне нужно больше.

И мне это дают.

Раздвинув мои ноги, Тео проскальзывает своим членом между моих бедер и использует свою руку, чтобы направить ее в мою влажность. Но не толкается внутрь. Просто скользит назад и вперед, размазывая влагу по моим складкам, продолжая игру пальцев.

Я издаю бессвязный звук удовольствия, качая бедрами в такт мягким, ровным взмахам.

Мужчина продолжает в том же духе, невыносимо медленно, пока я не начинаю тяжело дышать и вдавливаясь в его руку сильнее. Из его груди вырывается хрип, глубокий и темный — звук его желания. Он хватается мою ногу, поднимает ее выше и раздвигает бедра, пока не получает правильный угол. Одним ударом вонзается в меня.

Я изгибаюсь, стону и вздрагиваю. Тео прижимает ладонь к моему животу и притягивает меня ближе, продолжая вдавливаясь, сначала поверхностно, пока жадное движение моих бедер не заставит его погрузиться глубже.

Он перекачивает меня на живот, зажимает мои волосы в кулаки и принимается трахать, пока я не начинаю задыхаться.

Разрядка слишком сильная: пальцы сжимают простынь, животные звуки удовольствия хрипят в моем горле. Тео кряхтит одобрением У него прерывистое дыхание, тело напряжено и он вдавликает меня в кровать. Думаю, сейчас он тоже кончит, но он замедляется, отступает, и я оказываюсь на спине. Он опускается на меня и глубоко целует, не прерывая толчки.

Так хорошо. Настолько естественно. Как на небесах.

Он будто моя вторая половина.

Я закидываю лодыжки ему на спину и вонзаю пальцы в его волосы, дергая, потому что хочу его еще глубже, еще ближе. Хочу от него большего. Больше всего.

Он на грани. Я чувствую это по дрожанию его рук, слышу это в его хрипах, вижу это в его лице, когда его брови сближаются от острого удовольствия. С каждым толчком его таза мои соски упираются ему в грудь. Он наклоняет голову и берет один в рот, принимаясь усиленно его сосать, продолжая бесконтрольно двигаться, раскачиваться и постанывать вокруг моей плоти.

— О-о... Тео!

Его тело дергается. Он издает звук, будто умирает. Его руки вздрагивают в моих волосах, когда его оргазм срывает еще один звук с его губ. Новый звук, который я никогда не слышала от него ранее.

Имя.

Мое имя.

— Меган!

Все затянувшиеся сомнения относительно моего здравомыслия и гребанной головоломки, которую собрал мой мозг, наконец разрушены, когда я слышу голос Тео.

Потому что теперь я знаю, почему он перестал говорить.

Его голос не принадлежит ему.

Он принадлежит человеку с небесно-голубыми глазами и солнечной улыбкой, которого я впервые встретила, когда мне было шесть.

ГЛАВА 27

Я бьюсь в истерике, а Тео в шоке замирает. Цепляясь за него каждой каплей силы, я зарываюсь лицом в его шею и изливаю свою эйфорию неконтролируемым потоком слез.

— Я знала! — приглушенно причитаю в его кожу. — Я знала, что ты вернешься ко мне!

Застывшие мышцы Тео расслабляются. Он выдыхает, прижимая поцелуй к моей шее. С грохотом, похожим на мурлыканье, из его груди раскатывается низкий смех.

— Милая, — шепчет он, оставляя легкие поцелуи на моих ушах. — Меня не было всего несколько недель, — его тон дразнящий. — Ты всегда будешь такой эмоциональной после секса?

Слова Тео, но голос мне до ужаса знаком, немного более хриплый тембр, но в остальном неизменный. Эхо этого голоса звучит в моей голове уже пять долгих лет. Я узнаю его где угодно.

— Нет, ты знаешь, что я имею в виду! — я поднимаю голову и встречаюсь с мужчиной глазами. — Касс, Касс, я люблю тебя! Никогда не переставала, ни на секунду! Я всегда знала, что ты вернешься!

Тео перестает дышать. Он лежит на кровати, словно мертвец. В его глазах появляется выражение чистого ужаса.

— Что?

Я так сильно плачу, что практически ничего не вижу. Обезумевшая от радости, я прокладываю неистовые поцелуи по всей его шее.

— Почему ты пытался держаться от меня подальше? Почему ты не сказал мне раньше? Почему ты не нашел меня в Фениксе?

Он резко отстраняется от меня, резко забирая тепло своего тела, словно ударом хлыста. Вскакивает и стоит обнаженным у подножия кровати, глядя на меня широкими, дикими глазами с дрожащими руками.

— О чем, черт возьми, ты говоришь? — шепчет он.

Время останавливается.

Все часы в мире перестают тикать.

Гравитация освобождает меня и выбрасывает в черное, застывшее пространство.

Я сажусь на кровать, натягиваю покрывало на обнаженную грудь, и мы смотрим друг на

друга сквозь тишину комнаты, пока я не набираюсь смелости заговорить.

— Тебе не нужно притворяться. Я не буду... не буду никому рассказывать, — мой короткий смешок задыхается от страха. — Да и кто поверит?

После паузы, в которой я слышу каждый удар моего гроыхающего сердца, Тео процеживает сквозь стиснутые зубы:

— Кто поверит нам насчет чего?

Моя кровь кристаллизуется в лед.

Нет.

Нет, этого не может быть.

Слезы все еще скатываются по моим щекам, но я их больше не чувствую. Я не знаю как моргать, двигаться или даже дышать.

— Касс...

— Я не твой гребаный мертвый муж! — ревет Тео голосом моего покойного мужа.

Кислотный привкус проникает в мое горло. Я сглатываю, неудержимо дрожа. Воздух становится таким холодным, что мы с таким же успехом могли бы находиться в склепе.

— Почему ты врешь? — бормочу я.

Свет покидает глаза Тео. Они затухают. Словно ливневый шторм останавливается за окнами.

— Вот почему ты хочешь меня? Потому что думаешь, что я это он?

Эти слова вызывает трещину в моем разуме. Я чувствую это — быстрый, жесткий треск льда под ногами.

Я встаю на ноги, прямо там, на матрасе. Прижимая простыню к груди, я выдыхаю, что звучит как предсмертный хрип. Мой голос еще хуже — глухой и жуткий, будто я говорю из могилы.

— Я не думаю, что ты — это он, а он — это ты. Ты — это ты. Вы разные и оба совершенны.

— Прекрати, — категорично заявляет он.

— Нет. Почему ты перестал говорить после аварии, Тео? Почему ты не произнес ни слова за пять лет?

— Мои голосовые связки были повреждены в результате вдыхания дыма во время аварии. Мой голос изменился, я его ненавидел, — без колебаний отвечает он.

Истерический смех сквозь слезы покидает мое горло.

— Вдыхание дыма? Так тебе сказали в дурдоме? Потому что, думаю, мы оба понимаем, что это другое.

— Меган, остановись...

— Тео, ты когда-нибудь видел меня до того, как я переехала сюда?

Краска покидает его лицо. Он становится белым, как простыня, которую я сжимаю в кулаке.

— У меня... — он шепчет. — У меня была черепно-мозговая травма, Меган. Мои галлюцинации... они не настоящие.

— Тогда почему ты спрашивал Купа, как можно помнить кого-то, кого никогда не встречал?

Тео сглатывает, ненадолго закрывая глаза.

— Мой врач сказал, — растерянно отвечает он, — что я не вылечусь, если не начну говорить, что мне надо себя заставить. Я не хотел делать это в первый раз перед всеми вчера

вечером на вечеринке...

— Откуда ты знаешь меня, Тео?

Задушив слезы, Тео подбегает к своей одежде в куче на полу возле его стороны кровати. Натягивает джинсы, рубашку и куртку, пока я погружаюсь все глубже и глубже в черный бред, поднимающийся как паводковые воды в моем подсознании.

Они накачали его. Эти сукины дети в этой долбанной клинике по науськиванию бездушного ублюдка доктора Гарнера накормили его наркотиками, убеждали его, что он психопат, промывали ему мозги, полагая, что чудо — это психическое заболевание.

Я этого не позволю. Мне нечего терять. Он моя родственная душа, и я никому не дам забрать его у меня.

Только не снова.

— Ты боишься желтых шариков! — выкрикиваю я.

Тео вздрагивает, как будто я дала ему под дых. Медленно отступая к двери спальни, он смотрит на меня, пока я рассказываю вещи о нем.

— Твою мать звали Мэри! Твоим отцом был Дэн! Когда тебе было десять, тебе подарили собаку, ты назвал ее Снупи!

Тео закрывает уши руками. Качая головой и все еще двигаясь назад, его лицо морщится, он начинает всхлипывать.

— Ты любишь хот-доги, «Медвежий коготь» и фильмы про Безумного Макса! Ты фотографировал удары молний и рисовал пейзажи маслом! Предложение сделал там, где мы впервые занялись любовью, когда нам было по шестнадцать, под цветущей акацией в нашем любимом месте на излучине Солт-Ривер! На твоей спине была татуировка седьмого стиха от Матфея. Ты был искателем, который верил, что единственный способ докопаться до истины — это стучаться в каждую дверь, пока не доберешься до нее!

Его рыдания разрывают мое сердце, но я обязана продолжать. Я не могу отступить на полпути, как бы мне этого не хотелось. Мне необходимо пробить стену отрицания раз и навсегда.

Я спускаюсь с матраса и подхожу к нему, спотыкаясь на каждом шагу. Мое тело дрожит, голос поднимается до крика.

— И независимо от того, примешь ты это или нет, правда в том, что ты погиб в 12:02 семнадцатого мая пять лет назад, тебя звали Кассади Майкл Данн, и ты был любовью всей моей жизни!

Открыто плача, Тео поворачивается и выбегает из комнаты.

Когда его шаги раздаются на лестнице, мои ноги ослабевают. Я опускаюсь на колени, комната кружится. Через несколько мгновений входная дверь захлопывается с грохотом, от которого все окна в доме сотрясаются. Рев автомобильного двигателя нарушает тишину утра снаружи, за которым следует сердитый визг шин, вращающихся против тротуара, а затем еще один рев, когда автомобиль взлетает на максимальной скорости по улице. Нет необходимости смотреть, чтобы убедиться, что это звуки от моей машины. Тео, очевидно, взял ключи из моей сумочки.

Я долго стою на коленях, расстроенная и опустошенная. В голове ничего нет, пока издали не слышится вой сирен.

Затем пустота сменяется ужасом, настолько мощным, что я не двигаюсь, когда телефон начинает звонить.

* * *

Я бегу.

Так быстро и так сконцентрировано, что не замечаю красный пикап Купа, который просится мимо в другую сторону. Я ничего не вижу, ничего не слышу, кроме торжественного голоса молодого человека, звонящего из больницы. Слова звучат на темном, ужасном повторе в голове.

«Ваш номер телефона был обнаружен в его одежде. Произошла авария...»

Авария.

Четыре простых слога со способностью разрушить жизнь.

Я размахиваю руками и ногами изо всех сил, грудь вздымается, а слезы стекают по щекам. Ноги босые, но не чувствуют холодного асфальта. Я не чувствую туманного утреннего ветерка, не слышу резких, удушливых вздохов или запаха морского бриза. Я наполовину мертва.

Если Тео погибнет к моменту, как я доберусь до больницы, моя вторая часть последует за ним.

— Меган!

Ощущение, будто меня зовут из-под воды. Голос приглушенный, искаженный, далеко отсюда. Я продолжаю бежать.

— Меган!

Красный автомобиль останавливается около меня. Окно опущено. Куп выкрикивает мое имя. Точно. Я позвонила ему, чтобы он забрал меня, потому что у меня нет машины. Теперь реву уже от облегчения.

Замедляюсь, чтобы дернуть дверь, и бросаюсь внутрь. Не дожидаясь, когда дверь захлопнется, Куп вдавливая педаль газа в пол, и мы мчимся по улице.

— Насколько все плохо?

Мои зубы стучат так сильно, что я едва могу ответить на вопрос Купа.

— Не знаю. Они ничего не сказали. Только что нужно приехать как можно скорее.

— Твою мать...

Больше никаких слов. Через несколько минут мы останавливаемся у дверей неотложной помощи единственной больницы Сисайда. Я пулей вылетаю из машины до того, как Куп успевает вырубить двигатель.

Врываюсь в двери с тяжелым дыханием и оглядываю помещение дикими глазами. Я бросаюсь в приемную, пугая пухлую брюнетку за стойкой регистрации, когда начинаю кричать.

— Тео Валентайн! Меня интересуется Тео Валентайн! Где он? Как он? Мне нужно к нему!

— Мэм, пожалуйста, успокойтесь! — она поднимается с поднятыми руками и широко распахнутыми глазами.

Я знаю, что выгляжу как сумасшедшая, но мне плевать. Я разъяренно бью кулаками по столу и кричу:

— Отведите меня к нему сейчас же!

Куп хватая меня за плечи и отдирает от стойки.

— Доброе утро, Энджел, — говорит он брюнетке, стискивая меня подмышкой. — Извини. Мы все расстроены, нам позвонили и сообщили, что сюда доставили Тео.

Я обнимаю Купа и хлюпаю в его фланелевую рубашку. Мне страшно, я словно в кошмарном сне.

— Да, не так давно, — отдаленно слышу голос брюнетки. — Сейчас узнаю, сможет ли

кто-нибудь выйти и поговорить с Вами. Почему бы Вам не присесть в комнате ожидания?

— Спасибо.

Куп, придерживая меня, ведет по короткому коридору, ловя меня каждый раз, когда я спотыкаюсь. Его рука — единственное, что меня держит. Завернув за угол, мы оказываемся в стерильной, ярко освещенной комнате с рядами стульев и одним болезненного вида растением у окна. Я резко останавливаюсь, увидев там сидящую в своем костюме Женщины-кошки Колин, которая тихонечко плачет.

Она поднимает глаза, замечает меня и Купа в дверях, и плачет сильнее.

— Я не могу пройти через это снова, Куп! — вопит она.

Понятия не имею, что происходит. В голове кавардак. Ничего не имеет смысла.

Куп мягко усаживает меня на стул напротив нее, убеждается, что я в состоянии держаться прямо, затем встает перед ней на колени и берет за руки.

— Что случилось, Колин?

Сквозь рыдания, она ведает нам историю.

— Мы были на вечеринке в честь Хэллоуина в ресторане «У Бугера». Крейг и я... мы поссорились. Он флиртовал с каждой девушкой, это было просто отвратительно. Понимаю, что было не подходящее время, но я была так зла, что рассказала ему о ребенке...

— Ребенке? — пораженно повторяет Куп.

Колин кивает, ее плечи дрожат.

— Мы только начали встречаться. Его эта новость совсем не обрадовала, — икнув, она вытирает тыльной стороной ладони лицо, — и он сказал, что это, вероятно, даже не от него.

— Я знаю этого идиота? — жестко бросает Куп.

— Крейг Кеннеди из «Капстоун», — шепчет она.

— Окей. Продолжай, — выругнувшись под нос, просит он.

— Мы поздно ушли с вечеринки и направились ко мне домой. Там продолжили ссориться. Он пил. Много пил.

Борясь с тошнотой, я закрываю глаза. *Только не снова. Пожалуйста, Господи, только не снова.*

— Когда он собрался уходить, я пыталась остановить его. Выхватила ключи, но он оттолкнул меня и вышел. Опасаясь, что он кому-то навредит, я поехала в след за его машиной и это я... я... позвонила в 911.

— Молодец, — подбадривает Куп. — Ты поступила правильно.

Колин поднимает на него глаза. Тушь отслеживает длинные черные полосы на ее щеках. У нее красное и мокрое лицо, а глаза часто моргают.

— Это все равно не помогло, — хрипло шепчет она. — Он проехал на красный свет. И врезался в эту маленькую машину своим огромным седаном, даже не попытавшись затормозить. Я все видела. Думала, что умру от шока. Я побежала к автомобилю, прежде чем он смог бы уехать дальше.

Ее лицо принимает выражение ужаса и она закрывает глаза, обхватывает себя руками и начинает раскачиваться.

— Подойдя к седану, лицо Крейга было все в крови, но подушка безопасности сработала. Думаю, он был просто дезориентирован, но пострадал не сильно. Потом я подошла к другой машине... и... И увидела Тео внутри. Крейг протаранил его машину посреди перекрестка. То же самое произошло с Тео в прошлый раз.

Она сгибается, растворяясь в громких рыданиях.

— Зачем Богу снова делать это со мной, Куп? Почему он заставляет меня проходить через это опять?

Мне хочется ей сказать, все потому что Бог — монстр. *Чудовище, которое ненавидит нас обеих.*

Прежде чем Куп успевает обнять ее, что явно собирался сделать, я подпрыгиваю к Колин и сжимаю в крепких объятиях. Она прижимается ко мне и рыдает.

Нельзя сказать точно кому из нас хуже. Кого из нас Бог поимел сильнее?

— На этот раз тебе не придется проходить через это в одиночку, Колин. Мы пройдем через все вместе, — шепчу я.

— Я знаю, что вы с Тео встречаетесь, — всхлипывает она. — Я видела вас вместе на вечеринке, а потом Сюзанна рассказала, что вы пара, и мне так жаль... мне так чертовски жаль...

Она задыхается от слез, не в силах продолжать.

— Ладно, успокойтесь, девочки, — бормочет Куп. — Мы пока ничего не знаем. Тео вполне может быть в порядке.

— Прошу прощения.

Мужской голос с порога заставляет всех нас подпрыгнуть. Это высокий, седой и с мрачным лицом доктор. Он смотрит на нас троих усталым взглядом.

— Кто из вас с мистером Кеннеди?

— Я, — Колин шатко встает.

— Не могли бы Вы подойти, мэ? Приехала полиция. Они хотят поговорить с Вами.

— Как он? — бледнеет она.

Вздыхая, доктор разглаживает рукой волосы.

— Что касается его здоровья, то с ним все в порядке. У него всего несколько небольших порезов на лице. Но если у него есть адвокат, то ему стоит позвонить.

— Его обвиняют в вождении в нетрезвом виде? — спрашивает Куп.

Доктор пристально смотрит на Купа.

— На данный момент.

Я точно знаю, что это означает. Мне слышен низкий, мучительный стон, но я не понимаю, что человек, который его издает — я, пока Куп не обнимает меня за плечи.

— А как Тео Валентайн? Каково его состояние? — голос Купа звучит так же резко, как ногти, скребущие по доске. Когда доктор колеблется, Куп прикрикивает: — Просто, черт возьми, скажи нам, мужик, мы — его семья!

— Боюсь, все не так хорошо, как хотелось бы.

Колин раздражается свежими рыданиями, звучат проклятия Купа, а я снова издаю тот звук, похожий на вопль умирающего животного.

— У него очень серьезные внутренние повреждения и его пока нельзя перевезти, — объясняет доктор, — но как только он стабилизируется, мы отправим его в больницу в Портленде.

— Зачем? — хрипит Куп, единственный человек в комнате со способностью говорить.

— У них есть нейрохирургическое отделение. Нужно уменьшить давление субдуральной гематомы...

— Я не понимаю медицинские термины! — уже рычит Куп.

Несколько секунд спустя, доктор продолжает:

— Его мозг кровоточит. Селезенка разорвана. Плюс полдюжины сломанных костей,

включая сломанное ребро, которое пробило и повредило легкое. Кровь заполняет плевральную полость, что может привести к коллапсу другого легкого. Но самое главное, что его мозговая активность снижена. Ситуация крайне тяжелая. Простите, что спрашиваю, но у него есть DNR?

Несмотря на то, что Куп не взрывается на месте, он смотрит на доктора с опасным выражением в глазах.

— Что такое DNR?

— Отказ от реанимации, — мы с Колин одновременно отвечаем.

ГЛАВА 28

Когда Тео наконец стабилизируется, то его сразу транспортируют на вертолете. Места в нем хватает только пилоту, медработнику и самому больному. А мы — Куп, Колин и я — просто наблюдаем со взлетной площадки на крыше больницы, как взлетает и как улетает на восток вертолет, пока не исчезает на горизонте.

Они не позволили нам увидеть его. Я восприняла это за дурное предзнаменование.

Однако мы видели Крейга. Его заставили сдать анализ крови и мочи на алкоголь после того, как полиция допросила Колин. Крейга вывели из отделения неотложной помощи в наручниках, шаркающего ногами и потрепанного. Купу пришлось сдерживать меня от нападения на него.

Бедная Энджел, женщина за стойкой регистрации. Она была так напугана моим криком банши и дикими дерганьями, когда я пыталась наброситься на Крейга, что убежала без оглядки. Ее заменил высокий здоровенный санитар, пристально таращившийся на меня, заняв ее место за стойкой регистрации.

Моя репутация в Сисайде, должно быть, становится все эпичней и эпичней.

Колин настаивала, что хочет отправиться в Портленд со мной и Купом, но я приказала ей пойти домой и отдохнуть.

— Тебе нужно позаботиться о себе, — прошептала я. — Ради ребенка, хорошо? Я позвоню, как только что-нибудь узнаю.

Мы долго обнимались на стоянке, плача в объятиях друг друга.

Был шанс, что Тео выкарабкается, но я слишком хорошо знала Бога, что совсем потеряла веру в чудеса. Он был хулиганом, который давал конфеты только для того, чтобы посмеяться над слезами, когда отнимал их.

Вся долгая поездка в больницу Портленда проходила в тишине, нарушаемая только радио, играющим блюз-станцию.

Но когда началась песня «At lost¹²», мне пришлось выключить и его.

Как же много боли способен вынести человек...

* * *

Операция длилась двенадцать часов, самые долгие и мрачные часы в моей жизни, что уже о многом говорит. Когда позже вышел доктор и нашел нас с Купом в приемной, было далеко за полночь.

— Мы сделали все, что могли, — сказал он, в этот момент мои колени подкосились и Купу пришлось помочь мне сесть на стул. Я слушала, как остальные тихо поскуливали в заднем ряду на пластиковых, соединенных вместе больничных сиденьях, твердых, как мерзлая земля.

— Он в искусственной коме. Это необходимо из-за опухоли в его мозгу. Через несколько часов станет известно больше, но я должен быть с Вами честен... готовьтесь к худшему.

Он продолжал сыпать какими-то терминами, но я больше ничего не слышала. Любые слова заглушали звуки моих рыданий.

* * *

Следующим утром в десять часов пришла симпатичная блондинка-медсестра и сказала, что мы можем его увидеть.

К тому моменту я была похожа на смерть, Куп тоже выглядел не ахти. Никто из нас не ел и не спал. Не хотелось. Мы вошли в комнату Тео вместе с затаенным дыханием, держась за руки и дрожа от страха перед тем, что нас ждет.

Я взглянула на Тео и упала в объятия Купа с задушенным криком ужаса.

Никто не должен выглядеть так плохо и все же быть живым.

Он был черным, синим, фиолетовым и различных оттенков зеленого. Оба глаза были отеками. Рваные раны оставили уродливые красные полосы на лице и руках. Губы были в синяках и опухшими. С выбритой стороны головы торчала трубка, из которой вытекала желтая жидкость. Он был подключен к аппарату искусственной вентиляции легких, всевозможным штукам и звуковым аппаратам. Если бы не медленный и устойчивый подъем и падение его груди, я была бы уверена, что он мертв.

Переведя дыхание, Куп тихо прошептал:

— Тогда он выглядел лучше.

Я расплакалась и уткнулась лицом ему в грудь.

— Ну, хватит, — успокаивал он меня, обнимая. — Вытри слезы и иди поздоровайся.

Сердце колотилось, пока я подкрадывалась к кровати. Прикоснувшись к руке Тео, я почувствовала холод. Наклонилась и поцеловала его в лоб, который оказался ледяным.

— Не смей покидать меня, — дрожа, умоляла я. — Держись. Ты мне нужен. Я люблю тебя. Вернись.

Тео ничего не ответил. Никакой вспышки жизни не пробежало по его лицу. Его тело здесь, но насчет всего остального я сильно сомневалась.

Началась самая трудная часть.

Ожидание.

ГЛАВА 29

— Иди домой, Куп. Все равно ничего не поделаешь. Ты слышал врача — они не собираются выводить его из комы, по крайней мере, еще несколько дней. Повидайся с детьми, проведи с ними время, вернись к своей жизни. Убедись, что твоя команда не устраивает вечеринки в моей гостиной. Я позвоню тебе, как только появятся новости.

Куп вздыхает, закрывает лицо рукой и кивает. Прошло три дня с тех пор, как Тео перенес операцию. Его жизненные показатели стабильны, но он все еще в критическом состоянии. Врачи смотрят на него так, будто не могут поверить, что он все еще жив. Хотя мне хочется ударить их всех по лицу, это дает мне мрачную надежду. Если он уже так далеко зашел, может ему удастся выкарабкаться?..

— С тобой все будет в порядке? — спрашивает Куп, сморщив лицо от беспокойства.

— Хорошо или нет, я никуда не уйду.

Он долго и пристально смотрит на меня.

— Знаешь, оба его родителя умерли. Он единственный ребенок в семье...

— Я знаю. Ты говорил, — шепчу я.

— Я хочу сказать, что ему повезло, что у него есть ты.

Мой смех звучит пустым.

— Нет, Куп. Мне повезло. Ты даже не представляешь.

Похоже, он хочет сказать что-то еще, но просто качает головой и тяжело выдыхает, сжимая мое плечо.

— Я проверю «Баттеркуп» по дороге домой, посмотрю, как там дела. Наберу тебе вечером.

Он вытаскивает меня из кресла рядом с кроватью Тео и обнимает. Затем пожимает руку Тео на прощание.

— До скорой встречи, приятель, — говорит он задыхающимся голосом.

Он поворачивается и выходит из палаты с блестящими от непролитых слез глазами.

Сюзанна уже ушла, чтобы принести мне сменную одежду и не сойти с ума от вида Тео. Мне пришлось отвести ее в коридор и усадить на стул, чтобы она могла перевести дыхание.

Мы с Колин разговариваем по телефону каждый день. Думаю, мы станем хорошими подругами независимо от того, что нас ожидает в будущем.

Крейг обвиняется в вождении в нетрезвом виде и уже как пару дней находится в тюрьме. В зависимости от того, что будет дальше с Тео, могут присоединиться и другие статьи.

Что касается меня, я сплю в кресле, пью слишком много кофе и провожу кучу времени на коленях в тихой маленькой часовне больницы, ведя переговоры с Богом. Что так же полезно, как попытка заключить сделку с Землей, прося ее возвращаться в противоположном направлении. Но это помогает мне скоротать время.

Три дня превращаются в четыре, четыре — в семь. Я заселяюсь в гостиницу рядом с больницей и арендую машину. Ежедневно врачи сообщают о его состоянии, но ничего нового не происходит. Я существую в странной сумеречной зоне люминесцентных ламп и еды из столовки, бесконечного ужаса и сокрушительной вины.

Я распинаю себя за все то, что должна была сказать Тео, пока была возможность.

Мы всегда думаем, что у нас достаточно на это времени, пока судьба не вмешивается и не доказывает, как сильно мы ошибаемся.

На десятый день после несчастного случая с Тео, мне звонит Куп.

— Как дела? Уже была в больнице?

— Как раз собиралась. Хотя я уже переговорила с его доктором. Никаких изменений.

— Ну... эээ, думаю, тебе стоит... — он прочищает горло. — Есть кое-что, на что я хочу, чтобы ты взглянула. Приезжай в Сисайд.

Я расчесываю волосы, еще влажные от душа, но замираю, когда слышу странную нотку в голосе Купа.

— Что именно?

Куп переводит дыхание.

— Не могу это объяснить. Это нужно видеть, Меган. Я бы не заставил тебя оставить его, если бы это было не важно.

— Что-то с «Баттеркупом»? Все в порядке?

— Дело не в нем. В доме хороший прогресс. Кое-что тут... намного важнее.

— Кууууп, — протягиваю я. — Я ненавижу загадки. Я вряд ли смогу вынести еще больше драмы. Что, черт возьми, такого важного, что я должна вернуться в Сисайд?

— Я кое-что обнаружил в сарае Тео, — шепчет Куп.

Мурашки пробегают по всему телу. Я вспоминаю большую, блестящую цепь, обернутую вокруг дверных ручек ветхого сарая, и начинаю дрожать.

— Тео использует дом как офис «Хиллрайз», наверху что-то типо выставочного зала с примерами его работы. Мне нужны были кое-какие документы оттуда для клиента. Копия старого счета для налогов. В любом случае, я не нашел информацию в компьютере, поэтому подумал, что возможно, копии хранятся в сарае...

— И-и? — нетерпеливо подсказываю, когда он перестает говорить.

Его ответ настолько тихий, что мне приходится напрягаться, чтобы услышать его.

— И теперь мне кажется, что я знаю, почему Тео никогда не пускал меня туда.

— Куп! — я повышаю тон, — выплунь уже это нахрен, хорошо? Что в этом долбанном сарае?

— Ты, — отчеканивает он.

Его голос такой странный, что мне становится страшно.

— Ничего не понимаю.

— Я тоже. Встретимся в полдень. Я пришлю тебе адрес в смс.

Он вешает трубку, прежде чем я могу сказать, что он у меня уже есть.

* * *

Полтора часа до Сисайда я сокращаю до часа. Замечаю Купа, ворвавшись на подъездную дорожку дома Тео. Он опирается на свой грузовик, скрестив руки на груди и уставившись на ботинки. Поднимает глаза вверх и встречается со мной взглядом через лобовое стекло, останавливая биение моего сердца.

Потому что большой, крепкий, уверенный в себе Куп выглядит напуганным до усрачки.

Заглушаю машину и выхожу, ключи дрожат в моих руках. Он начинает говорить, как только я оказываюсь в пределах слышимости.

— Ты когда-нибудь виделась с Тео до того, как переехала сюда?

Внезапно мне становится трудно дышать. Сердце ускоренно бьется.

— Почему ты спрашиваешь?

Он двигает челюстью, глядя мгновение вдаль. Затем отталкивается от машины и достает из кармана связку ключей.

— Пошли.

В панике я следую за ним к сараю, хрустя гравием под сапогами. Сегодня солнечный, прекрасный день, воздух чистый и холодный. Куп отпирает блестящий замок на цепи вокруг ручек сарая и раздвигает громоздкие деревянные двери друг от друга. Они стонут из-за ржавых петель, таких же сварливых, как старики. Взмахнув подбородком, он дает мне понять, чтобы я следовала за ним, и исчезает внутри.

Через некоторое время мои глаза привыкают к темноте. Туманные лучи света просачиваются сквозь трещины в деревянной крыше, придавая интерьеру потусторонний эффект.

Бывшие загоны для лошадей выстраиваются на одной стороне длинной комнаты. С другой стороны, высокая, шаткая деревянная лестница ведет на чердак. Отвергнутые куски пиломатериалов засоряют грязный пол, а несколько широких балок, поддерживающих крышу, демонстрируют признаки повреждения водой. В воздухе слышится шепот животного

мускуса — высушенного навоза от давно умерших животных.

Вместе с более острым, свежим запахом масляной краски и ацетона, ароматы, которые я узнала бы с завязанными глазами.

— Это место не выглядит пригодным для хранения документов, — замечаю я, пытаюсь сохранить голос спокойным, хотя пульс учащается, и я начинаю потеть.

— Полагаю, Тео разместился здесь, чтобы заниматься своим тайным хобби.

Он стоит рядом с лестницей, смотрит на меня с этим странным, нервным выражением. Я не спрашиваю, о каком хобби он говорит, потому что уже знаю.

Поднимаю глаза на чердак, потом снова на Купа.

— Надеюсь, тебя не так легко напугать, как меня, — шепчет Куп.

Он поднимается по лестнице.

Я наблюдаю, как он достигает последней ступеньки и отходит в сторону, после чего я следую за ним. Когда я поднимаюсь, Куп хватается за руку и помогает, а затем отступает, не говоря ни слова и внимательно следя за моей реакцией.

Но он уже исчез. Я одна, совсем одна в этом святилище. Только так можно описать это место.

Сотни, а может и тысячи картин маслом разных размеров сложены вертикально и прислонены к стенам амбара. Некоторые занимают каждый дюйм стены, беспорядочно свисая на гвоздях. Другие небрежно разбросаны на длинных деревянных столах и на полу. Кучи, груды, бесконечное море холстов.

Какие-то не закончены. Все без рамы. И на каждом из них изображен один и тот же человек в различных одеяниях, позах и разной степени обнаженности.

Я.

Вот я иду по винограднику с бокалом вина. Вот смеюсь в ванне с пеной. Верхом на лошади, мою посуду, читаю книгу...

Там иду к алтарю в свадебном платье с букетом фиолетового душистого горошка в руках, свет истиной любви светится в моих глазах.

Он даже с точностью изобразил детали зубчатого выреза и жемчуга на лифе. Я прижимаю руку к своему громоподобно стучащему сердцу, когда слезы угрожают пролиться из моих нижних век.

Тихий голос Купа едва проникает в мой кокон шока и воспоминаний.

— Они датированы. Я проверил не все, но этого хватило, чтобы навести на меня страху.

Я нахожу достаточно сил, чтобы повернуть голову и посмотреть на него.

Пристально глядя на меня, он продолжает:

— Тео нарисовал их до того, как ты переехала в Сисайд, Меган. Самая старая, которую я нашел в дальней стопке в углу, датирована месяцем спустя после его несчастного случая пять лет назад. Как такое вообще возможно?

Я подкрадываюсь к ближайшему столику и провожу кончиками пальцев по наполовину законченной картине, на которой я сплю. Мои волосы растекаются по подушке и небольшая улыбка играет на губах. Стиль безумный, много быстрых, коротких мазков, как будто рисуя, художник чувствовал боль.

Из-за тебя мои раны нарываю...

Как должно быть ужасно, как страшно, наконец, увидеть во плоти человека, который преследовал тебя словно призрак. Неудивительно, что Тео смотрел на меня с такой яростью в ту первую ночь в закуской Кэла. Вероятно, он посчитал, что теряет рассудок.

— Может, он нарисовал их после нашей встречи, просто неправильно проставил дату, — бормочу я. — Ему было плохо, ты же знаешь.

Куп фыркает. Он говорит, широко раздвинув руки.

— Он нарисовал все это с сентября? Не думаю. И я нашел еще немного странного дерьма в его офисе в доме.

— Что там?

— Двести гребанных рецептов лимонного пирога! Целую папку вырезок из журналов с фотографиями долбанных денверских омлетов! И груда счетов пятилетней давности от некоторых гидропонных цветоводов из Голландии и Японии! Цветы доставлялись сюда каждую неделю, пролетая полмира! Что, черт возьми, не так с цветами в Орегоне?

Сезон душистого горошка здесь ограничен.

Я поворачиваю лицо к лучу света, проникающему сквозь трещину в крыше, и закрываю глаза.

— И у него в шкафу это причудливое французское вино, а он даже не пьет вино! Он его ненавидит!

Я формирую мысленную картину элегантной этикетки «Шато Кортон Гранси», которую мы с Кассом открывали на нашу годовщину. Вино, которым мы впервые насладились в наш медовый месяц, которым угостил нас старик, которого мы выбрали на обочине проселочной дороги, оказавшийся главой одной из старейших и лучших виноделен Франции...

— Бургундское — это хорошее вложение средств, — шепчу я. — Особенно гран крЮ.

Выдержав небольшую паузу, Куп говорит:

— Я не упоминал, что оно бургундское...

Я смотрю на него.

Его глаза напряжены, он добавляет более спокойно:

— ...или гран крЮ.

— Он рассказывал мне о своей коллекции, — ложь выходит сама по себе, потому что я умом понимаю, что правда не поддается объяснению.

Мы долго смотрим друг на друга, затем Куп опускает глаза на свои ноги.

— Ты права. Он был очень болен. Это все просто... доказательство болезни. И он просто так спрашивал меня, как можно знать кого-то, кого никогда не встречал. Его одержимость «Баттеркупом» и то, что он перестал говорить после его несчастного случая... это тоже часть болезни.

Он бросает взгляд на мое обручальное кольцо, а затем снова встречается со мной взглядом.

— Верно?

В один момент, один короткий момент, я хочу рассказать ему что на самом деле происходит. Но потом решаю, что это настолько невероятно, что попытка понять это практически сломила Тео и меня, поэтому было бы неправильно обременять Купа такими знаниями.

Некоторые тайны должны оставаться жить в тихих местах нашего сердца, в безопасности и святости.

— Ты хороший друг, Куп. И хороший человек. Мне нужно идти, мне нужно быть там, когда он проснется.

Я крепко обнимаю его, затем спускаюсь вниз по лестнице и бегу к своей машине в

приподнятом настроении, с пылающим сердцем и адреналином в крови. Я так быстро срываюсь с подъездной дорожки, что брызги гравия выплывают из-под шин.

Я должна добраться до больницы как можно скорее.

Мне нужно быть там, когда мой полуночный Валентин вернется ко мне.

ГЛАВА 30

Только Тео не возвращается.

Ни в тот день, ни на следующей неделе, ни через неделю. Врачи вывели его из искусственной комы, но он не проснулся. Ему убрали вентиляцию легких, он начал дышать самостоятельно, но не проснулся. Ко Дню Благодарения у него появились пролежни от лежания в одном положении. Моя ненависть к себе усиливается с каждым днем. Сейчас я даже не могу смотреть на свое отражение в зеркале.

Это моя вина.

Я так сильно его напугала, что единственным выходом для него стал побег. Мне стоило позволить ему дойти до всего постепенно или согласиться с его планом лечения, если притворство в признании себя шизофреником облегчало ему жизнь. Не стоило пихать правду-матку ему в глотку, но поступила именно так.

Я наказываю себя различными способами, но мой любимый — отказ в еде.

От чего моя постоянная тошнота кажется странной.

— Тебе снова плохо, дорогая?

Старшая медсестра на этаже Тео — заботливая латиноамериканка Ана с большими карими глазами и склонностью к обнимашкам. Она смотрит на меня с беспокойством возле уборной в коридоре, где меня только что прополоскало.

Я прислоняюсь к дверной раме, вытирая капли пота со лба тыльной стороной ладони.

— Было слышно?

Она делает извиняющееся лицо.

— Думаю, весь этаж слышал. Создавалось ощущение, что в кого-то вселился дьявол.

— Должно быть, сэндвич с яйцом на завтрак был не первой свежести, — я пытаюсь слабо посмеяться, избегая ее глаз. — Долбанная еда в кафетерии.

Она фыркает, упираясь руками в бедра.

— Думается мне, что тебе следует получше питаться, крошка.

— Я ем, — грубо бормочу я.

— Ай-яй-яй! — она сжимает мою руку, заставляя меня взглянуть на нее. Затем трясет пальцем у меня перед носом. — Не смей мне врать! У меня шестеро детей — у меня черный пояс по обнаружению лжи!

Я слишком устала, чтобы спорить, поэтому просто вздыхаю.

— Хорошо, хорошо. Я, наверное, подхватила вирус, ошиваясь здесь. Больница вроде как клоака микробов?

— Боже, — ее глаза округляются. — Высокая температура?

— Нет.

— Тело ломит?

— Не больше, чем обычно.

— Странная сыпь? Увеличенные лимфатические железы? Слабость или озноб?

Я морщу нос от отвращения.

— Что за допрос, здесь эпидемия чумы или что?

Ее глаза превращаются из круглых в узкие. Она кусает губы и осматривает меня сверху донизу.

— Ну, могу сказать, что с тобой еще, но анемия точно есть, — кудахтая, словно наседка, она слегка шлепает меня по щеке. — Посмотри на себя, бледная как привидение.

— Спасибо за поддержку, — сухо отчеканиваю.

Она хватает меня за руку и ведет по коридору к лифтам.

— Я отправлю тебя к Томми в лабораторию для сбора крови.

— Нет! Я в порядке, Ана, правда...

Глядя на меня, она говорит что-то на испанском, что затыкает меня.

— Договорились. Но если Томми не попадет в вену с первого раза, я врежу ему по яйцам.

Она снова кудахчет, нажимая кнопку вызова лифта.

— Такой вспыльчивый характер. Я слышана о твоём представлении возле реанимации Сисайда.

— Невероятно, — шепчу, глядя в потолок.

Томми оказывается хипстером с татуировками на рукавах девушек в стиле пин-ап, серебряными кольцами на больших пальцах и лысой головой, увенчанной серой фетровой шапочкой, закрепленной под забавным углом. Заметив, как я на него пялюсь, он улыбается.

— От этого моя голова не так похожа на яйцо. Садись.

Так и делаю, затем укладываю руку в мягкий синий подлокотник на маленьком столике и извиваюсь в кресле, когда Томми вытаскивает смертельного вида иглу из пластиковой обертки и вонзает противоположный конец в пустой флакон.

— Сожми кулак, — затем обвивает жгутом желтого цвета мой бицепс и стучит по маленькой синей выпуклости на внутренней стороне моей руки. — Красивые вены, — впечатлено заявляет он.

— Спасибо, у меня еще и задница классная.

Он смеется, демонстрируя ямочки.

— У всех нас свои слабости, полагаю.

Чтобы отвлечься от заостренного вида стальной иглы, которая вот-вот вонзится в мое тело, я спрашиваю:

— Итак, как ты попал в венозный бизнес, Томми?

— У моего брата была передозировка героином, когда мне было пятнадцать, после того случая я решил, что хочу стать врачом.

Он раскрывает личную информацию так небрежно, что я даже немного ошеломлена.

— О. Господи, мне очень жаль.

Он умело скользит иглой. Я практически не чувствую укола.

— Да. Отстойно было. Я обнаружил его опрокинутым через унитаз со все еще перевязанной рукой. Такое дерьмо действительно способно поменять мировоззрение.

— Это точно, — еле слышно поддакиваю я.

Он наполняет один флакон, заменяет его другим, легко и профессионально, параллельно болтая.

— Я поступил на предварительную программу в штате Портленд, но бросил через год. Учеба — не мой конек. В тестах я не силен. Но все равно хотел что-то делать в области медицины. Я знал парня, который тут работал, он сказал, что зарплата приличная и

обучение происходит на месте, так что я прошел аттестацию и вуаля — я здесь.

Он уже заполнил все четыре приготовленных маленьких пузырька и выкинул отвратительную иглу. Я получаю ватный тампон, закрепленный фиолетовым лейкопластырем, чтобы покрыть крошечное отверстие в моей руке. Дело сделано.

— Ну, могу честно сказать, что ты лучший медбрат, который брал у меня кровь, Томми. Хорошая работа.

— Благодарю, — он смотрит на меня с минуту. — У тебя все в порядке?

Вопрос застаёт меня врасплох, я смущенно провожу рукой по своим волосам.

— Я выгляжу настолько плохо, да?

— Через эти двери проходит множество людей. От тебя исходит иная энергетика.

— Да? — неудобный смех. — И какая она? Как у женщины на грани нервного срыва?

Уголки его губ приподнимаются в маленькую, загадочную улыбку.

— Женщина на грани кое-чего. Береги себя. Счастливого Дня Благодарения.

Он оставляет меня сидеть в кресле и гадать, что, черт возьми, только что было.

Решаю, что люди, которые зарабатывают на жизнь, добывая кровь, странные.

* * *

Вернувшись в комнату Тео, я как вкопанная торможу. Я шокирована тем, что Куп и Сюзанна накрывают импровизированный праздничный стол на близстоящей пустой кровати.

— Что?.. — шепчу дрожащим голосом. — Что вы здесь делаете?

— Ты что, издеваешься? — кричит Сюзанна, торопясь обнять меня и поцеловать. Она отстраняется и тормозит меня за плечи. — Где нам еще быть на День Благодарения, кроме как с семьей?

— Но, Куп... — я смотрю на мужчину со светлой копной волос и улыбкой, который занимает большую часть пространства в комнате. — Твои дети...

— Они сегодня со своей матерью. Они мои на Рождество. Это просто прекрасно, учитывая, что я не выношу тещу.

— Бывшую тещу, — добавляет Сюзанна через плечо.

— Точно. Бывшую, — усмехается он ей.

Сюзанна переводит взгляд на меня, без слов давая понять, чем эти двое занимались с тех пор, как я поселилась в Портленде.

— Эта милая медсестра Ана сказала, что не должна была впускать нас сюда со всей этой едой. Нам повезло, что большинство этих бездушных докторов ушли на выходные, поэтому она позволила нам пробраться сюда. И...

Ее фирменные высоченные каблуки цокают по полу, она несется к бумажному пакету на столе под телевизором и вытаскивает блюдо, завернутое в алюминиевую фольгу. Она держит его как трофей.

— Я сделала лимонный пирог!

Когда моя нижняя губа начинает дрожать, а глаза наполняться слезами, она смотрит с ужасом.

— О, черт, только не говори, что ты на диете! Ты из-за этого похожа на бродячую кошку?

— Я люблю тебя, Сюзанна, — говорю я и начинаю реветь.

— Милая, все в порядке, — должно быть, она передала пирог Купу, потому что ее руки нежно обнимают меня. Затем глядят меня по волосам, когда я разваливаюсь на части и

хлюпаю в ее сиськах. Она шепчет мне на ухо: — Я тоже тебя люблю. Даже если ты испортишь мою новую шелковую блузку своими соплями, — она вздыхает. — Почему самые красивые девушки так уродливо плачут?

Когда я прихожу в себя и отцепляюсь от Сюзанны, Куп заканчивает раскладывать еду. Здесь есть все: фаршированная индейка, кукуруза, сладкий картофель. Они даже принесли клюквенный соус. От этого мне снова хочется разрыдаться, но сейчас нужно сосредоточиться на чем-то более важном.

Запах пищи приводит в беспокойство мой желудок.

— Ты немного зеленая, — осматривает меня с боку Куп, вытаскивая бумажные тарелки из мешка.

— Я просто немного устала. Все выглядит аппетитно, ребята. Огромное спасибо.

Каждый из нас наполняет тарелку едой, затем ставит стулья вокруг кровати Тео. Мы жуем в тишине, прерываемой только постоянным звуковым сигналом пульса Тео.

Через некоторое время Куп тихо замечает:

— Он похудел.

— Ты бы тоже, если бы питался исключительно жидкостями.

Куп смотрит на комок под одеялом, где трубка для кормления вставлена в живот Тео. В его глазах отражается боль, и он быстро переключает внимание на свою тарелку.

— Что новенького?

Я ковыряюсь вилкой в тарелке, гоняя туда-сюда бедную индейку, создавая впечатление, что ем. Им пришлось похлопотать. Мне совсем не хочется оскорбить их, ничего не попробовав. Или, что еще хуже, съесть и вернуть все обратно.

— Ничего. Его жизненные показатели стабильны.

— Как насчет ЭЭГ¹³?

— Без изменений, — шепчу я. — Мозговые волны похожи на поверхность озера.

— Моя бабушка Рода была в коме в течение двух лет, но потом вышла из нее, — небрежно трещит Сюзанна. — Просто однажды проснулась и потребовала шоколадный пудинг. У нее тоже не было мозговых волн. В конце концов, это ничего не значит. Если Бог захочет, чтобы ты проснулся, ты просыпаешься. Нет так нет. Ничего не поделаешь.

— Почему Бога всегда обвиняют во всем? — измученно говорит Куп. — Может быть, Господь просто позволяет жизни протекать так, как она протекает? Сам же просто наблюдает, как мы справляемся с трудностями.

— Бог типа часовщик, а не шахматист, — говорю я. — Так думал и мой отец.

— Понятия не имею, что это значит, — вставляет Сюзанна, — но точно знаю, что все происходит не просто так. Даже плохое. Это часть большого плана, который нам не дано понять. Бог — самая великая любовь во Вселенной

— Думаю, — бормочу я, — что Бог — это ребенок, который любит посыпать солью на раны.

Разговор переходит на другие темы. Куп сообщает о прогрессе в реставрации «Баттеркупа», который впечатляет. Если погода не подведет, то все работы будут доделаны в конце января. Как раз чтобы я успела открыть гостиницу ко Дню святого Валентина.

Чертова ирония.

Я стараюсь изо всех сил, чтобы проделать вмятину в куче пищи на тарелке, но мне удается укусить всего несколько раз. Ребята сидят еще час, потом мы собираем остатки и выбрасываем мусор. Когда Сюзанна идет в туалет, Куп неожиданно обнимает меня.

— Что ты собираешься делать? — тихим голос интересуется Куп.

Я знаю, что он имеет в виду, даже не уточняя.

— Ждать, — говорю я, голос ломается. — Неважно, сколько времени это займет.

Он отстраняется и смотрит на меня с такой болью в глазах, что от этого становится только хуже.

— А что, если это единственное что будет? — жестами показывает на лежащего неподвижно Тео. — Что же тогда?

— Я не теряю надежды, — яростно заявляю я. — Не сейчас, никогда. Если мне придется состариться в этой долбанной больничной палате, то так тому и быть. Если он проснется с IQ чашки кофе и его придется одевать, купать и кормить всю оставшуюся жизнь, я так и сделаю. Я люблю его, Куп. Несмотря ни на что. Я буду любить этого человека и заботиться о нем до самой смерти.

Я теряю способность говорить, поэтому мои следующие слова звучат задушенными.

— И даже тогда я буду продолжать любить его. И буду любить до конца времен.

Куп крепко обнимает меня, я чувствую, как у него перехватывает дыхание, затем он резко уходит, так что я не вижу его слез.

Сюзанна возвращается из уборной, и мы прощаемся. Я так вымотана, что усаживаюсь в кресло рядом с кроватью Тео и закрываю глаза, намереваясь вздремнуть несколько минут. Но когда разлеплю веки, на улице уже темно, а передо мной стоит Ана, шепча мое имя.

— Меган. Доченька, проснись.

Я моргаю и скребу рукой по лицу. Спина одеревенела, левая нога затекла, поэтому болезненно покалывает.

— Который час?

— Полночь.

— Все ли в порядке?

Когда она запинается, мое сердце взлетает, словно ракета. Я вскакиваю на ноги и сбиваю ее с пути, спеша схватить Тео за руку. В панике осматриваю его лицо на предмет каких-либо признаков бедствия, но он, кажется, в том же состоянии, в котором был, когда я заснула.

— Детка, он в порядке, — она касается моего плеча. — Это, ах... Я к тебе, на самом деле.

Я поворачиваюсь и смотрю на нее.

— Ко мне? Что случилось?

Она поглядывает на Тео. Ее обычно красноречивые карие глаза ничего не выражают, она дергает подбородком к двери.

— Давай поговорим вон там.

О, Боже. Со мной что-то не так. Это рак. Или редкое инфекционное заболевание. Может вирус Зика? Эбола? Точно! Нет, у меня чума!

Я продолжаю смотреть на нее с открытым ртом, ужас скручивает мой живот в кулак. Ана осторожно берет меня за руку и направляет к двери. Она останавливается там и еле слышно шепчет.

Вот почему я сразу не могу разобрать ее бормотания.

— Ты беременна.

Я моргаю, потом прищуриваюсь.

— Прощу прощения? Что Вы говорите?

— Я сказала, что ты беременна, дорогая. Поздравляю.

Я жду продолжения. Когда ничего за этим заявлением не следует и Ана просто смотрит на меня с небольшой, мягкой улыбкой, я понимаю, что она не шутит.

— Ана, это невозможно. Я не могу забеременеть.

Она приподнимает плечи.

— Согласно твоему анализу крови, вполне можешь.

Этот хипстерский идиот Томми! Он перепутал мои результаты! Какой-то бедной беременной женщине скажут, что ее утренняя тошнота — всего лишь анемия!

— Нет, Ана, я не могу, — категорично заявляю я. — Говорю Вам — это невозможно. Это было бы настоящим чудом.

Все ее лицо озаряется улыбкой.

— Ну, Бог — любитель творить чудеса, дорогая, так что, возможно, тебе стоит поблагодарить его.

В моей голове шум, словно тысяча волков воет на луну. Я с трудом дышу, думая об этом.

— Я... я беременна? Как? — шепчу я.

Она поднимает брови с выражением юмора на лице.

— О, ты пропустила тот день в школе? Понимаешь, есть такая штука, называется спермой...

Я хватаю ее за руки и кричу ей в лицо:

— Я БЕРЕМЕННА? РЕБЕНКОМ?

Растворяясь в смехе, она говорит:

— Нет, пиньтой! Конечно, ребенком!

Громкий, неистовый звуковой сигнал издает одна из машин, подключенных к Тео.

Мы обе замираем, Ана реагирует первой. Она спешит к его постели, всматривается в черный ящик с какими-то зелеными мигающими цифрами, затем оборачивается и бежит мимо меня, зовя докторов.

— Ана! — ору ей вслед в панике. — Что происходит?!

Она направляется к дежурному по коридору, крича через плечо.

— Его сердцебиение стремительно растет! — и исчезает за углом.

Я поворачиваюсь вокруг и бегу к кровати Тео, настолько безумно, что путаюсь в своих ногах и практически падаю. Хватаю его за руку и падаю на постель, тяжело дыша в ужасе от всех звуков на аппаратах. С ума сходит не только монитор сердцебиения, но и несколько других устройств.

Все. Он умирает.

Я начинаю неудержимо рыдать.

— Не смей покидать меня, Тео! Не смей! Я люблю тебя! Ты мне нужен! Я никогда не прощу тебя, если ты оставишь меня!

Слабое давление на мою руку, такое легкое, что его сложно почувствовать, прерывает мои истерические крики, как будто кто-то выдернул вилку из розетки. Я замираю, глядя на руку Тео, сжимающую мою...

Время замедляется. Каждый удар сердца отражается громом в ушах. Я смотрю на его лицо с удивлением и радостью, наблюдая, как происходит второе чудо ночи.

Тео медленно открывает глаза и смотрит на меня.

Его взгляд сначала туманен, но через несколько мгновений фокусируется. Мы вглядываемся в глаза друг на друга в бесконечном молчании. Я боюсь дышать, чтобы не

пропустить хотя бы малейший признак узнавания.

Он хоть что-то понимает?

Сильно сжимая его руку, я наклоняюсь к его груди и умоляю:

— Тео? Тео, ты меня слышишь? Ты можешь говорить? — когда он не отвечает, слезы снова начинают стекать по щекам. Я чувствую, как мое лицо искривляется в гримасе, как последняя надежда распадается в пустоте, которую вижу в его темных, черных глазах.

— Пожалуйста, если ты меня слышишь, пожалуйста, скажи что-нибудь! — умоляю я.

Наконец, после того, что кажется вечностью, уголки его губ изгибаются в призраке улыбки.

Слабым, скрипучим голосом слова практически неразборчиво выливаются из его рта.

— Этого было недостаточно.

— Что? Что ты имеешь в виду? — я едва могу говорить от слез. Все мое тело сотрясается от рыданий. Когда его губы шевелятся, но не произносят слов, я наклоняюсь ближе, прижимая ухо к его рту и умоляя повторить.

Что он делает на одном выдохе.

— Любви к тебе недостаточно для одной жизни.

Я падаю на колени, когда команда врачей и медсестер врывается в комнату.

ЭПИЛОГ

Тео

Два месяца спустя

Долбаные желтые шарики.

Самая глупая вещь, которую можно бояться, правда? Правда. Итак, представьте мое удивление, когда я просыпаюсь в больнице после несчастного случая — моего первого несчастного случая — и вижу в коридоре ребенка с желтый шариком в руках, и пугаюсь его чуть ли не до сердечного приступа.

Это была первая подсказка, что происходит что-то странное.

Сначала я предположил, что дело в черепно-мозговой травме. Протаранить голову стальной ракетой, несущейся со скоростью 120 километров в час, никому не пойдет на пользу, с этим фактом согласиться каждый. Но потом стали раздаваться голоса. Слабые шепоты в ушах. Женщины и мужчины. Мужчина казался той еще занозой в заднице, если честно. Доставал своими ударами молнии, футбольной статистикой и какой-то гостиницей. В этом не было никакого смысла.

Но женский голос... Слышать ее было все равно что слышать ангела.

У нее был удивительный смех: шелковистый, гладкий и текучий, как вода. И он был чертовски сексуальным. Для моих ушей он был музыкой.

Да, мне нравился воображаемый голос в голове. Не осуждайте меня.

И не заставляйте говорить о том, как мой собственный голос изменился и стал похож на другой голос в моей башке — того самого раздражающего мужика.

И будто этого было недостаточно, чтобы я чувствовал себя хреново, у меня стали всплывать явно не мои воспоминания. Вещи, которые я не делал, места, где я никогда не был, люди, которых я никогда не встречал.

Потом начались сны.

Технически, это были кошмары, потому что они были безумно страшными. Страшными

были не столько сами сны, сколько их насыщенность. Как будто я находился там, в них.

Будто жил чужой жизнью по ночам.

Далее появились новые привычки и желания. «Медвежий коготь» на завтрак каждый день? Конечно, почему бы и нет. Французское вино за двести баксов за бутылку? Давай сюда!

Писать маслом, хотя раньше даже не брал в руки кисть и уж точно не мог нарисовать прямую линию, даже ради спасения человечества?

Да, запросто!

Плюс у меня развилась одержимость этим старым, пустым домом в викторианском стиле. Больше, чем одержимость — зависимость. Мне необходимо была находиться рядом с ним. Я не мог держаться от него подальше больше суток, и это максимум. Словно он гигантский гребаный магнит, мощная черная дыра, втягивающая меня в себя. Я часами бродил по его комнатам, гадая, что, черт возьми, со мной происходит.

Единственным логичным выводом было то, что я схожу с ума.

О, забыл упомянуть о предвидении.

Я знал, что она будет там, в тот вечер, в закусочной Кэла. Чувствовал это своим нутром. К тому времени я провел пять лет с ее голосом в голове, а ее лицо снова и снова обретало форму на моих холстах. Часть меня надеялась, что, нарисовав ее, я избавлюсь от видений, как будто они, в конце концов, истощатся, но их запас, по-видимому, был бесконечным.

Я полюбил ее задолго до нашей встречи.

Если это звучит смешно — то так и есть. Но такова правда.

Я жаждал ее так же, как пустыня жаждет дождя. Тоска была чем-то, чего я никогда раньше не испытывал, но она так поглотила меня, что я не мог нормально функционировать. Затем, однажды дождливой ночью, эта девушка появилась. Бум — вот она у прилавка Кэла заказывает денверский омлет с беконом и лимонный пирог.

Я точно знал, что она закажет именно это.

И почувствовал страх в тот момент, будто снова увидел желтый шарик.

Потому что это было невозможно. Все это казалось невероятным.

И что я должен был делать? Подойдите к ней и сказать: «Привет! Ты меня не знаешь, но я рисовал тебя голой, занимался с тобой сексом во сне, где мы были женаты... Здорово наконец-то с тобой познакомиться!»

Не думаю, что такое проканалло бы...

Поэтому я разозлился. Я разозлился и всячески старался держаться от нее подальше. Но чем больше старался, тем больше разваливался, пока не превратился в настолько тонкую нить, что она просвечивала насквозь. Когда доктор Гарнер заявил, что я шизофреник, это стало облегчением.

В смысле, я не поверил, но это было много лучше, чем альтернатива. Это было чем-то твердым, за что я мог цепляться. Это имело смысл. Принимать лекарства, чтобы привести мозг в порядок? Окей. Все разложилось по полочкам, пока Меган снова не подняла этот чертов желтый шарик, и я больше не мог притворяться.

Этот выбор «борись или беги» такой, черт возьми, стержневой. Я решил убежать и попал в аварию... Опять, блин!

Господи, теперь я выгляжу хреново.

— Дорогой, успокойся.

Ее мягкий голос звучит позади меня. Я отвожу взгляд в сторону от зеркала в ванной,

когда она обнимает меня за талию и опирается подбородком о мою руку.

— Почему они хотя бы не подправили мой нос? Ужасно, что ему приходится вот так болтаться на лице. Я кажусь грустным.

Меган крепче сжимает меня и пытается скрыть улыбку.

— У тебя идеальный нос.

— У меня трагичный нос.

— Он прекрасен.

— Ага. Да вот только это не так, — я хватаю ее и притягиваю к себе, чтобы поцеловать.

Не могу насытиться ее ртом.

Она тает напротив меня с одним из этих маленьких вздохов, от которого мой член встает по стойке «смирно», но она отходит с игривым смехом, когда я сжимаю ее попку.

— Тебя ждут.

— Пусть ждут, — бормочу я, затем снова захватываю ее рот. Целую ее глубоко, я обнимаю ее, чтобы она не сбежала.

Она такая милая. Чертовски милая. Не думаю, что она понимает, как сильно я ее люблю. Я не могу дышать, когда она вне поля зрения. Я с радостью умру за нее, убью за нее, сделаю что-нибудь существенное или незначительное. Все, что она попросит.

Помимо всего прочего дерьма, я влюбился в нее и обычным способом. Из-за того, кем она является. Из-за ее смелости, ее силы, ее ума. Из-за ее доброты и мягкой натуры, что она прячет под своей жесткой внешней оболочкой. Тот факт, что она сногсшибательна, делу не повредил. Откровенно говоря, она была бы женщиной из моих снов, даже если бы буквально ею не была. Как-то так.

У нас был долгий разговор обо всем, где она рассказала мне то же самое. Я не просто заполнитель ее прошлого. Это трудно объяснить, но я знаю, что когда она смотрит на меня, то видит меня.

А когда я смотрю на нее, то вижу весь мир.

— Тео, — говорит Меган, затаив дыхание и глядя на меня своими великолепными глазами. Они цвета океана, смесь синего и зеленого, которые меняют оттенок в зависимости от освещения. — Тео, если мы сейчас не спустимся, Сюзанна будет причитать об этом без конца.

— Пфф. Она в любом случае никогда не умолкнет. Она живет ради драмы.

— Хватит, она очень много сделала для организации вечеринки!

Я ласкаю ее щеку, затем наклоняюсь и вдыхаю ее запах у шеи. Боже, мне нравится, как она пахнет. Теплая ваниль и что-то сладкое, прямо как свежее печенье из духовки. Я хочу вонзять в нее свои зубы всякий раз, когда чувствую этот аромат.

Когда поднимаю руку от ее талии и нежно сжимаю полную грудь, она предупреждает:

— Дорогой!

— Мы по-быстрому, — шепчу я и толкаю ее своими бедрами назад, пока она не оказывается в ловушке между моей промежностью и раковиной в ванной.

Она гортанно смеется. Это разливает трепет похоти по моему позвоночнику.

— Нет, дорогой, — она хлопает по мне руками, пытаясь оттолкнуть.

Ухмыляясь, я хватаю ее за запястья и отвожу их ей за спину.

— И что теперь ты будешь делать?

— Ну, твои яйца находятся прямо на линии огня для неприятного удара от моего колена, — сладко щебечет она, улыбаясь. — Думаю, стоит сделать такой трюк.

Я притворяюсь сердитым.

— Несправедливо, — тогда начинаю ее щекотать, потому что обожаю, как она визжит.

— Стоп! Нет! Ты засранец! — она извивается и крутится в моих руках, отчаянно пытаюсь убежать, но я все-таки сильнее. Я не смягчаюсь до тех пор, пока она не начинает беспомощно смеяться и обзывать меня каждым матерным словом из словаря.

Я падаю перед ней на колени и прижимаюсь щекой к ее животу.

— Эй, маленькая горошинка, — шепчу я, поглаживая маленький животик. — Как ты там?

Мягкие руки Меган упираются в мою голову. Она расчесывает мои волосы пальцами, я чувствую, как они дрожат.

— С ней все отлично. Она говорит, что любит своего папу.

Я поднимаю взгляд. Ее глаза мягкие и мерцают слезами, они полны любви, что, черт возьми, убивает меня.

— Я тоже ее люблю, — хриплю я. — И ее мамочку, — мой голос прерывается. — Бесконечно.

Она сжимает губы и очень быстро моргает, как обычно, поступает, чтобы не расплакаться.

Откуда-то снизу доносятся раздражающие крики Сюзанны.

— Иисус Христос на костыле, люди, вы идете или как?

Я встаю, целую Меган в ее смеющийся рот, затем хватаю за руку и вывожу из спальни. Спустившись вниз, Сюзанна, Куп и все ребята из «Хиллрайз» дожидаются в главной гостиной с напитками в руках. В углу установлен бар, два официанта в униформе стоят в стороне с серебряными тарелками с крошечными кусочками еды, которые обычно подают на вечеринках и которые нужно съесть около сотни, чтобы хоть как-то насытиться.

Все поворачиваются, когда мы входим.

— Ну вот! Подойдите сюда и скажите несколько слов, прежде чем гости начнут прибывать.

Сюзанна надела красное платье с таким низким декольте, что оно может быть незаконным в некоторых штатах. Куп, уставившийся на него с ухмылкой и обернувший руку вокруг ее плеч, очень занят, оценивая открывшийся вид.

Мы с Меган подходим к камину. Через окна гостиной я вижу парковщика у тротуара на улице. Более трехсот гостей обещали прибыть на торжественное открытие гостиницы «Баттеркуп Инн», но возможно гостей будет больше. Люди любят выпить на халяву.

Меган сжимает мою руку и смотрит на меня вопросительно, но я качаю головой. Я все еще не люблю разговаривать с другими людьми. Думаю, тяжело избавиться от старых привычек.

Она обращается ко всем нашим друзьям с улыбкой.

— Хорошо, мы просто хотим поблагодарить вас, ребята, за все, что вы сделали для «Баттеркупа». Честно говоря, это место стало прекраснее, чем я себе представляла, — она делает паузу, чтобы прижать руку к сердцу. Я обнимаю ее за плечи и прижимаю поближе, зная, что сегодняшней день будет для нее тяжелым.

Словосочетание «горькая радость» придумано как раз для таких случаев.

Она делает вдох и продолжает.

— Куп, Сюзанна... вы наши лучшие друзья. Мы бы не прошли через все это без вас. Мы вас любим.

Сюзанна встречается с ней глазами. Куп кивает своей большой головой, широко улыбаясь.

— Я тоже тебя люблю, Зефирка, — затем направляет взгляд на меня. Более спокойно, добавляет: — И тебя, брат.

В груди становится тесно.

Может быть, однажды я расскажу Купу о случившемся. Однажды, когда мы будем старыми и седыми, когда наши внуки будут бегать вокруг наших кресел-качалок на заднем крыльце. Но пока мы все оставим так, как есть. Иначе он решит, что я просто еще не отошел от шока после аварий. Но мне все равно чертовски повезло иметь такого хорошего друга.

— Все ребята из «Хиллрайз», — продолжает Меган, — сегодня праздник в честь вашего труда и таланта. Я знаю, что вы также гордитесь «Баттеркупом», как и я, потому что он — идеален. Спасибо от всего сердца. Я бы подняла за вас бокал шампанского, но мне нельзя.

Она с улыбкой кладет руку на живот, и все смеются.

Мое сердце переполняется счастьем. Мне приходится несколько раз сглотнуть и сделать несколько глубоких вдохов, прежде чем я обретаю контроль над своими чувствами.

Потом замечаю, как первая машина въезжает на улицу и сжимаю плечо Меган. Она следует за моим взглядом и хлопает в ладоши от волнения.

— О! Гости начинают прибывать!

— Уже? — кричит Сюзанна в панике. — О, черт, дай мне убедиться, что стол готов! — она вырывается из объятий Купа и покидает комнату, размахивая руками и стуча каблуками по полу.

— Подожди меня! — кричит следом Меган.

Я тяну ее за руку и целую напоследок.

Она смотрит на меня с сияющими от счастья глазами, затаив дыхание.

— Я люблю тебя, — шепчет она.

Я наклоняю голову к ее уху.

— Я тоже тебя люблю.

Она разворачивается, и смеется. Я смотрю, как она выбегает из комнаты с развевающимися волосами, перебирая длинными ногами и сверкая аппетитной задницей в узких синих джинсах. И я знаю, тем же шестым чувством, которое подсказало, что она будет в закуской Кэла той ночью, что буду любить эту женщину вечно. Что бы ни случилось, она — путеводная звезда для моей души.

И я готов любить ее в каждой жизни.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Notes

[

←1

]

(Здесь и далее примечание переводчика) «Ты мое солнце» с английского

[

←2

]

идиома, традиционно используется в английском языке. Обозначает обстоятельство или предмет настолько важной величины, что не обратить на него внимание было бы глупо,

когда предмет под носом, но его никто не видит. Также может обозначать очевидную проблему или острую тему, которую в обществе никто не хочет решать или обсуждать.

[

←3

]

с английского «козявка»

[

←4

]

Мериуэзер Льюис и Вильям Кларк, возглавившие первую сухопутную экспедицию через территорию США из Сент-Луиса к тихоокеанскому побережью и обратно.

[

←5

]

эффективный прием оказания экстренной медицинской помощи, который используется для освобождения дыхательных путей человека от застрявшей в них пищи или другого инородного предмета

[

←6

]

философия, ставящая под сомнение общепринятые ценности, идеалы, нормы нравственности, культуры

[

←7

]

устойчивое выражение, означающее «не твои проблемы»

[

←8

]

Сорт винограда

[

←9

]

Восьмикратный олимпийский чемпион в беге на короткие дистанции

[

←10

]

Человек, который готовит сцену перед концертом

[

←11

]

марка туалетной бумаги

[

←12

]

«наконец-то»

[

←13

]

Электроэнцефалография (ЭЭГ) — раздел электрофизиологии, изучающий закономерности суммарной электрической активности мозга, отводимой с поверхности кожи головы, а также метод записи таких потенциалов (формирования электроэнцефалограмм). Также ЭЭГ — неинвазивный метод исследования функционального состояния головного мозга путём регистрации его биоэлектрической активности.